
ОГОНЁК
№ 52 ДЕКАБРЬ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
В ЭТОМ НОМЕРЕ:
Гаврила Одинец,
его дети, внуки и правнуки
В ТЕНИ НЕБОСКРЕБОВ
Рассказ Сергея Воронина НАШ ДОМ
ЖУРНАЛЫ В ОКТЯБРЕ И НОЯБРЕ
Copyrighted material

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 52 (1853)

23 ДЕКАБРЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Обелиск Свободы

На площади перед теперешним зданием Моссовета стояла раньше безвкусная конная статуя царского генерала Скобелева. Ее снесли вскоре после победы Революции по декрету Совета Народных Комиссаров, как и многие другие памятники, «воздвигнутые в честь царей и их слуг».

По инициативе В. И. Ленина на площади Моссовета был сооружен новый памятник, отражающий «идеи и чувства революционной трудовой России»,— обелиск Свободы по проекту архитектора Л. Н. Осипова. Он был открыт 7 ноября 1918 года. Статуя Свободы была позднее выполнена скульптором Н. Андреевым.

«Мы представляем,— сказал в своей речи на открытии памятника А. В. Луначарский,— взорам мира гранитный кристалл, символизирующий стремление пролетариата вперед. Советская конституция, помещенная внизу,— основной кристалл, вокруг которого сложится новый солнечный порядок. Наша конституция — это обет, это цель, программа».

В период культа личности Сталина обелиск Свободы был снят и разрушен.

К счастью, сохранились черновые материалы, которые позволяют в точности восстановить обелиск Свободы.

Фото А. Тартаковского.

Н. С. Хрущев и Л. Ф. Ильичев с участниками совещания М. Шолоховым и Ю. Збанацким.

ДЛЯ НАРОДА

Е. ВУЧЕТИЧ,
народный художник СССР

Стало уже привычным в нашей жизни — общественной и творческой — называть наиболее значительные события и явления историческими. И в самом деле это так.

Мы живем и созидаем в такое стремительное и бурное время, когда каждый год полон событий и явлений эпохальной значимости. Но без тени преувеличения можно сказать, что в жизни художественной интеллигенции за пос**леднее время не было события более благотворного, чем встреча, состоявшаяся 17 декабря 1962 года.**

Это была не просто встреча руководителей Коммунистической партии и Советского правительства с представителями нашей художественной интеллигенции, не просто большой разговор о советской литературе и искусстве.

Это была жизненно важная беседа, откровенная и взволнованная, мужественно-правдивая, исполненная великой заботы о настоящем и будущем советской литературы и искусства.

XX и XXII съезды Коммунистической партии Советского Союза ознаменовали в жизни нашего об**щества величайший поворот. Были приняты все меры к ликвидации вредоносных последствий культа личности, к восстановлению ленинских норм жизни общества. Далеко вперед шагнула** наша Родина в последние годы. Благодарное человечество будет вечно чтить подвиг нашего народа — первооткрывателя космической эры. Еще радостней стало творить во славу родного народа, воспевать свое время, своих замечательных современников.

На встрече 17 декабря было сказано много добрых слов о произведениях, достойных народа-героя, строящего коммунизм.

Об этом говорил Никита Сергеевич Хрущев, и его устами го**ворила об этом вся ленинская партия.**

Но более всего на этой встрече прозвучала забота партии, правительства о дальнейших судьбах советского искусства.

Был продолжен суровый и нелицеприятный разговор о рабском подражании некоторых художников уродливым образчикам современного буржуазного искусства, об идеологическом примиренчестве, а тем самым об отступлении перед чуждой нашему обществу буржуазной идеологией.

Видимо, не отдавая себе отчета, не задумываясь об антинародной сущности абстракционизма и формализма, возведенных недругами коммунизма в ранг «нового

Во время перерыва совещания. Фото А. Устинова.

искусства», некоторые наши деятели культуры пытались их оправдать и обеспечить им право на мирное сосуществование с социалистическим реализмом, забыв о том, что сама идея сосуществования идеологий есть не что иное, как предательство.

Некоторые товарищи раньше убеждали нас в том, что необходим-де поиск завтрашнего искусства. Здесь следует оговориться: поиск, конечно, всегда необходим. Нельзя, однако, сам факт поиска считать уже художественным открытием. Тем более поиск негодный, каким являются формалистические и абстрактные выкрутасы малоталантливых рисовальщиков и живописцев.

Если уж и применимо к ним слово «поиск», то только лишь в одном смысле: поиск легкого успеха, легкой славы, даже не гнушаясь и геростратовой.

Во имя чего партия и правительство ведут сегодня с художниками большой и серьезный разговор, во имя чего мы еще раз решительно определяем свои идейно-художественные позиции?

Ответ может быть лишь один: во имя народа, строящего коммунизм. Во имя народа, прошедшего сквозь все тернии истории, не останавливавшегося ни перед какими трудностями и сложностями. Во имя народа, высоко ценящего свою художественную интеллигенцию и ожидающего от нее величайших свершений.

Наш народ имеет полное право спросить с каждого художника о мере его творческой отдачи, о существе его творчества.

Для кого трудится наша художественная интеллигенция? Для самой себя, для изощренной кучки снобов от искусства и литературы или же для миллионных масс трудящихся, творцов Великой Октябрьской революции и космической эры человечества?

Величие истинного искусства всегда заключалось в том, что оно вдохновляет народные массы на борьбу за общечеловеческое счастье. И, спрашивается, может ли такое искусство быть непонятным народу?

Народу не нужны графические и «объемные» анекдоты, именуемые «новым искусством», принижающие духовный мир современника, оскорбляющие его достоинство.

И пусть не удивляются формалисты и абстракционисты, что на презрение к народу, выраженное в их «творениях», народ отвечает им тем же самым...

Это было со всей прямотой и откровенностью сказано на встрече 17 декабря. Это отрезвляюще прозвучало для тех, которые свои заблуждения возвели в «новую» норму современного искусства.

Разговор на встрече носил характер острой полемики; были споры, естественные для проблем творчества, но прежде всего и главнее всего были бесспорные суждения о необходимости зорко оберегать чистоту и высокую идейность нашего искусства; непрестанно дерзать, но не ради дерзаний как самоцели, а ради великой цели, требующей самого талантливого художественного воплощения; возвысить советского человека, воспеть его мужественный подвиг, отобразить сложную и прекрасную правду жизни нашего народа. И делать это в полную меру таланта, ума и сердца художника.

Вечером 18 декабря москвичи тепло простились с Президентом Федеративной Народной Республики Югославии Иосипом Броз Тито и его супругой — Йованкой Броз. По пути на родину гости из Югославии вместе с Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым посетили столицу Украины.

На снимке: Президент ФНРЮ Иосип Броз Тито, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев и Председатель Президиума Верховного Совета Украинской ССР Д. С. Коротченко на вокзале города Киева.

Фото Н. Козловского.

За годом год...

Каждый день нынче — день рожденья
скважин, шахт, заводов, селений.
На Оби,
на Дону,
на Лене...
В марте...
В мае...
И в октябре...
Все бы вспомнил я,
но — куда там? —
как в портовом строю солдатам,
штурмам,
подвигам,
громким датам
стало тесно в календаре.
...Я за грудой сводок бумажных
ясно вижу людей отважных
в погрубевших спецовках влажных,
пожилых и совсем юнцов.
Это гордость твоя, держава,
это сила твоя и слава —
поколение в битвах правых
и романтиков,
и творцов.
Это мощь...
Под ее руками
сталь сдается,
крошится камень,
полыхает мартенов пламя,
и в плотинах волна звенит.
Это волею их упрямой
мчится Родина к солнцу прямо,
предусмотренною Программой,
самой верною из орбит.

Леонид ЧИКИН

Новосибирск.

В московском магазине № 100. Выступает поэт Михаил Дудин.

Фото Ю. Шаламова.

ПОЭЗИЯ — В РАБОЧЕМ СТРОЮ

16 декабря в Москве прошел День поэзии. Подготовку к нему мы начали еще в октябре, с читательских конференций и выступлений в цехах крупнейших заводов. За два месяца во дворцах культуры, клубах и студенческих аудиториях столицы прошло ровно 300 поэтических вечеров, в том числе и такой грандиозный, как вечер во Дворце спорта, собравший 12 тысяч слушателей. Прибавим к этому стихи, переданные по радио и телевидению. О такой огромной взыскательной читательской аудитории мечтал трибун революции — Владимир Маяковский.

День поэзии в Москве как бы вобрал в себя поэзию других республик Советского Союза. В книжных магазинах и аудиториях Москвы выступили поэты 10 городов Российской Федерации, а также из Таджикистана.

Ни Европа, ни Америка не знают ничего подобного. Недаром сообщение о Дне поэзии в Москве дали все агентства мира. Европа и Америка удивляются широчайшей потребности советских людей в поэзии. Буржуазные журналисты ищут объяснения: в чем же секрет? Почему у них тиражи поэтических сборников редко превышают 1 000—1 500 экземпляров, а у нас сборник «День поэзии. 1962» вышел тиражом в 50 тысяч экземпляров и разошелся мгновенно; к этому еще надо прибавить сборник «День поэзии в Москве», выпущенный в библиотечке «Огонька» тиражом в 150 тысяч экземпляров. Надо еще сказать и о том, что в книжных магазинах Москвы за эти дни были проданы десятки тысяч стихотворных сборников. Этот широкий и небывалый даже для нашей страны успех советской поэзии объясняется высоким душевным подъемом нашего народа, возвышенностью его устремлений.

Мы, поэты Советской России, стараемся в меру своих сил и возможностей отвечать на эти запросы народа-читателя. Мы не можем похвастаться тем, что полностью отвечаем этим требованиям, но, очевидно, в какой-то мере отвечаем, если интерес к поэтическому слову так велик.

Ярослав СМЕЛЯКОВ

В Большом Кремлевском Дворце проводила свою работу седьмая сессия Верховного Совета РСФСР пятого созыва. На снимке: в зале заседаний сессии.

Фото Е. Умнова.

Манолис Глезос с членами советской делегации общества «СССР—Греция».

Фото Мих. Войцеховича.

30 декабря — 15 лет со дня провозглашения Румынии Народной Республикой

НОВЫЙ ВЕК РУМЫНИИ

Вканун 1948 года последний отпрыск королевской династии, правившей Румынией более 80 лет, подписал акт отречения от власти. Традиционные проводы старого и встреча Нового года совпали с историческим событием, которое отметило не только смену лет, но и смену эпох.

Приглашенный в 1866 году на румынский престол немецкий принц Карл Гогенцоллерн прибыл в Румынию с единственным чемоданом. После отречения его потомка, Михая Гогенцоллерна, в собственность румынского народа перешло более 15 тысяч гектаров пахотной земли, около 140 тысяч гектаров леса, 114 дворцов, 45 замков, около 4 миллионов акций крупнейших предприятий и банков, различные драгоценности, картины, яхты и т. п.— общей стоимостью в миллиарды лей.

30 декабря 1947 года Румыния была торжественно провозглашена Народной Республикой. Народ ликовал, на улицах городов проходили многолюдные шествия, на площадях кружились веселые хороводы. Поэт старшего поколения, М. Бреслашу писал об этих днях:

И в зимний день
Повеяло весною.
Декабрь. Тридцатое число.
Закончен год, а с ним и
старый век...

За прошедшие с того дня 15 лет румынский народ шагнул далеко вперед по новому пути.

В богатой нефтью Румынии в прошлом было мало заводов для переработки нефти. Бензин и технические масла ввозили из-за границы. А существовавшие в стране заводы проектировались и строились иностранцами.

В Румынской Народной Республике создана собственная промышленность нефтяного оборудования. Неузнаваемо изменились условия труда и жизни нефтяников.

Теперь румынские инженеры не только проектируют заводы и оборудование в своей стране, но и оказывают техническую помощь слаборазвитым странам, имеющим свою нефть. В Индии, например, в Гаухати уже работает на полную мощность нефтеперегонный завод, спроектированный в Румынской Народной Республике.

За годы народной власти в Румынии освоено производство энергетического и шахтного оборудования, тракторов, сельскохозяйственных машин, различных станков, автомобилей. Выпуск промышленной продукции в 1961 году по сравнению с 1949 годом вырос в 5,5 раза.

Большие победы одержаны в сельском хозяйстве, завершена коллективизация.

Еще более грандиозное развитие страны намечено III съездом Румынской рабочей партии и зафиксировано в шестилетнем плане развития народного хозяйства РНР на 1960—1965 годы. Залогом того, что этот план будет успешно завершен, служит самоотверженный, вдохновенный труд свободного румынского народа.

Ю. ЯКУШИН

Жилые дома в квартале имени К. Пархона в Яссах.

ПРОМЕТЕЙ ЭЛЛАДЫ СВОБОДЕН

Первой, кто сообщил мне эту радостную весть, была жена Манолиса, Тасия. Мы встретились с ней в помещении Единой демократической левой партии Греции (ЭДА), куда прямо из тюрьмы «Авероф» она приехала вместе с Глезосом на заседание только что избранного II съездом ЭДА руководящего органа партии — Административного комитета.

— Манолис здесь, на свободе, с друзьями! — взволнованно говорит Тасия.— Все это произошло так неожиданно, даже для меня. Сегодня я, как обычно, пришла в тюрьму с передачей. Однако ее у меня не приняли и сказали, чтобы я уходила домой.

Но вот кто-то шепнул мне: «Собирают вещи Манолиса, возможно, переводят в новую тюрьму». Я уже к этому привыкла. Где только не сидел он — тюрьмы Крита, Корфу, Эгины, наконец, «Авероф». Гляжу, в тюремную канцелярию вошли двое военных и представитель министерства юстиции. Вызывают Манолиса. И вдруг в сердце вспыхнула надежда: неужели свободен!

Смутно припоминаю, как зачитывали указ короля о помиловании. Но в ушах до сих пор звучит твердый и мужественный голос Манолиса: «Я не виновен в предъявленном мне обвинении. Поэтому я был вправе ждать от правительства, что оно не только освободит меня от дальнейшего отбывания наказания, но и полностью отменит несправедливый приговор».

— Манолис свободен — повторяет Тасия.— Вот и сбылось то, о чем так страстно мечтала я вместе с сынишкой Никосом все эти годы, за что боролись наши бесчисленные друзья как здесь, так и далеко за пределами Греции.

Улыбаясь, Тасия напоминает мне, что еще в феврале в интервью «Огоньку» она выразила надежду, что 1962 год будет годом свободы Глезоса. Эта надежда сбылась.

Нашу беседу прерывают восторженные приветственные возгласы огромной массы народа, до отказа забившего помещение ЭДА. Сотни рук рабочих, служащих, студентов тянутся к Манолису.

Я вижу дорогое, хорошо знакомое миллионам людей лицо. Мы встречаемся взглядами, и какая-то особая сила бросает нас навстречу друг другу. Крепкое рукопожатие, объятия, поздравления. Я, первый советский человек, встретивший Глезоса после его выхода на свободу, сообщаю ему о безграничном чувстве радости, которую испытывают советские люди в связи с победой демократических сил Греции.

Долгие годы тюремных испытаний наложили свою печать на Манолиса. Поседели голова и усы, под глазами разбежались паутинки морщин, смуглая кожа южанина побледнела. Ведь помимо последних четырех лет, проведенных в тюрьме, за его плечами еще более семи лет тюремной каторги. Глезоса не раз судили в годы гитлеровской оккупации, его дважды бросали в тюрьмы в послевоенный период.

Но несгибаемый и мужественный человек полон сил и энергии. Я спрашиваю его о здоровье. «Хорошо»,— по-русски отвечает Манолис, стараясь успокоить тревогу миллионов его друзей.

Неутомимый борец за интересы народа, он с первой же минуты после выхода из тюрьмы активно включился в политическую жизнь страны. За короткий срок пребывания на воле Глезос встречался и беседовал с молодежью, товарищами по прежней работе в газете «Авги», директором которой он был вплоть до своего ареста, родственниками политических заключенных и ссыльных. Манолис был единодушно избран членом исполнительного комитета Единой демократической левой партии и занял в ней один из руководящих постов.

Манолис Глезос попросил меня передать сердечный привет читателям «Огонька» и выразил горячую благодарность за выступления журнала в поддержку справедливой борьбы за его свободу.

— Как бы тяжелы и суровы ни были условия тюремного режима, мне все же иногда удавалось получать «Огонек» с воли. С волнением я читал в нем статьи в защиту греческих узников. Я искренне верю, что солидарность и поддержка друзей греческого народа приблизят час освобождения всех политических заключенных Греции, которые много лет томятся в тюрьмах и концлагерях только за то, что они любят Грецию и ее народ.

Н. БРАГИН

Афины. По телефону.

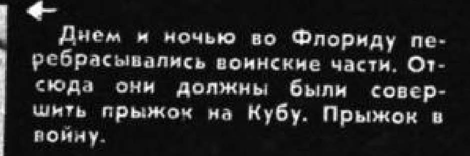
Этот снимок, сделанный репортером журнала «Лайф», обошел мировую прессу. Америка в тревоге: «Чем все это кончится!»

Человек в тяжелом раздумье — президент Соединенных Штатов Америки Джон Кеннеди. «Сегодня в Вашингтоне,— передавало американское агентство Юнайтед Пресс Интернейшнл,— официальные представители правительства и лидеры конгресса сообщили, что планы вторжения на Кубу развиваются полным ходом».

Глубокой ночью с базы Гуантанамо были эвакуированы на материк семьи американских военнослужащих. Паника в Соединенных Штатах росла.

Днем и ночью во Флориду перебрасывались воинские части. Отсюда они должны были совершить прыжок на Кубу. Прыжок в войну.

«Производство оружия — большой бизнес!» — надрывались на страницах газет и журналов монополии, работающие на войну.

Старец с пистолетом — адмирал флота США Честер Нимиц. Ему уже перевалило за семьдесят семь. Но когда американские «бешеные» с пеной у рта требовали немедленного вторжения на Кубу, воинственный пенсионер облачился в мундир и отправился на полигон. Правда, получилась не демонстрация мощи, а демонстрация мощей...

На мировом пожаре были не прочь погреть руки западногерманские реваншисты. Вот их лидеры: генерал-преступник Адольф Хойзингер и Франц Иозеф Штраус — тогда еще военный министр ФРГ. У них в ушах уже звучала желанная музыка атомных взрывов.

Огненный шар вспыхнул ночью над Гонолулу. Это не была война. Это была игра в войну. Раздувая атомный психоз, Соединенные Штаты взорвали водородную бомбу на большой высоте в районе острова Джонстон. На многие сотни миль вокруг небо прорезало чудовищное зарево.

МИР ПОМ

Отчетом человечеству о том, как был спасен мир, прозвучал доклад Н. С. Хрущева на сессии Верховного Совета СССР 12 декабря 1962 года. Это был отчет о подвиге. О подвиге мужества и мудрости. О победе над силами войны.

Г. ГУРКОВ

Год 1962-й, декабрь. Пушистые снежинки ложатся на московские улицы. Сверкает ослепительное солнце над Гаваной. Скачет термометр, регистрируя капризы нью-йоркской зимы.

Есть еще другие, особые приметы у этого декабря.

Вернулись из чрезвычайного боевого патрулирования подводные лодки и бомбардировщики дальнего действия, зачехлены орудийные стволы и убраны в укрытия зловещие сигары межконтинентальных ракет.

Позади дни, когда люди во всех уголках планеты с тревогой вглядывались в небо.

Дни, когда взволнованная напряженность в любой момент

Тысячи москвичей приходили в те

ВЫИГРАЛ

…НИТ, КАК ЭТО БЫЛО

могла взорваться невиданной в истории катастрофой.

Мир помнит, как это было.

Как в американском конгрессе закатывали воинственные истерики сенаторы из твердолобых.

Как политические комментаторы гадали: скоро ли начнется — через день или через час?

Как готовилось преступление. Против Кубы. Против человечества.

Американские «ультра» использовали рецепты, известные лицемерам всех времен. Держа за пазухой планы вторжения на остров Свободы, они разразились стенаниями по поводу «опасности», которую якобы несли Америке советские ракеты, доставленные на Кубу.

Нет, не для наступательных ударов по Нью-Йорку и Чикаго, по Филадельфии и Детройту проделало дальний путь из Советского Союза ракетное оружие. Единственной целью было защитить Кубу от агрессии, дать понять зарвавшимся провокаторам войны, что они получат сокрушительный отпор, если осмелятся привести в действие дивизии вторжения.

Подталкиваемое маньяками из Пентагона американское правительство дошло до последней черты. Над человечеством нависла угроза термоядерной войны.

Мир помнит, с каким спокойствием, достоинством и уверенностью, с какой огромной заботой о человечестве действовало в дни опасности, созданной агрессивными силами США, правительство Советского Союза. Безответственному бряцанию оружием была противопоставлена политика переговоров, безумию — разум.

Разум победил. Не было вторжения. Не было войны. Соединенные Штаты взяли перед всем миром публичное обязательство не нападать на Республику Куба и удерживать от этого своих союзников. Советские ракеты и самолеты «ИЛ-28» могли покинуть далекий, но близкий каждому из нас остров в Карибском море.

Советские люди надеются, что руководители Соединенных Штатов сумеют сдержать слово и не допустят, чтобы вспыхнул новый опасный конфликт. «Всем должно быть ясно, что наша страна никогда не оставит революционную Кубу в беде»,— подчеркнул Никита Сергеевич Хрущев в докладе на сессии Верховного Совета СССР.

Сегодня, на рубеже нового года, по древней общечеловеческой традиции, люди думают о прошлом и будущем. И разве удивительно, что в далеких друг от друга уголках земли мысли миллионов посвящены одной проблеме. «Для мира, находящегося в тисках кризиса, главные вопросы: «Что нас ждет впереди? Что случится завтра?» — пишет в американском журнале «Лайф» Ричард Улахан.

Ответ на эти вопросы зависит от многих факторов. И не в последнюю очередь от того, какие выводы сделали на Западе из последних событий. Если там поняли, что мирное сосуществование — это единственная альтернатива истребительной ядерной войне, то перспективы наступающего года самые оптимистические. Но если провокаторы из Пентагона и с Рейна, эти извечные апостолы «твердости» и безрассудства, одержат верх и Запад будет строить свою политику в расчете на силу, это может закончиться катастрофой.

«Как нам следует относиться к России сегодня? С тревогой? Страхом?» — спрашивает на страницах журнала «Лук» американский журналист Уилсон.

Отвечаем: с доверием.

Никогда Советский Союз не начнет ядерной бойни. Наша цель — спасти человечество от войны. Это было еще раз доказано в дни, когда земной шар находился на грани катастрофы.

Мир помнит.

Мир не забудет.

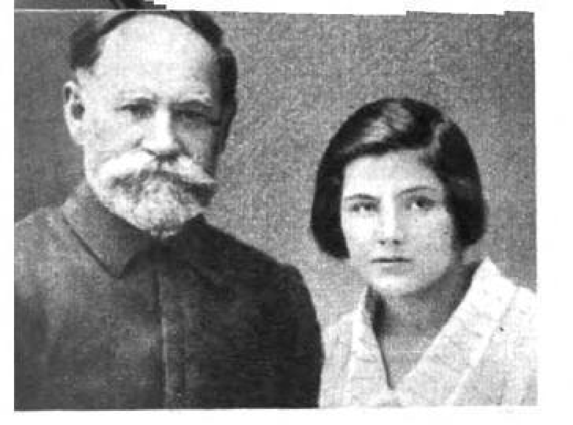

Джентльмен, в одиночестве прогуливающийся под сенью пальм,— бывший вице-президент США Никсон. Он же бывший кандидат в губернаторы штата Калифорния. Никсон-война провалился. «Моя политическая карьера закончилась»,— мрачно пробурчал он, узнав о результатах выборов.

…суровые дни к посольству Республики Куба. «Мы с вами, братья!»

Фото Л. Бородулина и А. Бочинина.

…РАЗУМ, ВЫИГРАЛО ДЕЛО МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ НАРОДОВ

1925 год. Г. М. Одинец с дочерью Натальей.

Семье братской, единой — 40 лет

Гаврила Оди

О. КУПРИН, Д. ПРИКОРДОННЫЙ

Сегодня семейный съезд. К Наталье Гавриловне приехала родня. Сели за стол. Разложили старые фотографии. Вспоминают прошлое. Мы привезли Одинцам необычный подарок — несколько страничек с речью их отца, деда, прадеда. Мы отыскали ее в старой стенограмме. Сорок лет назад эта речь прозвучала в Москве, на Первом съезде Советов Союза Советских Социалистических Республик, на том самом, что принял Декларацию об образовании СССР.

— Товарищи, я представитель того беднейшего селянства, которое с самого начала своего существования является прямым наследником на все богатства, которые есть на свете и которые приобретены трудовым народом! — с задором читает озорной мальчишка, внук оратора Петя.

Интересная история у этой речи...

* * *

— Батя! Возьми на ярмарку. Обещал ведь.

— Мал еще.—Отец хмуро смотрит на сына.— Куда тебе, босоногому!..

— Сапоги купим. А? — неуверенно предлагает сын.

Он знает, что сапог никто ему не купит: не на что. У отца десятина с небольшим земли. Что с нее возьмешь? И лошадь одна осталась от деда, а братьев у отца несколько. Так что, может, и не дадут лошаденку, если у когонибудь более важное дело, нежели ярмарка. Но поехать Гавриле страсть как охота, и потому он не отступает:

— Батя! Ну возьми...

— Ладно,— неохотно соглашается отец.

Бричка трясется по проселку. Вот и город.

— Лав-ка,— читает по слогам Гаврила то, что написано на большой доске над домом.

— Ты что? Читать научился? В паны лезешь, сопляк! — негодует отец.

Он останавливает лошадь. Спрыгивает с брички. Поднимает с дороги хворостину и с ее помощью втолковывает сыну основы политической грамоты, как сам ее понимает.

Гаврила трет грязными кулаками глаза. Ему обидно. Он вовсе не хочет быть паном. А читать он научился у ребятишек, у тех, кому посчастливилось ходить в школу. Правда, они за это издевались над бедняцким сыном, но Гаврила старался не обращать внимания. Уж больно интересная была книга — букварь.

И все-таки первую репрессию Гаврилка получил за эти самые буквы. От отца. Хворостиной.

Вторая была лет через десять. За ней третья, четвертая...

Гаврила ушел на заработки в Киев. Научился там столярному ремеслу и вопреки отцовским наказам еще немного грамоте. Подружился со студентами. Ходил к ним, слушал стихи Некрасова и Шевченко, втолковывал ученым друзьям свою, мужицкую правду.

За это и попал в тюрьму. Бежал. Потом опять тюрьмы, ссылки, побеги. И никак не мог понять деревенский парнишка главного: есть ли она, крестьянская правда? Ссыльные большевики доказывали, что отдельной крестьянской правды нет, что крестьяне с рабочими вместе должны завоевать общую правду — социализм. Другие твердили: «Не продавай, Гаврила, свою крестьянскую душу». Вот и попробуй разберись, кто из них прав.

В родном селе на Гаврилу смотрели с недоверием. Вроде по всем статьям правильный мужик, но в бога не верит и детей своих в церковь не пускает. Одно слово — политический.

В селе Одинец бывал редко. После тюрем и ссылок приезжал навестить жену и детей. Погостит неделю и уедет куда-то. А потом доходит до односельчан слушок, что, дескать, опять Гаврила, Матвеев сын, попал в казенный дом. Вздыхали мужики: за землю страдает Одинец. Только зря, видно. Никто не даст мужику землицы. И за что человек принял на себя такие муки? Семья ведь немалая.

Семья... В пятнадцатом году, когда везли Одинца в девятую по счету ссылку, тяжело у него было на сердце. Незадолго перед арестом навсегда простился с женой своей Марией Леонтьевной. Сам копал могилу. Дети стояли вокруг. Меньшой, Тарас, еще на руках у сестры, а старшому только семнадцатый пошел. Как же они без отца и матери, пять сыновей и две дочери? К крестьянскому труду приучены сызмальства, но дети все-таки...

Весной семнадцатого года вернулся из ссылки Одинец, приехал в Киев. Тут его ждала новость. Должен был Гаврила заседать в Центральной раде. О нем много говорили, его превозносили. Не понял тогда Одинец, зачем это его мужицкая персона понадобилась просвещенным господам. Но цель у него была ясная — земля.

На первое заседание он пришел немного растерянный. Все жали ему руку и словно не замечали его грязной одежды среди белоснежных сорочек и черных пиджаков, его драных сапог на блестящем полу дворца. Только вот о земле никто с ним говорить не хотел. Земля потом. Сначала нужна Украине автономия. А уж после стоит подумать и о земле.

— Вы, Гаврила Матвеевич, поедете в Петроград с делегацией,— сказали ему.— Нужно доказать Временному правительству, что украинское крестьянство требует автономии. Вы же хотите, чтобы ваши дети имели право разговаривать на родном языке?

В Петрограде на вокзале их встретили торжественно. На площади дожидался автомобиль и карета самого Николая II. Одинец выбрал царскую «бричку». «Видел бы батько, в какие паны вышел его сын!» — думал Гаврила, застегивая новую чумарку, чтобы не было видно рваной рубахи.

Одинец слышал, как кто-то спросил у кучера:

— Почему шум? Приехал, что ли, кто?

— Хохлацкие министры с Украины приехали,— равнодушно ответил кучер, и карета тронулась.

По дороге, а затем целый день только и было разговору, что об автономии. Одинец участия в спорах не принимал. Его мало интересовала автономия. Его интересовала земля, за которую просили пострадать мужики и которую наказывали просить у самого главного министра.

Самый главный министр — председатель Временного правительства князь Львов—принял украинцев на следующий день. Князь пожал всем руки, а Одинцу даже улыбнулся и по-дружески подмигнул. «Все будет в порядке. Дадут мужикам землю»,— подумал Гаврила. Но разговор произошел неожиданный.

— Помилуйте! — удивился главный министр.— Какая Украина? Существует Малороссия. Никакой особой украинской культуры нет и быть не может. Я, конечно, не решаю столь важных вопросов. Это — дело Учредительного собрания. Но то, что вы предлагаете, нереально.

Несколько дней ходил Одинец по министерским приемным. Ему опять жали руки, улыбались и всюду:

— Помилуйте! Какая Украина?

Значит, не будет мужикам земли...

На улице продавали газеты. Бросились в глаза большие буквы: «Правда». Купил. Прочел несколько статей. О земле говорилось много и, что больше всего удивило Одинца, правильно. Земля — народу без выкупа. И дальше все как будто верно. Что ему, Гавриле, ложкой есть ту землю, когда нет у него лошадей и соха всего одна? Значит, надо пахать и сеять всем вместе на всей земле, а помещиков прогнать.

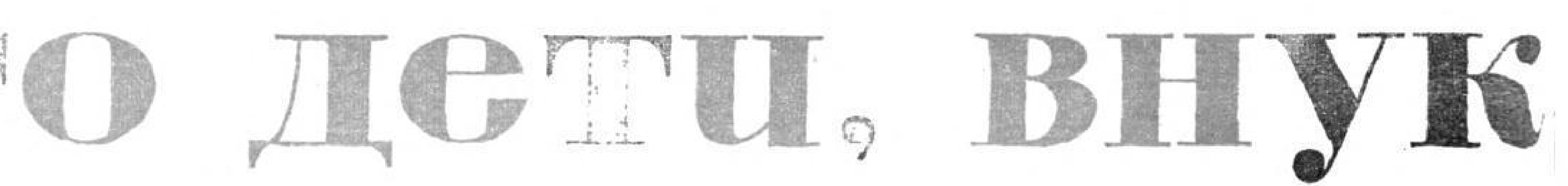
Но в голове все это сразу не укладывалось. Земля без выкупа — хорошо. Но как же без своего хозяйства? Деды держались за свою землицу, а тут своей-то, выходит, не будет. Совсем растерялся Одинец. Умом понимал все, но сердце крестьянское тянулось к своему клочку земли, своему хозяйству. Делегаты Центральной рады сказали о газете посвоему:

— Обман. Если языка, на котором ты говоришь, признавать не хотят, последним в очереди за землей будешь. Глядишь, и не достанется на твою долю. Автономия нужна Украине. Забыл, зачем приехал? А газетку эту порви: поганая она. На то и рассчитана, чтобы вас, мужиков, за нос водить.

Не порвал Одинец газету. Спрятал. К министрам больше не ходил. Скитался по Петрограду и думал свою тяжелую мужицкую думу про землю. Покупал другие газеты. Читал. Узнал, что заседает в Петрограде крестьянский съезд. Крестьянский — вот это то, что нужно.

На съезде была полная неразбериха.

У входа давка. Когда Гаврила протискался наконец в зал, оратор на трибуне заканчивал речь. Он говорил, что по-старому хозяйствовать нельзя, что нужда стучится в дверь. Он говорил о земле, но совсем не так, как думал о ней Гаврила. Чиновники не зна-

нец,

ют крестьянских бед, при их власти крестьянский труд будет ограблен. Только народная власть убережет человеческий труд от нахлебников и заставит работать каждого.

Народная власть. Всеобщая трудовая повинность. Только тогда земля станет для крестьян матерью, а не мачехой. Теперь Одинец начинал понимать эту связь. Если разрешить еще людям говорить на том языке, на каком они захотят, то лучшего он, Гаврила Одинец, ничего и не желает.

Оратор спускался с трибуны. Невысокий человек с лысиной, он оглядывал зал внимательными глазами. А зал шумел. Гаврила видел, что не все согласны с этим умным человеком. Кто-то даже свистнул. Рядом с Одинцом стоял бородатый мужик и неумело хлопал в ладоши.

— Кто это говорил? — спросил у него Гаврила.

— Ленин.

Гаврила тоже захлопал.

На следующий день украинцы отправились домой. Стучали колеса поезда. На полках посапывали «министры». Бежали за окном назад деревни, леса, речки. И мысли Одинца летели назад, в Петроград.

Ленин... «Правда»... Земля...

А автономия—что ж автономия? Если бы и выпросили они ее в Питере, дали бы крестьянам землицы? Гаврила задумался. Нет, все равно не дали бы, пожалуй. Какое дело Центральной раде до мужицких забот, паны там верховодят.

Его попутчики возвращались домой грустные. Только один Гаврила, наверное, не жалел, что съездил в Питер. Многое начало проясняться. Впрочем, нет, не проясняться, все становилось сложнее, но где-то в этой сложности таилась настоящая правда, которой Гаврила раньше не знал. Чувствовал, что где-то она рядом. Всего один шаг до нее.

К революции Гаврила отнесся осторожно. Еще, мол, неизвестно, что из нее получится. Трудно было разобраться в том водовороте событий, который захватил Россию. Да к тому же «друзья» из Центральной рады твердили свое: дескать, русским рабочим понадобился украинский хлеб, затем и революцию затеяли. Эти слова сходились в жестокой схватке в недюжинном разуме Одинца с воспоминанием о невысоком человеке на крестьянском съезде, с его речью о труде и народной власти. И кто-то должен был победить.

Развязка наступила неожиданно. На Украину пришли немцы. Их привела та самая Центральная рада, членом которой был Гаврила.

Уезжал Одинец из села на заседание рады, ничего не говорили ему односельчане. Отводили глаза при встрече. Да и о чем было говорить? Немцы забирали скот, рылись в крестьянских сундуках, избивали недовольных. У Одинца свели со двора лошадь.

В зале заседаний было много немцев. Одинец видел, как услужливо склоняются перед ними те, кто ратовал недавно за украинскую автономию.

Одинец попросил слова. Он никогда не пренебрегал крепким словцом даже в самой важной речи, и на этот раз обрушил на иноземцев всю свою злобу и ненависть, используя богатый арсенал недипломатичных крестьянских острых слов. Это был бунт, яростный и отчаянный.

Когда Одинец кончил, председатель, потренькав колокольчиком, сказал:

— Оратор был несколько резок в выражениях. Но пусть это не оскорбит господ немцев, наших дорогих гостей.

Спасло Одинца, по всей вероятности, то, что добрую половину его речи невозможно было перевести на немецкий язык.

Однако вскоре по приказу свежеиспеченного гетмана Гаврилу арестовали, и в десятый раз он очутился за решеткой. Теперь Гаврила не мучился сомнениями. Все стало на свои места. За землю нужно вести не национальную войну, а классовую. Автономия как вареник без начинки. А начинить его можно вишней, а можно перцем.

И вот явился украинский гетман, прописал крестьянину ижицу, и теперь, за решеткой украинской тюрьмы, нетрудно понять, для кого эта национальная свобода. Оттого, что на тюрьмах написали по-украински: «Въязниця»,— узникам не стало легче и свободнее. Что гетман, что Керенский— разница невелика. Драться с ними надо вместе — русским и украинцам. И жизнь свою строить тоже вместе.

Что помещику одним кулаком сделаешь? Дулю в кармане покажешь — и будь доволен. А миллионом кулаков можно с земли его скинуть. Потом взять в те руки, что сжимались в кулаки, плуги, лопаты, соорудить крепкие машины да сойтись всем вместе — украинцам, русским, белорусам — словом, всем, кто пожелает, и такое можно на земле построить, что весь свет ахнет!

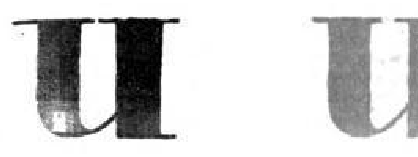
И опять вспоминал Одинец в своей холодной тюремной камере Ленина. И никакая на земле сила не смогла бы теперь его поколебать и хоть чуть-чуть свернуть с Ильичевой дороги.

Он был не из тех, у кого убеждения сидят не глубже, чем на кончике языка.

* * *

— Я скажу, что составляет наш селянский взгляд теперешний

Семейный съезд Одинцов.
Фото Н. Козловского.

и и правнуки

союз,— читает Петя.— Раньше был союз разбойников, теперь есть союз тружеников... Когда Христос принес скрижали, на которых было написано: «Придите ко мне все труженики, и я вас успокою»,— то прошло две тысячи лет, и вся болтовня так и осталась болтовней, и его самого повесили за это...

Петя в церковных делах ничего не смыслит, и слово «скрижали» ему, вероятно, попадается впервые. Петя учится в седьмом классе. И учится неплохо. Особенно зимой, когда кончается футбольный сезон.

Напротив Пети сидит Виктор и пытается хоть краем глаза заглянуть в дедову речь. Виктор — тоже внук Гаврилы Матвеевича. Внук самый младший, учится еще только в пятом классе. Всего внуков у Гаврилы Одинца тринадцать, а правнуков уже одиннадцать.

— ...Пришел наш великий вождь Ленин и сказал: геть с вашими мертвыми скрижалями, нам не слова нужны, а дело.

О делах деда Петя знает от своего отца, Сергея Гавриловича, что сидит рядом. Сергей Гаврилович многое помнит. Помнит, как начинала семья 1922 год. Ранней весной приехал отец домой. Теперь односельчане не удивлялись упорству и самоотверженности своего соседа. Теперь все было ясно: Одинец — большевик.

Как приехал, вытащил из развалившейся мазанки весь свой нехитрый скарб. Погрузил его с детьми на телегу и через все село отправился в бывшую помещичью экономию. Гаврила Одинец стал первым коммунаром. На следующий день потянулись в усадьбу подводы. Старое село переселялось в новую жизнь.

Много было потом забот и радостей. Гаврила в коммуну приезжал редко. Сначала работал он в уездном комитете, потом избрали его в президиум Центрального комитета незаможных селян (так на Украине назывались комитеты бедноты). А дети свой путь в новую жизнь начали в коммуне. В амбаре отыскали динамо-машину. Долго мудрили над нею коммунары, и вскоре вспыхнули в бывшем помещичьем доме яркие лампочки.

Из амбара сделали театр. Поставили скамейки, из досок сколотили сцену. На концерты народ шел со всей округи. Поставили коммунары несколько спектаклей. Декорации рисовал Владимир, старший сын Гаврилы Матвеевича. Потом он поступил в художественное училище и стал неплохим художником.

Гаврила Матвеевич выхлопотал для коммуны старенький «Фордзон». Он притащился в село весной, грязный и таинственный. Мыли его осторожно, как ребенка. Владимир явился с красками и кистью, немного подкрасил стального гостя и передал его своему брату Николаю. Тот и повел трактор в поле на первую пахоту. Николай считался в коммуне самым большим знатоком техники. Так, видимо, оно и было. Позже он окончил Киевский политехнический институт, стал конструктором.

Вот какие были большевистские дела.

— ...А наши продажные украинские паны? — продолжает Петя.— Продались они российским царским прихвостням, вместе душили нас, и дошло дело до того, что они начали забранять культуру и гнать ее... Когда наш великий песенник Шевченко сказал, что настанет время, когда все народы заговорят на своих языках, то они иначе сказали: «От молдаван до финнов на всех языках все должны молчать». Значит, ни одна нация не имела права проводить свою науку на родном языке...

Самый большой знаток украинского языка в этой семье — дочь Гаврилы Матвеевича, Наталья Гавриловна. Тридцать лет преподает она в школе родной язык и литературу, хорошо знает литературные опыты отца: «Сказку про чудака Якова, что дурил, да не всякого» и пьесу «Революция на небе».

Все Одинцы говорят о делах житейских и о проблемах, доступных далеко не всякому. Когда заспорят о своих делах внучки Лена и Светлана, замелькают текстильные термины: обе инженеры Дарницкого комбината. Сын Гаврилы Матвеевича, Борис Гаврилович, заочно окончил Московский энергетический институт, сейчас инженер. Внучка Леся (Леся — это по-семейному, а вообще Елена Владимировна) — медик, скоро будет защищать диссертацию. А когда нам рассказывал о своих делах внук Вадим, то мы коснулись таких вещей, которые не только его дед Гаврила, но и отец Сергей лет десять назад посчитал бы чистой фантазией. Вадим — конструктор в лаборатории биокибернетики, где создают искусственные человеческие сердца и другие удивительные машины.

Есть среди внуков еще слесарь, художник, шахтер. Правнук Игорь скоро будет строить самолеты, а пока учится в авиационном институте.

И со всеми мы встретились в деревне под Киевом. Со всеми, кроме тех, кто не смог приехать из Чернигова, Львова, Риги, Воркуты. И из венгерского городка Секешфехервара...

— ...Мы, трудовой народ селянский, говорим: на этом месте мы положим камень, на котором будет построено здание пролетариата... Здание это будет вечным, на этом месте построится великое здание, именно на том месте, где мы кровь пролили и, может быть, еще придется пролить...

Вот она:

«Извещение... лейтенант Одинец Николай Гаврилович... в бою за социалистическую родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит... Похоронен в 5 км северо-западнее города Секешфехервара».

Погиб первый тракторист коммуны, инженер, конструктор, коммунист.

Это извещение Гаврила Одинец прочел в землянке неподалеку от Киева. Там, где стояло недавно село, расстилалось черное пепелище. Всего два дома уцелело после отступления фашистов. В той землянке умирал Гаврила Одинец, оклеветанный, измученный многолетней ссылкой, вернувшийся после последней, самой обидной и самой непонятной репрессии. Умирал несломленный, верный своему самому большому учителю — Ленину, его партии коммунистов и тому великому и вечному зданию, которое начинал строить сам,— Союзу Советских Социалистических Республик.

Интервью «Огонька»

В ДРУЖБЕ РОЖДЕННАЯ

Академик Б. Е. ПАТОН,
президент Академии наук УССР

Короткий рассказ о развитии науки на Украине мне хочется начать с цифр. Сейчас в республике 600 исследовательских учреждений, в которых работают 50 тысяч научных работников. 220 академиков и членов-корреспондентов ведут исследования в институтах Украинской Академии наук.

Перспективы прогресса науки и техники на современном этапе определяются прежде всего достижениями ведущих отраслей естествознания. В академии все шире развертываются теоретические исследования по математике, физике, электронике, кибернетике, химии и биологии, призванные разрабатывать необходимые предпосылки для дальнейшего развития техники, сельского хозяйства, медицины.

Коллективы ученых отделения общественных наук направляют сейчас свои усилия на максимальное приближение исследовательской работы к требованиям жизни, на более глубокое изучение и обобщение исторического опыта партии и народа в борьбе за коммунизм.

Сегодня мне особенно хочется отметить непрерывно растущие творческие связи ученых Украины с исследователями других республик нашей страны.

Ученые совместно разрабатывают актуальнейшие проблемы техники и сельского хозяйства, медицины и астрономии. Создаются теоретические основы для получения новых синтетических материалов, развиваются исследования в области химии высоких температур, создаются новые биологически активные вещества для химической защиты растений в сельском хозяйстве.

Такое сотрудничество способствует укреплению научно-технического прогресса великой семьи братских социалистических наций, строящих коммунизм.

Закавказская объединенная...

Тифлис декабря 1925 года. Перед четвертым съездом коммунистических организаций Закавказья выступает с отчетом Закавказского краевого комитета РКП(б) Серго Орджоникидзе.

— В области электрификации,— говорит он,— не с чем даже и сравнивать. До войны ни черта не было. При меньшевиках, при дашнаках и муссаватистах вообще боялись электрического света. (Голос: «Никакого света не было!») Да, никакого света не было. (Смех.) У нас, товарищи, строятся большие станции общей мощностью в 52 тысячи лошадиных сил...

Лошадиные силы!.. Какой все это звучит сейчас далекой стариной! Через полтора года после этих слов ЗАГЭС на реке Куре дала закавказцам первый электрический ток. И в этот же день, день пуска станции, у плотины был открыт созданный И. Д. Шадром памятник Владимиру Ильичу. Многие ли знают о том, что это один из первых ленинских монументов. Ленин стоит на скале посреди Куры, его рука стремительно протянута вперед...

Вперед — это значит больше станций, больше энергетических мощностей. Со времен ЗАГЭСа энергетическая база Закавказья увеличилась в сотни раз. Но вперед — это значит и лучшая, более рачительная организация всего энергохозяйства в крае.

...Мы в Объединенном диспетчерском управлении энергосистем Закавказья — ОДУ. Оно создано всего несколько месяцев назад. Как будто ничего не изменилось: мощности остались те же. Их просто сложили, и от этого, казалось бы, обыкновенного арифметического действия энергетика трех республик сразу стала выглядеть по-иному.

— Что было раньше? — рассказывает главный диспетчер ОДУ Како Федорович Петриашвили. — Азербайджан имел бо́льшие по сравнению с двумя другими республиками мощности и свои излишки уступал им. Но ведь, когда имеешь много, как бы ни был сознателен, не очень-то экономишь. Поэтому Грузия и Армения, все время ощущающие острую недостачу энергии, сидели на голодном пайке. Сейчас, свалив все свои мощности в один котел, Закавказское ОДУ разрабатывает строжайшие режимы работ всех трех энергосистем с почасовой нагрузкой на каждую станцию. Учтены все мелочи: сколько кому надо выработать и кому когда дать, кому когда стать на ремонт. При том же количестве энергии работа стала четче, экономнее, будто прибавилась еще одна мощная станция.

...Идем в комнату дежурных диспетчеров. Сегодня дежурит инженер Валентина Гуреева. С ней, пока еще в качестве ученика, работает товарищ из Азербайджана, бывший диспетчер Кировабадского сетевого района Мухтар Пусеев. Другой его соотечественник, Зияддин Набиев, уже полноправный диспетчер ОДУ, только что сдал смену.

Гуреева принимает по телефону рапорт из энергосистемы Азербайджана.

— Скоро и эти инстанции будут, очевидно, нашими узловыми диспетчерскими,— говорит она — Об этом, об организации Закэнерго, шел разговор на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС. И это очень правильная мысль: сначала объединились мы, диспетчеры, а потом и все остальные службы.

Взгляд дежурного диспетчера то и дело обращается к щитку телеизмерителей. Здесь приборы регистрируют перетоки мощностей из одной энергосистемы в другую.

Загораются вечерние огни Тбилиси. Они загорелись сейчас и на улицах Баку, Еревана, в цехах кироваканского гиганта — только что пущенного в строй завода синтетического волокна, и далеко в горах Сванетии, в доме старейшего врача Георгия Гавриловича Нижарадзе, и в общежитиях сумгаитских химиков... Наступают часы «пик». Закавказская объединенная переходит на вечерний максимальный режим: людям нужен свет!

И. МЕСХИ

Ю. Пименов. СВАДЬБА НА ЗАВТРАШНЕЙ УЛИЦЕ.

VI выставка произведений действительных членов, почетных членов и членов-корреспондентов Академии художеств СССР.

Пройдет месяц-другой, и вагонный городок двинется по Устюрту дальше на север.

Шаг за шагом, метр за метром. Каракумы пройдены, до Урала еще далеко.

Фото М. Начинкина.

Д. МАРКИШ

Люди одной судьбы

Бухара — Урал... 2 200 километров стальной трубы. И люди, сотни людей, эту трубу укладывающие на Урале и на Устюрте, через Каракумы и Кызылкумы.

Любой подсобник, имеющий касательство к строительству газопровода, скажет вам вот что:

— Укладывают трубу строители. А монтажники, а землеройщики — куда вы дели их? А шоферы, наконец? Сделайте один рейс из Кунграда на Устюрт, и вы поймете, что такое ребята с газопровода.

И я попытался понять. Понять, что это такое — доставить на трассу шестьсот пятьдесят три миллиона килограммов трубы, ходить по песку, кишащему ядовитыми пауками, и без тени улыбки называть кобру «благородной змеей».

Над Каракумами плыл день...

Все было объято солнцем: небо, пустыня и даже сами недра земные: термометр, укрепленный в песке, показывал 70 градусов.

Люди работают на солнцепеке.

Их человек двадцать, они в майках и сатиновых шароварах, на ногах у них брезентовые «пустынные» сапоги. Лучше бы, конечно, в босоножках, но голенище — самая верная защита от змей.

— Через пятнадцать минут отдых.— Это говорит Лебеденко, начальник колонны строителей-прокладчиков.

Дыхание ветра было горячим — так вот из топки, когда откроешь дверцу и приблизишь лицо. Тонкий, шелковистый песок реял в воздухе, забивался в глаза, и в ноздри, и в карманы одежды.

А труба лежала на песчаной бровке, и краны-трубоукладчики, приподнимая ее, выносили на стрелах вбок и опускали в траншею. Труба выгибалась и звенела, а краны все ползли вперед на своих гусеницах, и медленно двигались по телу трубы две оседлавшие ее машины — очистительная и изоляционная.

Пять кранов работало на участке. Первый приподнимал трубу, сваренную загодя на много километров вперед монтажниками; второй держал, третий, четвертый и пятый выносили над траншеей и опускали. Между первым и вторым кранами была укреплена очистительная машина — железными щетками она сдирала со стенок трубы грязь и ржавчину.

Трудней всего приходилось крану, стальная стрела которого держала и трубу и очистительную машину. И время от времени противовес крана подымался вверх и правая гусеница чуть отрывалась от песка.

А ветер все дул и дул и выдувал песок из-под трубы, с бровки, перед первым краном.

Василий Лебеденко отошел от механизмов и сел на песок в тени, падавшей от трубы. Он приехал в Среднюю Азию недавно, не успел еще освоиться как надо — в его Уфе такого, небось, не бывает.

Лебеденко снял сапог и высыпал оттуда горстку песка. Зацепил ступней задник второго и вдруг почувствовал, что тень, отбрасываемая трубой, сместилась. Оглянулся и в то же мгновение услышал крик. Труба, лишенная сыпучей опоры, обвалилась в траншею, утянув с собой головной кран и очистительную машину. Лебеденко побежал к крану.

Головной кран стоял торчком. Валерий Курбатов, машинист, успел выдернуть аварийный рычаг.

— Молодец! — коротко бросил ему Лебеденко и подошел к Вакипу Валиеву, работавшему на очистительной машине. Вакип, когда машина стала заваливаться, прыгнул так, что и чемпиону мира не снилось. Теперь он сидел на песке, потирая ушибленное плечо.

«Да, это тебе не Уфа»,— подумал Лебеденко.

— Аврал! — сказал он.— Курбатову Валерию объявляю благодарность. За самообладание...

Встряска прогнала усталость. Подогнали бульдозер, зацепили головной кран и взялись за работу. И пили, пили. Горячий зеленый чай — единственное, что спасает от жары и жажды. Давно уже выпили по восемь литров, полагающихся каждому рабочему на смену. Но со стана подбросили еще литров сто — горячего, горьковато-терпкого.

Часа через три дело было кончено. Люди развязывали узелки с едой.

— Ты бы обулся, Василь Лександрович,— сказал Рембай Пирнапсов, шофер.— Так ведь и ногу ожечь недолго.

Теперь Лебеденко почувствовал боль. Разутую ногу жгло и покалывало. «Где же я потерял сапог?» — подумал Лебеденко. Он, прихрамывая, подошел к фельдшеру Лиде Аристовой — она бессменно дежурила на рабочей площадке.

— Ну, вот и тебе работа, сестрица,— сказал Лебеденко.— Не все ж змеиную сыворотку впрыскивать!

— Не сестрица, а фельдшер! Показывайте! Так, так... ожог! — констатировала Лида.— Предписываю сутки постельного режима.

— Хы-ы! — хмыкнул Лебеденко.— Ишь ты! Постельного, говоришь, сутки. Ладно, давай-ка мажь — там разберемся.

Люди усаживались в машину. Через час они будут на стане — там ждет их душ, горячий обед, отдых.

— Давай поехали! — крикнул Лебеденко. Нога его была обмотана паклей — сапога он так и не нашел. Только дома вспомнил: оставил у трубы, там, где высыпал песок.

Вспомнишь, конечно: казенные, небось, сапоги-то...

Баллада о шофере

Машина шла с предельной скоростью. Гумир выжимал из нее четырнадцать километров в час. Инструкция позволяла давать на сыпучем песке все пятнадцать, но это пусть в Каракумах так ездят! А про устюртский пухляк в инструкции ничего не было.

Ветер дул сзади, по ходу машины, и Гумир все время лавировал, чтобы обмануть пыль. Но пыль обгоняла машину, и тяжелый водовоз исчезал в ее завесе, как игрушечный.

— Вот стерва! — сказал Гумир.— Смотри, что делает.

Дела и впрямь обстояли неважно. Десятисантиметровый слой пыли — пухляк — взбесился, казалось, и стал на дыбы.

Да, при всем желании нельзя назвать Устюрт землею обетованной. На огромном плато чуть ли не в пол-Франции людей прописано всего-навсего трое — работники гидрометстанции... Пройдут по Устюрту газопроводчики, оставят после себя трубу и поселок у трубы — компрессорную станцию, или, точнее, КС-7. И возрастет население плато Устюрт на целых двести человек.

Гумир вез воду на строительство КС-7. Он ехал на север, вдоль берега Аральского моря. До КС оставалось еще километров сорок пять, когда ветер переменил направление. Теперь он дул с востока, с моря, и приносил с собою свежесть.

— Лады,— сказал Гумир.— Стоп!

Выключив зажигание, он соскочил на землю. Старые парусиновые туфли, надетые на босу ногу, захлебнулись в мягкой горячей пыли. Гумир поднял капот двигателя и, встав на крыло, по пояс исчез в моторе.

Покопавшись минут десять, он спрыгнул в пыль и в тот же миг почувствовал двойной укол в правую щиколотку. Резко повернувшись на пятке, Гумир увидел небольшую тонкую змейку. Змейка нырнула в пыль и исчезла. Гумир медленно опустился на ступеньку кабины.

— Так, брат,— сказал Гумир.— Что ж теперь делать?..

Впрочем, может быть, он этого и не сказал вслух, а только подумал и прибавил еще несколько слов, не имеющих прямого отношения к происшедшему, но зато куда более выразительных.

Потом он подтянул ногу и осмотрел место укуса. Две точки, маленькие, аккуратно поставленные. В них яд, может быть, смерть — черт его знает, что это была за змейка! Что он, в зоопарке работает, что ли? Откуда ему знать?

Гумир поднялся со ступеньки

и осторожно сделал несколько шагов к бензобаку. Отвернув крышку, он намочил в бензине носовой платок и поджег его, положив на ступеньку. Раскрыл перочинный нож и прокалил клинок.

И сосредоточенно, как кожицу с горького огурца, срезал слой кожи с двумя бусинками запекшейся крови. Отирая кровь с краев раны, зажег с десяток спичек и ткнул в самую середину. Спички зашипели и погасли. Тогда Гумир зажег еще раз.

— Все.— Гумир натуго перетянул рану полосой ткани, оторванной от рубашки. Руки его дрожали.

— До землеройщиков доберусь отсюда, пожалуй, часа за полтора, а до КС, пожалуй, за три. Путевка у меня на КС, они ж там без воды сидят.

Опершись о ступеньку коленом, Гумир забрался на сиденье и щелкнул ключом зажигания. Выжал сцепление и, включив сразу вторую скорость, тихонько здоровой левой стал сбрасывать сцепление, одновременно нажимая носком на педаль газа. Машина рывком взяла с места. Ветер закрутил и высоко поднял черные хлопья со ступеньки кабины — то, что осталось от носового платка, смоченного бензином.

Гумира ждали на КС. И когда на горизонте выросло облачко пыли, люди не усомнились в том, что это он. Это могла быть, конечно, и другая машина — трубовоз, например, или автолавка, но больше всего людям хотелось сейчас пить, и поэтому они были уверены в том, что именно Гумир подъезжает к КС.

Водовоз остановился метрах в двухстах от строительства. Люди, не отрываясь от дела, поглядывали в его сторону.

— Шутки шутит...

— Уснул он, что ли?

И вот уже побежали люди к машине, распахивают дверцу.

Гумир лежал на руле, упершись в него грудью, и руки его тяжело свисали с черной баранки. Он был без сознания.

Городок на Устюрте

— Змеи страшнее тигров,— сказал Саша.— Эфы, например.

Я уже успел узнать, что эфы — это ядовитые змеи и что тигры неподалеку отсюда, в устье Аму-Дарьи, тоже есть, правда, их мало.

— Кобры — это дело другое,— продолжал Саша, выковыривая кончиком ножа косточки из арбуза.— Кобра — благородная змея. Прежде чем напасть, шипит, шею раздувает. Как начнет раздуваться,— тут Саша прервал свое занятие и поглядел мне прямо в глаза,— беги, друг! Так беги, чтоб реактивный самолет тебя не догнал.

Мы сидели с Сашей Кирдеевым во дворе вагонного городка землеройщиков, на 603-м километре трассы газопровода, если считать от Газли.

— А про Гумира Яфаева слыхал? — спрашивает Саша. Он хочет сразу ввести меня в курс текущих событий.— Ну, Гумир, тот, что воду на КС-7 вез, а его змея укусила. Знаешь, да? Так вот, он сегодня утром приезжал, рассказывал. Зря ногу резал: его, оказывается, стрелка укусила, не ядовитая.

Из степи прилетела шмелиная песня моторов.

— Наши едут,— говорит Саша и бросает арбузную корку. Корка, описав дугу, падает под автовагон, снятый с осей,— там расположена столовая. Под вагоном валяется сотни полторы порожних бутылок из-под боржома, консервные жестянки и прочая дребедень. Потревоженные бутылки звенят.

— Точно! — говорит Саша и поднимается на ноги.

— У-у, аспиды! — приоткрыв дверь, кричит шеф-повар, добрейшая Серафима Павловна.— Сегодня убирать заставлю!

Машины подъезжают к городку... Вот он, их городок, один их большой дом — восемнадцать вагончиков с красными надписями на серебряных боках: «Главгаз». Восемнадцать вагончиков — общежития и для семейных, столовая, баня, магазин, клуб, радиостанция. Шестьдесят пять человек живут здесь, шестьдесят пять и собака неопределенной породы. А вокруг городка — глубокий ров, предохраняющий от нашествия змей, благородных и неблагородных.

Миновав ров, машины въезжают в городок. Люди выпрыгивают из кузовов, вытирают с лиц пыль и пот — траншею для трубы прокладывают в тридцати километрах от городка... Сейчас душ, обед и отдых, и Викторыч обещал приехать со своей кинопередвижкой.

— Никаких разговоров! — Серафима Павловна настроена весьма решительно.— Пока всю эту свалку не уберете, кормить не буду. Ишь, накидали!

С шутками принимаются за дело. Бутылки составляют в ящики, банки выбрасывают за ров.

— Ну, все! — заключает Далакян, начальник колонны.— Давай в душ.

В вагончике-душевой тесно. Витя Майоров приступает к ежедневно повторяющейся шутке, ставшей как бы обычаем. Он приносит из раздевалки пучок сухих прутиков и скороговоркой: «А ну, граждане хорошие, на полок прошу — кого веничком березовым?» — и размахивает своими прутиками. Полкá, конечно, никакого нет, пара тоже. Наоборот, похолодней бы была водичка.

Ну вот и все. Теперь в столовую.

Сметана, борщ, жаркое, кофе — 60 копеек. Борщ, гуляш, арбуз — 50 копеек.

А потом куда кто. Стучит шарик пинг-понга по фанерному листу, городошники потащили за вагончики свою нехитрую снасть. Далакян устроился на лесенке своего вагончика и вкушает послеобеденный отдых. Он похож на доброго папу, наблюдающего за своим немалым семейством.

Часа через полтора приехал Викторыч — шофер-киномеханик Василий Викторович Юркевич. Он привез «Мир входящему». И вот на экране новорожденный глядит удивленно на Викторыча, который влез на табурет,— фаланга, привлеченная светом, способна на любую гадость. А землеройщики из колонны Прохорова, СУ-4 треста механизации, 603-го километра, если считать от Газли, глядят на мальчика...

В краях иной специфики

Тянет буксир по Аральскому морю плот, связанный из труб. В Челкаре ждут газовщиков — отсюда запланирован следующий бросок на север. А на севере, по дну таежной речки Уй, уже проложены две трубы — две нитки. Две, потому что именно по двум ниткам пойдет газ, когда газопровод начнет работать на полную мощность.

Сосны сбежали к самой воде. Восходящее солнце запуталось в их иглистых кронах, и первые, ненастойчивые его лучи покалывают сонную реку.

Она неширокая — полторы сотни метров всего-навсего. Но таежные реки глубокие. Когда весной на Миассе провалился под лед трактор, немало повозился водолаз Володя Стопкин, прежде чем зацепил его канатами. Хорошо еще, что тракторист успел выскочить, не то путешествие его было бы не из приятных...

Вот он, Володя Стопкин. Он только что встал и теперь прогоняет остатки сна холодной речной водой. Без водолазного скафандра купаться куда приятнее.

Солнце выбралось наконец из зеленого плена сосновых крон, и наступило утро. И зазвенели первые комары, и деловитые оводы вылетели на охоту в одиночку. Это, одним словом, Урал — не Каракумы и не Устюрт.

— Да,— соглашается Володя,— там, на юге, пожарче будет. Потяжелей.

Но работа везде работа. Лязгают гусеницы девяти тракторов-тягачей, натягиваются тросы, переброшенные через реку, и медленно ползет труба от одного берега к другому. Труба сварена в плеть с таким расчетом, чтобы ей лечь в траншею, выкопанную в дне, да плюс к тому чтоб оба конца ее оказались каждый на своем берегу. Эта труба не похожа на те, что кладут на юге. Она утеплена толстым слоем изоляции, к телу ее прикреплен балласт — дать ей всплыть никак не входит в задачи группы экспедиционного отряда подводно-технических работ № 2.

— У нас здесь тишь да гладь да божья благодать,— говорит начальник группы Вячеслав Одинцов.— Ничего такого не случается. Миасс прошли, Тугузак прошли, теперь вот на эту самую Ую вышли... Вот еще в Оренбургских степях туго придется, а все же не так, как на юге.

* * *

Неподалеку от уральской речки Миасс стоит в чащобе брезентовая палатка. По вечерам горит у палатки костер, и кипит над ним в котелке то уха, то суп из концентратов, то пшенная каша мурлычет. И люди, густо намазавшись составом, предохраняющим от комаров и мошки, поют песни.

Люди эти не туристы. В палатке спрятаны приборы для определения плотности грунта и теодолиты.

— Заканчиваем, значит,— говорил Павел Павлович Якуценин, начальник экспедиции изыскательской партии № 3 ленинградского института «Гипроспецгаз».— Разведаем трассу до Свердловска — тут и делу конец. Замаркируем маршрут, потом пойдут по нашим следам лесорубы, потом землеройщики, потом прокладчики. А для нас работа найдется: в Арал-Соре роют скважину — во всей стране глубже нет, да и здесь тоже газом запахло.

Уха поспела, и Якуценин приглашает остаться. Уха эта тройная, настоящая.

...Медленно догорает костер. Кто-то из сотрудников Якуценина подбрасывает в угли сосновую лапу и вполголоса, обращаясь словно бы к звездам, запевает. Эту песню наизусть знают пески Кызылкумов и Каракумов, волны Аму-Дарьи покачивают ее эхо, и мелодия ее разносится по просторам Устюрта:

Вперед и вперед
Наш путь нас зовет —
От Бухары до Миасса.
Одной судьбой —
Гигантской трубой —
Мы связаны,
Люди трассы.

После выступления «Огонька»

Молчальники

В № 38 журнала «Огонек» был опубликован фельетон «Нельзя ли для прогулок...». Речь шла о злостных прогульщиках и о тех, кто слишком либерально относился к прогульщикам.

Читатель В. Дмитриев из Калининграда пишет: «Пора покончить раз и навсегда с либерализмом, все еще проявляемым к этой антиобщественности, распущенности!» В. Дмитриев предлагает: «Наказания за прогулы «по пьяному делу» должны быть предусмотрены в Уголовном кодексе... Предварительной мерой борьбы могут быть лишение прогульщиков премий и выплат за выслугу лет, а также перевод на нижеоплачиваемую работу, деквалификация и т. п.».

А какие меры приняли администрация и общественные организации предприятий, критикуемых в фельетоне? По-видимому, никаких. До сих пор редакция ответа не получила. На Московском заводе малолитражных автомобилей, как сообщалось в фельетоне, число прогульщиков в первом полугодии угрожающе возрастало. А как обстоит дело сейчас? Об этом руководители завода предпочли умолчать.

Комсомолец Олег Шишков сбежал с завода малолитражных автомобилей! Папаша устроил его на Малаховскую швейную фабрику, где он сам работает в отделе кадров. Что думают об этом на фабрике? Как расценивают поступок О. Шишкова в райкоме комсомола?

На заводах «Красный богатырь» и «Газоаппарат» прогульщики чаще всего отделывались выговорами. Может быть, после выступления журнала там решили всерьез взяться за прогульщиков и пьяниц?

Есть такое выражение: «фигура умолчания». Так называют тех, кому нечего сказать. Но «фигура умолчания» не лучший способ реагирования на выступления печати.

НОВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ

Фрэнк ХАРДИ — Рассказ — Рисунки Е. ШУКАЕВА.

Следующим перед судом предстал Данни О'Коннел. Он отказался дать присягу и предпочел простые показания, не подтвержденные присягой; разумеется, иначе были бы нарушены его твердые религиозные убеждения, запрещающие ему лгать под присягой. О'Коннел объяснил суду, что, получив от сержанта Стерлинга десять шиллингов, он подумал, что тот просто заказывает десять бутылок пива. Приговор Данни О'Коннелу был аналогичен предыдущему: пятьдесят фунтов штрафа и предупреждение. Такое же наказание постигло не явившихся пред светлые очи его милости букмекеров.

— Как ни верти, а я вот что скажу,— заявил во всеуслышание Аткинс по прозвищу Как-ни-верти.— С защитником или без, под присягой или без присяги — как ни верти, один черт!

Эти мудрые слова несколько приободрили остальных трактирщиков. Данни О'Коннел, снова не приняв присяги, сделал еще одно заявление: люди, пившие в его, О'Коннела, буфетной, оказывается, проживали в номерах при трактире и даже значились в регистрационной книге.

Стерлинг возразил:

— И вы серьезно думаете нас уверить, будто мистер Тай, секретарь муниципалитета, станет ночевать в вашем заведении, имея прекрасный дом в каких-нибудь десяти шагах?

Данни оштрафовали еще на полсотни фунтов и предупредили, что в следующий раз о нем будет сообщено в Департамент по выдаче лицензий. Лишением права на торговлю пригрозили и остальным четырем содержателям трактиров. Это не на шутку встревожило их всех, даже Банга Маннерса, который до последней минуты все твердил в свое оправдание, будто честнее его нет человека во всем городе.

Судья объявил перерыв на завтрак. После перерыва последовала целая вереница бесфонарных велосипедистов. Они признавали себя виновными, их штрафовали — эта канитель тянулась и тянулась, пока Как-ни-верти-Аткинс неожиданно не внес веселого разнообразия в ход заседания.

— Я не виновен,— заявил он, когда ему предоставили ответное слово.— Как ни верти, а мне придется объяснить, почему.

— Вы разве отвергаете правильность утверждения свидетелей об отсутствии на вашем велосипеде головного и хвостового освещения?

— Нет, не отвергаю. Минутку. Говорю же, как ни верти, а надо объяснить, в чем дело,— упорно продолжал Аткинс, хитро подмигивая.— Ну, услышал я про нового полицейского, что он, как ни верти, цепляется к людям, коли у них света на велосипедах нет; тут я, как ни верти, махнул в универсальный магазин, спрашиваю в скобяном отделе эти самые фары. А там и так вертели и этак и говорят — как думаете, что: «Сто лет их и в помине не было!» Значит, как ни верти, я не виновен!

Эта остроумная, хоть и не вполне убедительная линия защиты была оценена по достоинству. С балкона донеслись взрывы смеха.

— Я, как ни верти, и еще скажу! — громко, перекрывая шум, заявил Аткинс.— Как ни верти, ничего не поделаешь: зашел еще в три магазина...

— Смотри, как бы тебя не стошнило от твоего вечного верчения! — крикнул кто-то. Шутка пришлась к месту и вызвала новый смех.

Судья, подмигнув на этот раз здоровым глазом, прекратил дело против Как-ни-верти-Аткинса и объявил заседание закрытым.

На следующее утро на скамью подсудимых сел знаменитый гонщик Алан Грин; его сержант Стерлинг рассматривал как не совсем обычного велосипедиста. Легкая походка Алана, скромное, располагающее к себе поведение и репутация известного спортсмена сделали свое дело. Судья вынес решение: не виновен.

— Ну, скажите на милость! — так прокомментировал этот факт старый Билл Грин под аплодисменты зала.

По иску против Союза безработных ответчиком выступил Том Роджерс. Он производил впечатление самого прилично одетого человека в зале, хотя имел всего один костюм, одну рубашку, один галстук и единственную пару ботинок. Сам вид Тома Роджерса был очень внушителен и делал весскими его доводы. Тут явное преследование по политическим мотивам, доказывал он. Разумеется, насмешливо заявил он, зал для митингов и бесплатная столовая для безработных помещаются не в столь роскошном особняке, как, скажем, дом мистера Тая, секретаря муниципалитета, да другого трудно и ожидать!

— Как вы можете заявлять о преследовании,— со злостью спросил Стерлинг, которому в Мельбурне особо рекомендовали положить конец потоку красной пропаганды в городе,— если мистер Тай тоже обвинен в нарушении закона?

— Половина зданий в городе находится в таком же состоянии, как Комитет Союза безработных,— не сдавался Том Роджерс.

— Валяй, Том, не давай ему спуску!— громко выразил одобрение Арти Макинтош.

— Выведите этого человека из зала,— распорядился судья.

Констебль Промежду-Прочим-Лоутон поспешил выполнить приказ судьи, приговаривая:

— Нечего орать, когда суд заседает, промежду прочим.

Рыжая Макушка-Пиктон вел себя на скамье подсудимых вызывающе: давился смехом, гордо поглядывая на своих дружков, сидевших в зале, и вообще не принимал всю процедуру всерьез.

— Вы, кажется, думаете, будто все это чрезвычайно весело? — строго спросил его судья.

— Действительно,— сказал Пиктон, втайне порядком перетрухнувший, но в присутствии шайки своих товарищей готовый выкинуть любую штуку.— Вот ненормальный! — И он ткнул пальцем себя в грудь.— Получит шесть месяцев, а все думает, что это шуточка!

Его приятели, видно, сочли это за блестящую остроту, и на скамьях, где они сидели, началось буйное веселье.

— Как дело-то было,— приступил Рыжая Макушка к объяснению с судьей.— Лори Дигдич наловил в тот день рыбы. И она лежала у него в клубе. Ну, я подумал, наверно, он хочет эту рыбу прокоптить, вот и решил помочь! — Заметив, что его достойные приятели уже себя не помнят от безудержного хохота, ободренный Пиктон добавил: — Вот ненормальный! Воображает, будто ему поверят!

Судья, обычно снисходительный к несовершеннолетним, дал Рыжей Макушке месяц исправительного заведения. Это несколько поумерило веселье в рядах разбушевавшихся юнцов.

Следующим слушалось дело Чемми Флеминга. Лицо его папаши побагровело, когда судья, не подозревавший о положении Чемми в обществе и горой стоявший за безопасность уличного движения, приговорил его к недельному тюремному заключению без замены штрафом и отобрал у него водительские права.

После перерыва в суд набилось огромное количество народу: прошел слух, будто ожидается нечто вовсе уж сенсационное.

И действительно, произошла сенсация: судья назвал имя Дарби Мунро! Бенсоновцы не ожидали увидеть в зале самого Дарби — сержант Стерлинг отправил его в Мельбурн, в приют для алкоголиков; в городе даже был создан комитет, добивавшийся возвращения Дарби. На скамье подсудимых появилась странная личность, облаченная в нелепую голубую куртку Карлтонского футбольного клуба (ее пожертвовал специально для этого случая знаменитый Чистеха-Валленс, лучший нападающий в истории австралийского футбола и выдающийся гражданин Бенсонс Велли), моднейшие бело-коричневые башмаки, дорогие кремовые крикетные брюки, явно сшитые на человека раза в полтора покрупнее, и изящную соломенную шляпу. Но тут странная личность, охваченная вполне понятным волнением, стала грызть ногти, и тайна разъяснилась.

Раздался дружный приветственный гул.

— Эй, Дарби! — крикнул известный ругатель Спарко.— А где же твой знаменитый (непечатный, непроизносимый) братец?

После того, как Промежду-Прочим-Лоутон выставил Спарко за дверь, сержант Стерлинг доложил суду дело Дарби Мунро.

— Учитывая все обстоятельства,— заключил Стерлинг,— я отослал обвиняемого в его же собственных интересах в Дом призрения для больных алкоголизмом. Однако ему каким-то образом удалось ускользнуть оттуда и вернуться в город, где он и продолжает нару-

---

Окончание. См. «Огонек» № 51.

шать общественный порядок, занимаясь бродяжничеством и пьянствуя.

— Почему вы покинули дом? — спросил судья у Дарби.

— Какой дом? — переспросил Дарби, украдкой поглядывая кругом и продолжая трудиться над своими ногтями.

— Снимите шляпу! — приказал судья, и Дарби поспешно повиновался.— Вы прекрасно знаете, какой дом. В который вас отослал сержант. Почему вы сбежали?

— Уж очень много там пьянчуг,— ответил Дарби после длительного размышления.

Под громкие крики одобрения судья вверил Дарби заботам многострадального капитана местной Армии спасения.

* * *

Весь город сплотился против нового полицейского. Сам скуоттер Флеминг, переносивший, словно каторжное клеймо, позор заточения сына, заявил Таю и Дигдичу, что Стерлинга придется убрать.

Горожане от слов перешли к делу.

Некоторые из нарушителей легко могли уплатить штраф, но даже и они предпочли отсидеть срок за решеткой. Арестантское помещение оказалось переполненным; Стерлинг добивался размещения части своих узников в Пентриджской тюрьме, но получил отказ; жена Стерлинга надрывалась день и ночь, готовя на заключенных и стирая им одеяла.

В конце концов Стерлингу пришлось досрочно выпустить большинство заключенных.

Юные головорезы из лердибергской банды выловили всех бродячих собак в городе и сдали их Стерлингу; птичий двор был набит воющими и лающими псами. Дарки, питавший привязанность к своим дворняжкам, ухитрился заплатить за них выкуп. Явившись, чтобы забрать их, он чрезвычайно подробно стал описывать приметы собак: «Коричневая сучка, зовут ее Барбара (Стерлинг нахмурился, услышав имя своей жены). Сучка маленькая, но с гонором, с ней хлопот не оберешься». Стерлинг сжал кулаки. Какое-то мгновение Дарки казалось, что тот его ударит.

— А вон и овчарка, коричневая, кобелек, я его зову «Не суй-нос-куда-не-надо»...

Телефон не давал Стерлингу покоя ни днем, ни ночью. Он поднимал сержанта, оповещая его о преступлениях всех мыслимых видов, но тревога оказывалась ложной. Трактирщики, любители орлянки, букмекеры пускали в ход все известные средства и уловки, пытаясь возобновить свои махинации, однако Стерлинг с помощью детективов, наезжавших время от времени из Мельбурна, снова выловил их. Двоих букмекеров и двоих игроков в орлянку он посадил и добился, чтобы у владельца «Гранд-отеля» отобрали лицензию.

Рыжая Макушка-Пиктон, вернувшийся в ореоле героя в лоно лердибергской банды, замыслил страшную месть.

Однажды вечером, осуществляя первый этап адского плана, он крикнул Стерлингу: «Эй, фараон поганый!» — и пустился наутек.

Обрадованный открытым вызовом, Стерлинг — он теперь постоянно носил легкие ботинки — бросился в погоню по темному переулку.

Имея преимущество в пятьдесят ярдов, Пиктон перескочил через забор, пересек территорию англиканской церкви, промчался по огромному двору католической школы и понесся дальше, вверх по холму. Стерлинг не отставал, но незнакомая местность затрудняла его бег.

Рыжая Макушка, пыхтя, миновал монастырь и оказался в открытом поле, ругая скверными словами выглянувшую из-за туч луну.

Луна ярко осветила местность, и Стерлинг, быстро выигрывая расстояние, был уже ярдах в двадцати от Пиктона, когда тот в полном изнеможении пролез сквозь проволочную изгородь.

Впереди в лунном свете блеснула полоска воды — оросительный канал.

«Он в ловушке,— тяжело дыша, подумал Стерлинг.— Попался!»

Однако, пока полицейский преодолевал изгородь, Рыжая Макушка, словно на крыльях, перелетел канал. Во всяком случае, когда Стерлинг снова выпрямился и глянул вперед, Пиктон уже был на другом берегу.

— Ну, беги же! — все еще пыхтя, кричал Пиктон.— Поймай меня, фараон поганый! — Он плясал, строя рожи и жестикулируя, показывал Стерлингу нос; впрочем, это был самый пристойный из использованных им жестов.— Эй, фараон поганый, ну, догоняй!

Сержант прикинул ширину канала — около двадцати футов. Он не заметил слева доски, по ней-то коварный Рыжая Макушка и перебрался на ту сторону. Преодолеть в прыжке такое расстояние Стерлингу казалось невероятным. Однако, раз рыжий веснушчатый хулиган сумел это сделать, к лицу ли колебаться ему, Стерлингу, выступавшему в тройном прыжке на Олимпийских играх! Надо прыгать!

Новый полицейский Бенсонс Велли отступил на шаг назад, намереваясь по крайней мере на три фута перекрыть мировой рекорд по прыжкам в длину, да еще поздним вечером, да еще прыгая через канал глубиной в восемь футов, из которых пять футов составляла илистая зеленая вода, а три — вязкая грязь.

— Ну же, фараон, догоняй! — подзуживал Стерлинга Рыжая Макушка.

Новый полицейский положил на землю каску, разбежался и сделал огромный прыжок в темноту. Он плюхнулся в отвратительную жижу как раз посередине канала и погрузился с головой.

Рыжая Макушка подождал, пока Стерлинг появится на поверхности: все-таки было бы ужасно, если бы такой видный и всеми уважаемый человек вдруг утонул или что-нибудь в этом роде.

Сержант Стерлинг вынырнул, глотнув порядочно воды; ноги его завязли в грязи. К несчастью, плавание было единственным видом спорта, которым Стерлинг никогда в жизни не занимался. И он снова стал уходить под воду.

Рыжая Макушка помчался в город сообщить всем приятную весть.

Стерлинг вынырнул во второй раз; побарахтавшись в иле, он опять скрылся под водой. Шутка Рыжей Макушки грозила обернуться трагедией. Уже перед затуманившимся взором сержанта Стерлинга стали мелькать картины прошлого, но тут выработанная годами самодисциплина помогла ему прийти в себя. До суши было всего несколько шагов. Стерлинг вытянул шею и глотнул воздух вместо илистой воды. Он стал медленно двигать руками и ногами, сопротивляясь испытываемому всеми утопающими желанию сдаться и покончить с мучением — нехваткой воздуха и леденящим ужасом. Ноги его снова увязли в иле, но он, собрав все силы, снова отбросил мысль о капитуляции. Он бил руками по воде, барахтался, как овца; в эти мгновения он олицетворял собой инстинкт самосохранения, свойственный всем живым существам.

Новый полицейский выполз из грязи и ила и плашмя упал на берег; лишь одно чувство еще осталось в нем — ожесточенная ненависть к жителям Бенсонс Велли.

Наконец он поднялся, измученный, совершенно без сил и медленно побрел обратно. Размокшие ботинки хлюпали на каждом шагу, пропитанная вонючим илом одежда прилипала к телу.

Пересекая чей-то участок возле Мэйн-стрит, он услышал голоса и спрятался в кустах. Никто не должен видеть его в таком плачевном состоянии! Больше часа пролежал он там, припав к земле, дрожащий и несчастный, пока не решился пройти через все унижения, только бы добраться домой.

— Что стряслось, ради всего святого?! — ужаснулась Барбара, увидев его.

Стерлинг торопливо вошел в дом и запер дверь.

— Я чуть не утонул,— пробормотал он, задыхаясь.

Жена отвела его в ванную. Пока он освобождался от испачканного мундира и нижнего белья, она пустила горячую воду. Барбара уже давно в душе страдала от дерзких выходок горожан, от их насмешек и оскорблений. Но она терпела, пока муж ее сохранял самообладание. Однако за последние недели он изменился, стал вспыльчивым, плохо спал. Она отнесла на задний двор в прачечную отвратительно пахнувшую одежду мужа, стараясь держать ее подальше от себя на вытянутых руках. Эти вонючие тряпки представлялись ей символом все растущей враждебности, обступившей мужа и ее плотным кольцом.

Вернувшись, Барбара услышала телефонный звонок. Она подняла трубку. Незнакомый голос сказал:

— В оросительном канале позади католической церкви кто-то тонет.

Барбара Стерлинг кинулась в ванную.

— Они тебя убьют! — сказала она своему истерзанному супругу.— Уедем из этого города, пока они тебя не убили!

Для разбирательства дела о краже овец Дэйвом О'Кифом окружной суд заседал в составе судьи и присяжных.

Множество народу собралось по этому случаю. Пока присяжные присягали, в зале шли споры о шансах Дэйва на оправдание.

Сержант Стерлинг, хотя его непоколебимая строгость уже сменилась горечью под действием угрюмого недоброжелательства горожан, не сомневался в исходе дела. Но он не знал здешних присяжных. Не зря сержант Флаэрти избегал доводить серьезные дела до суда. Причиной здесь было то, что любые двенадцать почтенных и добропорядочных граждан Бенсонс Велли, назначенных в присяжные, неминуемо оказывались не столь уж почтенными и вовсе не добропорядочными.

Несмотря на расстроенные нервы, сержант довольно убедительно обосновал перед судом свое обвинение.

У обвиняемого пять тысяч овец. На большинстве из них — клеймо Джона Флеминга,

хотя видны следы неумелых попыток заменить это клеймо другим. В качестве вещественного доказательства номер один Стерлинг представил суду овечью шкуру. Инструменты для клеймения, обнаруженные в ручье, на участке обвиняемого, Стерлинг предъявил как вещественное доказательство номер два. Глина на копытах овец оказалась такой же, как и на участке Флеминга; образец глины — доказательство номер три.

Глядя на седовласого, добродушного Дэйва О'Кифа, никто бы не подумал, что вольное обращение с законами давно вошло у него в привычку, а это, в свою очередь, доставило Дэйву массу благоприятных возможностей испытать свои способности в области юриспруденции и трижды приводило его в Пентриджскую тюрьму; там он штудировал старые юридические учебники и строил планы новых махинаций.

После того как судья прервал как не относящийся к делу перекрестный допрос, имевший целью опорочить репутацию Стерлинга, а затем отвел как необоснованную попытку заставить суд признать, будто сержант брал у неизвестных лиц взятки, Дэйв О'Киф выложил свой главный козырь.

— Скажите, какова глубина того ручья, где вы нашли вещественное доказательство номер два? — спросил он Стерлинга с видом профессионального адвоката.

— Два фута.

— Вы самолично доставали инструменты из воды?

— Да, сам доставал.

— Вы намочили брюки?

Дружный смех в зале.

— Нет.

— Вы уверены, что не намочили?

— Уверен.

— Как вам это удалось?

— Я засучил брюки.

— Будьте добры, засучите штанины на ту же высоту.

— К чему вы клоните? — не утерпел судья.

— Если вы удалите публику, я вам объясню, ваша честь,— отвечал Дэйв О'Киф; он, видимо, чувствовал себя в зале суда, как рыба в воде.

Стерлинга попросили покинуть зал вместе со всеми остальными.

Когда публику впустили обратно, старый Дэйв снова обратился к Стерлингу:

— Пожалуйста, засучите брюки до того места, до какого вы засучивали их тогда у ручья.

Чуя подвох, Стерлинг постарался завернуть штанины как можно выше, насколько позволяли узкие манжеты брюк и его плотные, мускулистые ноги. Процедура сопровождалась малопристойными репликами из зала. Вид носков, резинок и обнаженных коленок сержанта оказал крайне возбуждающее действие на публику. Когда зрителей снова удалили, Дэйв О'Киф потребовал линейку. Констебль Лоутон сбегал и принес ее, и Дэйв стал измерять расстояние от засученных штанин до пола.

— Один фут десять дюймов! — воскликнул он, высоко подняв линейку.— И вы по-прежнему будете утверждать, что не намочили штаны?

— Да... но... может быть...— отвечал, запинаясь, Стерлинг.

Дэйв О'Киф торжествующе улыбнулся. Впрочем, выражение его лица тут же изменилось: судья произнес довольно недвусмысленное заключительное слово.

Присяжные удалились на совещание, зрители, собравшиеся группками в ожидании приговора, уже решили, что даже присяжным, набранным из жителей Бенсонс Велли, придется признать Дэйва виновным. Присяжные не появлялись несколько часов. Это навело судью на приятную мысль, что они, должно быть, весьма добропорядочные и почитающие закон граждане.

Ход совещания в комнате присяжных вряд ли подтверждал это предположение. О похищении овец потолковали лишь в самом начале, вскользь, да и то единодушно признали, что, если уж быть справедливыми, это всего-навсего излюбленная местная забава и предаются ей абсолютно все, кроме, пожалуй, скуттера Флеминга, но тому ведь просто не у кого красть овец.

А затем речь шла только о таинственном исчезновении жены старого Дэйва. Была ли она убита? И если да, то действительно ли это дело рук Дэйва? Два часа продолжалось обсуждение всех «за» и «против», но присяжные так и не пришли к единодушному мнению.

Старшиной присяжных был Как-ни-верти-Аткинс собственной персоной. Наконец он предложил компромисс.

— Как ни верти, вот я что скажу,— начал он, лукаво поглядывая на сотоварищей.— Кое-кто считает, будто Дэйв как тут ни верти, а прикончил ее, а кое-кто — будто не он. Ну, а если мы признаем его невиновным? Одну минутку, как ни верти, а лучше вам дослушать меня до конца. Давайте признаем его невиновным в краже овец, но добавим к этому...

И решение было вынесено. Как-ни-верти-Аткинс постучал в дверь, и присяжные гуськом проследовали в зал.

Судья занял свое место, все встали.

— Господа присяжные! Вы обдумали свой приговор? — спросил помощник судьи у Как-ни-верти-Аткинса.

— Да!

— Каково же ваше решение? Виновен подсудимый или невиновен?

— В краже овец не виновен, но заслуживает снисхождения,— объявил Как-ни-верти-Аткинс единодушный вердикт присяжных.

— Позвольте, вы же не можете просить снисхождения к обвиняемому, раз вы признали его невиновным! — пробормотал оторопевший судья.

— Тут как ни верти, а вы не поняли меня,— терпеливо пояснил Аткинс.— Снисхождения мы просим для скуттера Флеминга и постановляем, что овец надо вернуть ему, законному их владельцу!

Этот перл юриспруденции, вконец озадачивший судью и неприятно поразивший скуттера Флеминга, снискал бурное одобрение у публики.

Спарко-Ругатель громко огласил свое твердое убеждение, что это лучший (непечатный) приговор со времени (непроизносимого) дела об изнасиловании, которое слушалось несколько лет назад; тогда присяжные признали обвиняемого невиновным, ибо такой раз-этакий поединок был-де разыгран честно, и рекомендовали обоим поцеловаться и помириться!..

Назавтра Банг Маннерс, терпевший немалые убытки от прекращения подпольной торговли спиртным, нанес новому полицейскому еще один удар: он пожертвовал пустующую конюшню во дворе «Королевского дуба» для комитета Союза безработных.

Том Роджерс, Полковник-Мак-Дугал, Эрни Лайл и Дарки приступили к переоборудованию конюшни. Стараясь сделать помещение как можно более удобным, они стучали молотками, чистили, мели. Ими владел радостный энтузиазм, испытать который дано лишь тем, кто трудится добровольно во имя любимого дела.

Днем в воскресенье к ним наведался Рыжая Макушка-Пиктон в надежде перехватить миску супа. Семья Пиктона жила на пособие по безработице, и, как многие в городе, он был вечно голоден.

— Займись делом,— сказал ему Том Роджерс.— Вот тебе свободная кисть. А ну, помоги побелить стену!

Рыжая Макушка с готовностью принялся за побелку и заработал кистью, от усердия высунув кончик языка.

— Я кончил эту стену, мистер Роджерс,— заявил он с воодушевлением после часа работы.— Вот остатки белил. Может, еще чего сделать?

Том Роджерс поручил ему окрасить наружную сторону двери.

— Вот тебе лишнее доказательство,— обратился Том Роджерс к Эрни Лайлу.— Стоит подыскать парнишке полезное занятие, и он будет вести себя прилично. Ребятам просто некуда податься: кончают школу, а работы нет!

— Виновата сама система,— авторитетно заметил Полковник-Мак-Дугал, осторожно натягивая вдоль задней стены лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».— Хронический кризис капитализма! Но погодите, все равно он кончится пролетарской революцией!

Рыжая Макушка, увлеченный первым в своей короткой и не слишком праведной жизни полезным делом, не заметил появления сержанта Стерлинга.

— Ага, попался! — воскликнул Стерлинг, ухватив Пиктона за ухо и старательно выкручивая его. Сержанта совершенно затравили: ему не было прохода от унизительных насмешек, которые навлек на него юный Пиктон, и Стерлинг утратил обычную свою выдержку.

Рыжая Макушка взвыл от боли и уронил кисть в пыль. Стерлинг же всерьез принялся за другое ухо Пиктона. Крепкие удары так и сыпались на голову мальчишки.

— Оставьте парня в покое,— сказал Дарки, появляясь на пороге.

— Не ваше дело,— ответил Стерлинг, вспомнив эпизод с собаками. Потеряв всякую власть над собой, он продолжал обрабатывать уши Рыжей Макушки.

Рыжая Макушка ударился в рев.

— Я сказал, оставьте мальчишку в покое,— повторил Дарки.

Вышли Роджерс, Лайл и Мак-Дугал. Эрни подобрал кисть и вытер ее о свой фартук из мешковины.

— Эй вы! — снова запротестовал Дарки.— Вы что, белены объелись? Вы ему все мозги отобьете.

И он придержал руку Стерлинга.

Рыжая Макушка вырвался и присел у стены, всхлипывая; все показное нахальство слетело с него, теперь это был просто донельзя перепуганный мальчик.

— Не смейте трогать меня! — сказал Стерлинг, отряхивая рукав.

— Вот я кулаками потрогаю, только снимите форму!

— Видал я таких,— огрызнулся сержант, совсем позабыв о благоразумии.— Все вы трусы, заставляете работать на себя дурачков, вроде этого мальчишки.

Дарки стиснул зубы и сжал кулаки.

Стерлинг прошел в конюшню и осмотрел ее. Том Роджерс последовал за ним.

— Это здание непригодно для жилья,— заявил Стерлинг.— Значит, комитет здесь помещаться не может.

В Томе Роджерсе взбунтовалось чувство справедливости:

— Непригодно! Народ ютится в лачугах, непригодных даже для свиней. Люди по всей стране спят под мостами, дети умирают с голоду, а вы еще болтаете...

— Я не разрешу устраивать здесь публичные собрания,— повторил Стерлинг, на этот раз уже с ледяным спокойствием.

— Попробуйте нам помешать! — ответил Том Роджерс.

Снаружи послышался голос Дарки:

— Нет, я поддам ему! Убей меня бог, поддам!

— Нельзя драться с представителем власти,— напомнил ему Эрни Лайл.

— Куда ему драться! — сказал Стерлинг, снова выходя во двор.— Это одно бахвальство!

— Конечно, пока на вас этот мундир,— прошипел Дарки.

— Пусть это вас не беспокоит,— ответил Стерлинг и снял каску и китель.

— Послушайте, сержант,— заговорил Том Роджерс.— Сначала вы набрасываетесь на беззащитного ребенка...

Рыжая Макушка подошел к Роджерсу и, рыдая, уцепился за него, словно за отца родного.

— Сиди, сиди, паренек, никто тебя не обидит,— сказал тот.

— Я сам знаю, как поступать с этими головорезами,— сказал Стерлинг; можно было подумать, что не Дарки, а весь город бросил ему вызов. Он вошел в конюшню.

Дарки пошел следом.

— Хорошо же,— ответил он,— будь по-вашему!

— Он тебя арестует за оскорбление действием,— предостерег Том Роджерс.

Стерлинг и Дарки стали друг против друга посредине конюшни. Остальные с беспокойством следили за ними.

— Дарки, не надо! — умолял Эрни Лайл.— Наживешь себе неприятности, говорю тебе!

Том Роджерс встал между готовыми к бою противниками.

— Это же нелепо! — сказал он.— Вы что, рехнулись?

— Оставь их,— вмешался Мак-Дугал-Полковник.— Пусть этот сторожевой пес капитализма получит урок.

— Никогда не бывало, чтобы драка с одним полицейским приносила какую-нибудь пользу рабочим,— стоял на своем Том Роджерс.

— Он все равно тебя арестует, побьешь ты его или он тебя,— уговаривал Дарки Эрни Лайл.

— Я же снял мундир,— сказал Стерлинг; к нему вернулось спокойствие и уверенность в себе, словно он обладал каким-то секретным оружием.— Будет честная борьба. И договоримся: потом не жаловаться.

Он стал в позу с видом человека, который провел множество боев в спортивных залах и любит драться.

Дарки поднял кулаки, примериваясь. Приступ злости уже миновал, и уговоры Тома Роджерса и Эрни Лайла ослабили решимость Дарки. Он оценивающе оглядел Стерлинга. «Не меньше, как на десять лет моложе меня и в гораздо лучшей форме»,— подумал Дарки. Но он тоже занял позицию, широко расставив ноги, опустив кулаки, предоставляя Стерлингу сделать первый выпад.

Неожиданно Стерлинг нанес Дарки точный, быстрый, как выстрел, удар слева по носу.

Обожженный болью, Дарки ударил правой. Стерлинг мгновенно отпрыгнул за пределы досягаемости. Дарки не пытался достать противника. Дарки был прирожденный боец. Мастерства ему, конечно, не хватало, зато кулаки у него были сокрушительные, и удары свои он не тратил зря. Противник же явно превосходил его в технике.

Невольные зрители замерли в напряженном молчании.

Стерлинг обрушил еще два сильных левых на переносицу Дарки; показалась кровь, и Стерлинг отскочил, прежде чем Дарки удалось ответить ударом. Дарки проигрывал. Стерлинг снова ударил левой и, ободренный тем, что у Дарки явно замедленная реакция, рискнул открыться и провести удар правой.

С быстротой, неожиданной для тяжеловеса, Дарки увернулся — кулак лишь чуть задел его по голове — и коротко и страшно ударил Стерлинга правой в солнечное сплетение.

— Жми, Дарки! — закричал Рыжая Макушка, вновь став самим собой.— Прикончи его, Дарки!

Стерлинг отступил: ему, видно, здорово попало. Но он быстро оправился и прикрылся левой. Используя просторное помещение, он увертывался от ударов Дарки, стараясь перевести дух, выставив вперед левую руку, а правой закрывая подбородок. Зрители невольно отошли к стенам.

Дарки кружил, стараясь вызвать противника на удар. Когда этот маневр удался, Дарки снова увернулся и ответил двумя классическими ударами: правой по корпусу и левой — крюком — в челюсть.

Стерлинг упал.

— Молодчина, Дарки! — заорал Рыжая Макушка.

— Хватит с вас? — спросил Дарки, радуясь концу схватки. Стерлинг медленно поднялся на ноги.— Надо уметь признаться, когда ты побит,— добавил Дарки, словно советуя Стерлингу не напрашиваться на дальнейшее избиение.

Вдруг Стерлинг схватил Дарки обеими руками за запястье и безупречным приемом джиу-джитсу швырнул его спиной на землю.

Несколько мгновений Дарки лежал, тяжело дыша. Потом, опершись на локоть, приподнялся и, еще не придя окончательно в себя, пробормотал:

— Это что же, честный поединок?

— Все приемы разрешены,— ответил Стерлинг.

Дарки с трудом встал на ноги и бросился на Стерлинга; теперь сержант обхватил его за шею и снова швырнул на пол.

Дарки, казалось, был оглушен. Он сел, ощупывая шею, и, кривясь от боли, пошевелил головой. Потом поднялся снова.

На этот раз он встал, выжидая, пока Стерлинг, наподобие японского борца, кружил около него. Дарки осторожно следил за ним. Стерлинг попытался прибегнуть к еще одному приему джиу-джитсу, но Дарки вырвался, отбросил сержанта к стене и с сокрушительной силой ударил правой по корпусу, потом сразу левой и правой в челюсть.

Стерлинг без сознания грохнулся оземь. Том Роджерс кинулся к нему, опустился на колени и пощупал пульс.

Очнувшись через некоторое время, Стерлинг потряс головой, поднялся, подобрал каску и китель и, пошатываясь, без единого слова вышел.

* * *

Спустя три недели в пятницу вечером высокий грузный мужчина в форме полицейского сержанта — мундир на нем едва не лопался по швам — вышел из полицейского участка и пересек Мэйн-стрит.

— А вот и Флаэрти! — сообщил Арти Макинтош друзьям; все они, как обычно, расположились на обочине тротуара у парикмахерской Шеа.

— Говорил я вам, что он вернется!

Флаэрти не мог слышать этих слов. Он шагал по другой стороне улицы, отвечая на редкие приветствия прохожих, замечая любопытствующие взгляды и шушуканье, и почему-то ему было не по себе.

Перед клубом Союза первых поселенцев его встретил скуоттер Флеминг.

— Поздравляю с возвращением, сержант. Надеюсь, вы получили хороший урок.

— Надеюсь, весь город получил хороший урок,— возразил Флаэрти; Флеминг задел его больное место, но признаться в этом сержант не пожелал.

— Вам дан испытательный срок, сержант,— продолжал, словно не слыша его слов, Флеминг.— Так что послушайтесь моего совета: честность — это лучшая политика.

— Говорят, Стерлинг тоже так думал,— съехидничал Флаэрти.

— Во всяком случае, вы должны обеспечить неприкосновенность частной собственности,— сказал скуоттер, игнорируя насмешку.— И отвадить от города всяких бродяг.

Флаэрти ничего на это не ответил и двинулся дальше, все еще чувствуя себя не в своей тарелке.

У кооперативного магазина собрался городской духовой оркестр. Над Мэйн-стрит, образуя арку, висел транспарант, гласивший: «Добро пожаловать снова в Бенсонс Велли!»; транспарант был вывешен в честь гостей, приезжавших на недавние городские празднества. Флаэрти, несколько удивленный, принялся разглядывать надпись. В это время капельмейстер сделал знак музыкантам, и те грянули уже известное нам произведение «Снова в Бенсонс Велли». Оркестранты старались изо всех сил. Даже Рыжая Макушка-Пиктон исполнил сольную партию корнета вполне прилично, должно быть, решив, что Флаэрти в конце концов не так уж плох.

Флаэрти вежливо дослушал музыку до конца.

Продолжая свой путь, он увидел на пороге отдела бакалеи кооперативного магазина Муммашу-Палмера, облаченного в белый фартук.

— Как поживаешь, Нэд? — спросил Палмер, воровато оглянувшись по сторонам.— Ну и хлебнули мы лиха с этим Штерлингом! Ш меня пятьдесят фунтов штрафу шодрали. А приятеля из «Гранда» пошадили в тюрьму!

Флаэрти на это сказал только «Добрый вечер, Джек» и проследовал мимо.

Муммаша поплелся следом.

— Так, значит,— шепелявил он,— в шубботу я, как всегда, буду в «Королевшком дубе»?

— Лучше переждем некоторое время. Я ведь на испытательном сроке,— бросил Флаэрти через плечо.

У трактира «Королевский дуб» стоял Банг Маннерс, расставив ноги, словно стрелки на часах в без четверти двенадцать.

— Скажу честно, друг,— обратился Банг к Флаэрти,— уж кого я рад видеть, так это тебя! Пошли, выпьем.

— Спасибо, не могу,— сделав над собой нечеловеческое усилие, отказался Флаэрти.— Первое время придется быть осторожным.

Банг Маннерс повернулся всем телом и долго смотрел вслед Флаэрти. Потом он сокрушенно покачал головой, как бы говоря: нет, ни на одного полицейского в наше время нельзя положиться!

Достигнув границы торговой части города, Флаэрти перешел на другую сторону Мэйн-стрит и пустился в обратный путь.

Перед Домом механика местный отряд Армии спасения готовился к очередной попытке посеять семена добродетели на каменистой почве Бенсонс Велли. Как раз в тот момент, когда Флаэрти проходил мимо, капитан призвал Дарби Мунро публично покаяться и тем очистить себя от грехов.

Прежде чем собраться с силами и ринуться в атаку на столь ужасный порок, как пьянство, Дарби бросил полный надежды взгляд на сержанта Флаэрти.

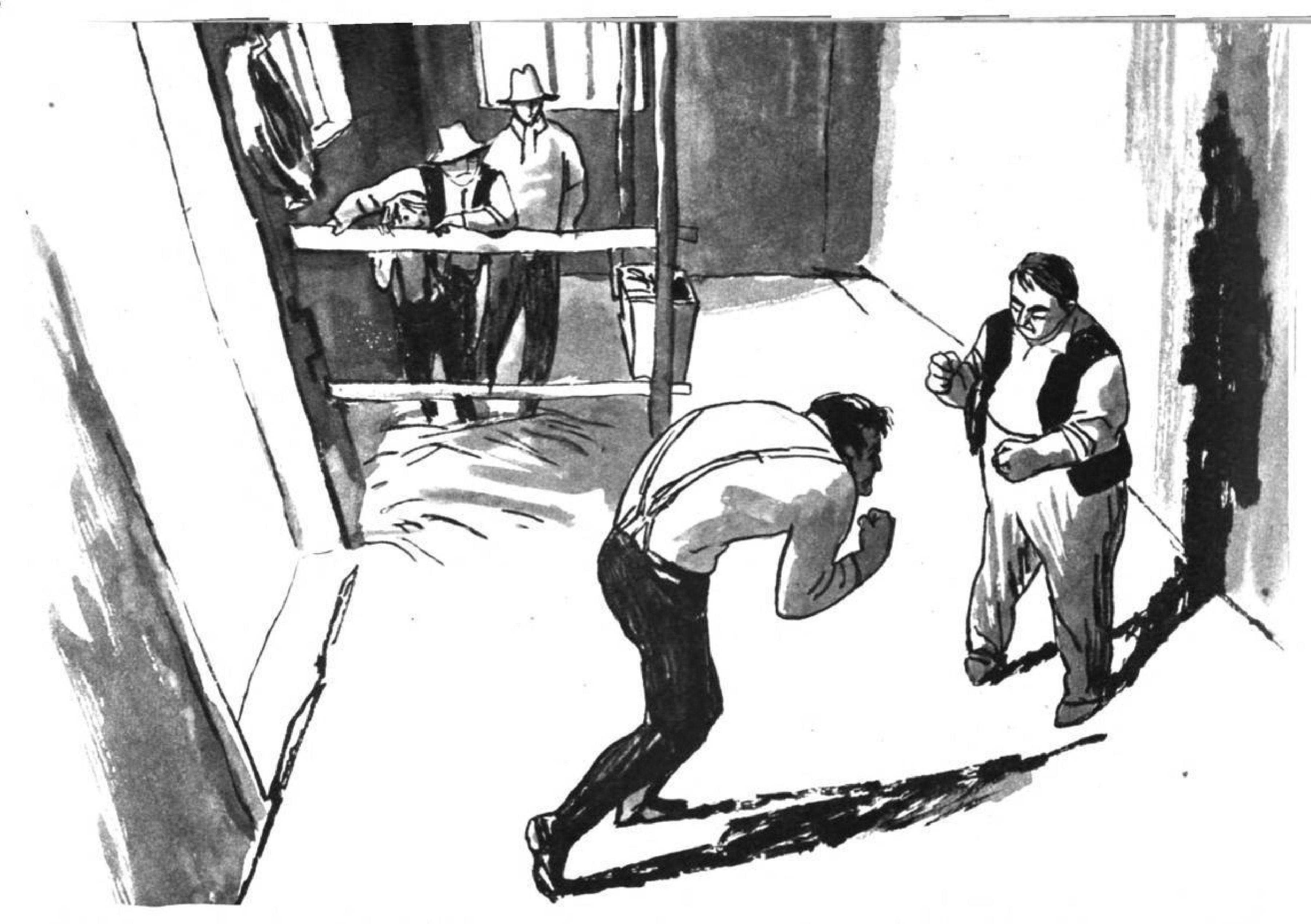
— Сержант,— спросил он,— можно мне снова пойти работать на ферму к старику Верити?

— Посмотрим. Загляни ко мне в понедельник, Дарби,— отвечал Флаэрти.

Некоторое время Дарби впустую распинался перед чопорными девами в чепцах, произнося на свежем осеннем ветру затверженную наизусть исповедь, потом оркестр заиграл «Я очищусь в крови агнца».

Капитан, держа в одной руке свой корнет, другой всучил Дарби Мунро тамбурин. Дарби стал неуверенно отбивать ритм.

Невдалеке околачивалось несколько мальчишек из лердибергской шайки; они искали, чем бы заполнить время, пока Пиктон-Рыжая Макушка не освободится и не придумает

какую-нибудь забаву в честь отъезда Стерлинга.

— Эй ты, ягода-малина! — крикнул один из ребят, перекрывая пение.— Ягода-малина!

Этот неуважительный намек на форму и окраску носа Дарби Мунро вначале не возымел ожидаемого действия. Тогда мальчишки подобрались поближе.

— Ягода-малина! Ягода-малина!

Физиономия Дарби стала одного цвета с его носом; он покинул стройные ряды спасителей.

— Поганые лердибергские ублюдки!—завопил он и с удивительной прытью кинулся на них.

Шайка моментально бросилась врассыпную. Дарби погнался за самым непроворным из своих мучителей, но тот уже попал прямо в объятия Флаэрти.

— Сколько раз я говорил: не дразнись! — сказал Флаэрти.

— Это не я, сержант. Я не дразнился,— соврал пленник.

Флаэрти отпустил его как раз в то мгновение, когда подоспел запыхавшийся Дарби Мунро и обеими руками обрушил тамбурин на голову злосчастного члена шайки. Тамбурин разлетелся, а мальчишка с ревом побежал прочь.

— Поделом тебе! — крикнул ему вслед Флаэрти.— Я отцу твоему все расскажу.

Пройдя чуть дальше, Флаэрти наткнулся на Дарки и его старшего сына, Кевина.

— Подбежишь сбоку и хватай плакат! — наставлял сына Дарки.— Срывай его с борта грузовика и беги, не останавливайся.

Кевин отправился выполнять задание.

Заметив сержанта, Дарки пояснил, несколько смутившись:

— На плакате, видите ли, написано: «Голосуйте за националистов — они защитят ваши сбережения!». Понимаете, не терплю, когда в Бенсонс Велли несут такую околесицу.

Флаэрти не стал вмешиваться в политику. Дарки направился через дорогу, к мясной лавке, где «Молодые националисты» проводили предвыборный митинг. Трибуной им служил кузов грузовика. Флаэрти последовал за Дарки.

Оратор, хорошо одетый молодой банковский служащий, очевидно, был наделен от рождения красноречием, но очень мало разбирался в политике. Он изо всех сил старался перекричать иронические замечания, летевшие из толпы. Когда наконец он с явным облегчением завершил свою речь и отступил, давая дорогу Чемми Флемингу, вперед вышел Том Роджерс и задал вопрос:

— Разве не факт, что депрессия является следствием неизбежной при капитализме...— начал он, придерживая лацкан своего пиджака и приготовившись в форме вопроса изложить свои социалистические воззрения.

— Все вопросы в конце митинга! — прервал его председатель и представил публике Чемми Флеминга, главу местного отделения Союза молодых националистов.

Чемми начал речь. Он не блистал красноречием и восполнял этот недостаток крепкими словцами. Но тут откуда ни возьмись налетел Кевин, сорвал на бегу лозунг, вызывавший раздражение Дарки, и умчался, волоча за собой трофей, словно воздушного бумажного змея.

— Видите, сержант, какое варварство!—воззвал к Флаэрти скуоттер Флеминг.

Флаэрти сделал попытку догнать Кевина, правда, без излишнего рвения. Когда же Кевин, к его удовольствию, свернул с Мэйнстрит, сержант перешел на спокойный шаг и решил лучше заглянуть в парикмахерскую Сильви Шеа.

— Пострижемся, Нэд? — деловито сказал Сильви. Усадив Флаэрти в свободное кресло, он мягко добавил: — В воскресенье вечерком здесь играют в покер. Не присоединишься ли?

Тем временем митинг шел своим чередом; Чемми Флеминг, стоя на грузовике, со всех сторон обсасывал все одну и ту же проблему: лейбористы, мол, если снова окажутся у власти, сразу отнимут у всех денежные сбережения. Эта мысль, как ни странно, сильно поразила воображение большинства слушателей, хотя сбережений никто из них не имел, а значит, и бояться им было вроде бы нечего.

Дарки все не унимался, он кричал из толпы, что Том Роджерс желает задать вопрос. Наконец он исчез в темноте, но потом появился вновь — на площадке грузовика, позади оратора. Подскочив к Чемми, он бесцеремонно поднял его за шиворот и штаны и аккуратно поставил на тротуар.

— Демократию надо соблюдать! Дайте Тому Роджерсу воспользоваться своим демократическим правом и задать вопрос,— пояснил Дарки.

Роджерс влез на грузовик.

— Действительно, лейбористская партия подвела рабочих,— честно признался он.— Но нечего молоть вздор, будто лейбористы отнимут у людей сбережения. Ну-ка, у кого есть сбережения — поднимите руки!

Дальше Том Роджерс, разочарованный и смущенный провалом правительства Скуллина [1], без особой уверенности заявил, что народ попадет из огня да в полымя, если станет голосовать за националистов. К девяти часам Том принялся за свою излюбленную тему — о неизбежности прихода социализма; но тут свет в мясной погас, и публика стала расходиться.

После митинга Том Роджерс, Эрни Лайл, Мэтчес Андерсон, Полковник-Мак-Дугал и Арти Макинтош, представлявшие в общественной жизни Бенсонс Велли разные фракции левого крыла, собрались для продолжения прений на обочине тротуара у парикмахерской Шеа.

Не успели они рассесться, как из парикмахерской появился Флаэрти.

— Рады снова вас видеть, сержант,— сказал Арти Макинтош с обычной своей мимолетной издевательской усмешкой.— У нас тут был честный фараон, но мы с ним, знаете, не ужились.

Флаэрти ничего на это не ответил и побрел домой.

— Я, кажется, уже говорил,— обратился Арти к остальным,— трудно сказать, что хуже в полицейском, честность или нечестность.

— Не новые полицейские нужны рабочему классу, а новые законы,— заметил Том Роджерс.

В городе стало пустынно и мрачно, словно на кладбище. Спустился туман, и свет уличных фонарей сквозь его пелену напоминал беспокойный блеск глаз больного лихорадкой.

Где-то заплакал ребенок, похоже, что от голода.

Перевела с английского
Инна ПОЛЕТАЕВА.

[1] Австралийский премьер-министр (1929—1931).

Федор МАЛОВ

В краю Берендеевом

Люди живут в лесу...

В небольшом заволжском селе Ям-Залесье мне приходилось бывать и летом и зимой. На этот раз мне пришлось сюда приехать в удивительно покойный предвечерний час с бесшумно моросившей тиховейной мжичкой. Все, все связано с лесом в этом зеленом краю Берендеевом.

Будни лесной страды

Дорога от Хахал до Лыкова проходит бором. Здесь, куда бы вы ни приехали, места по всему Закерженью везде одинаковые: малополье, леса! Еще вблизи лесогонных рек пажити с пажитями изредка сходятся — и тогда нечастые прибрежные посады, деревушки, сельбища протяжно перемигиваются лучистыми вечерними огнями, рассыпанными в сумеречной тонкой дымке. А чуть в сторону отшибешься от обжитых приречий — могучие кряжевые боры, непролазные листвяги, посмотришь — там и тут заплеснули горизонт бескрайним лесным морем. Едешь час, едешь день целый, трясясь по узловатым корневищам, закоряженным ухабам,— лес и лес без конца! Лесная кривулястая дорожка выхлестывает путаные завитули, петли, огибает буревалы, свежие лесопосадки, никогда не просыхающие по болотам мшаны с застоявшейся седой водой, подернутой древесным пухом, плесенью, просыпавшимся листопадом. Сплошные леса с редкими прогалышами деревень и пашен засели во все стороны на многие десятки километров. Наполдни — до Керженца и Сельской Мазы, а к северу — до Уреня, Ветлуги, до марийской Луговой Кильмары...

В разгаре осенняя грибная пора — и лесовозная узкоколейка от Рустая до Калинихи в эти дни живет, как большая гомонливая дорога для многочисленных грибников. Сборщики грибов — народ азартный, напористый, штурмовым порядком грибники заполняют площадки лесовозных сцепов, платформ, копошащимися гирляндами повисают на подножках скрипучих пассажирских вагончиков, переполненных еще на первых полустанках. Лязгая сцеплениями, погромыхивая, живая цепочка поезда ползет, облепленная людьми с корзинами и кузовками. Объемистые, увязанные наспех, тяжелые узлы. Вместительные пестеры и ночвы из бересты. И все, все переполнено от щедростей великого лесного изобилия. И пропитанная мазутом, паровозным дымом лесная магистраль в эту золотую пору массового грибосбора на перегонах обволакивается спиртовым грибным запахом. Веселящим, спорым, ободрительным осенним запахом, истовым, неповторимым для грибного сборщика.

Миновали Светлов, миновали Орехи, промелькнувшие в сизоватом просвете поредевших сосен. На поезд все подсаживаются пассажиры с тяжелыми грибными ношами. В переполненном вагончике едут грибники от Вязовой, Светлушки, из-за нашего Дубовика. В большинстве народ знакомый издавна: служащие из райцентра, из сплавной конторы, леспромхоза, по-дорожному повязанные в старенькие косынки, полушалки окрестные колхозницы. Уже свечерело, а дремать никто не дремлет; еще и еще крики за окном. «Гриб идет, товарищи! Впустите!» — кричит повиснувший на подножке охотник за дуплянками в мокром сатинетовом балахончике.

Душно, тесно. А кто-то, огрызнувшись, все же потеснился. Огромнейший лубяной пестерище с чистенькими боровыми грибками-маломерками передается через головы сидящих. Мокрый сатинетовый балахончик, отдуваясь, усаживается. И снова продолжается неумолчный говор о прославленных грибных урочищах по обширному Белому бору, за непролазной Бурычихой, Березовой, по речушке Черной. Про излюбленные места груздяные, валуйные, волнушечные, про ароматистый, мясистый красный рыжик-завиток, от которого пахнет анисом и укропом и который, по словам азартного рассказчика, можно подавать на стол уже после минутной ошпарки чуточку отпыхнувшим кипятком.

— Сила в грибе, если хотите, с любой стороны огромнейшая! — рассказывает пожилой учитель с приемами солидного, уверенного в себе лектора.— Я всегда говорил и всегда говорю каждому: с нашим грибом и сытно, и вкусно, и лекарственно! Горячая похлебочка, заправленная сушеным грибком белым, в семь раз, учтите, получается питательнее, скажем, и бараньего и мясного бульона. Доказано! А в одной из достоверных наших книжиц, появившихся недавно, про отличнейший русский гриб наш читаю: «Килограмм сушеных белых грибов — это три килограмма мяса, три килограммá рыбы, пять килограммов картофеля». Концентрат-то, слышите, какой! Концентрат — не заменитель, настоящий. Слышите? Целый, сказать, продовольственный склад.

К рассказчику прислушиваются, просят уточнений, переспрашивают горячо и сбивчиво, показывают ему грибы-двойняшки, грибы самых причудливых форм, грибы-диковинки. А страстный приверженец грибов, неутомимый рассказчик продолжает доказывать: да, в хорошую хозяйскую запасливость, добычу оборачиваются заготовленные-то грибочки в обиходе пищевом, домашнем и общественном! Ведь это и холодная закуска, и бульон, и пирожки, и соус, и подливочка, и расчудеснейшая сочная икорка грибная, могущая стать хорошим украшением для любого праздничного стола. Словом, всякие деликатесы-маринады, всякое тонкое лакомство, приготовленное искусницей-стряпухой на три дюжины нехитрых способов. Способов, доступных каждой хозяйке, в каждой закусочной, рабочей столовой, в каждом кафе.

— Значит, ягодки-грибочки — самый благодатный, самый даровой, любимейший дар леса! — заканчивает рассказчик в переполненном вагончике.— Только, стало быть, успевай, брательнички, собирать да запасать вовремя готовые лесные дары!

Мастера грибной корзины

Грибная пора — лесная страда. И в будни этой ободряющей страды изобильной переполнены певучей людской перекличкой все лесные урочища. Даже за десятки километров от жилья. К тому же сегодняшний грибник в Закерженье — человек, не в шутку механизированный. И сборщики и сборщицы (а здесь женщин-сборщиц стало большинство подавляющее!) пользуются моторкой, мотоциклом, катером, двухвесельной лодкой, попутным самосвалом, всеми велосипедными марками. Мне частенько приходилось видеть выезжавшие под выходной длинные вереницы грузовиков с целыми семьями сборщиков. Народное присловье: летний день год кормит! — звучит для грибника еще категоричней. Как известно, грибных дней в году не столь уж много, и пользоваться ими приходится со сметкой, с жаркой и молодцеватой поворотливостью.

Мудрым этим правилом и руководствуется в своей работе Алексей Федорович Лунин, директор Воскресенской заготовительной конторы. Уроженец тихой лесной деревушки и сам бывалый грибник, он еще мальчонкой обшарил все окрестные урочища у Высокой Гривы, Старой Волчи, по Грязнухе и Таранихе, в древнем Покровском бору. Человек на редкость мягкий, нешумливый, неизменно ласковый и неизменно обходительный, то есть сохранивший на всю жизнь золотые качества лесного обитателя, он в то же время до придирчивости щепетилен, требователен при малейшем проявлении расхлябанности, порочной изворотливости, показухи. В прошлом партработник, а ныне кооператор, Алексей Федорович ведает в своем лесном районе делами вовсе не последней важности.

Старые земляки, мы первым делом взаимно поделились своим единомыслием: дивен и богат, богат природными дарами этот удивительный, перегороженный лесами край! Мы вспомнили про Хмелевую — извилистую и чапыжистую лесную речку, заросшую замшелыми, сцепившимися листвягами и когда-то изобиловавшую буйным диким хмелем, гривастые и непроницаемые заросли которого встречаются частенько и теперь в ее лесистой пойме. Вспомнили про Ерофеевы Переливы, щедрые брусникой, клюквой, голубикой, непролазными малинниками, черникой, земляникой, вся-

Грозный смех

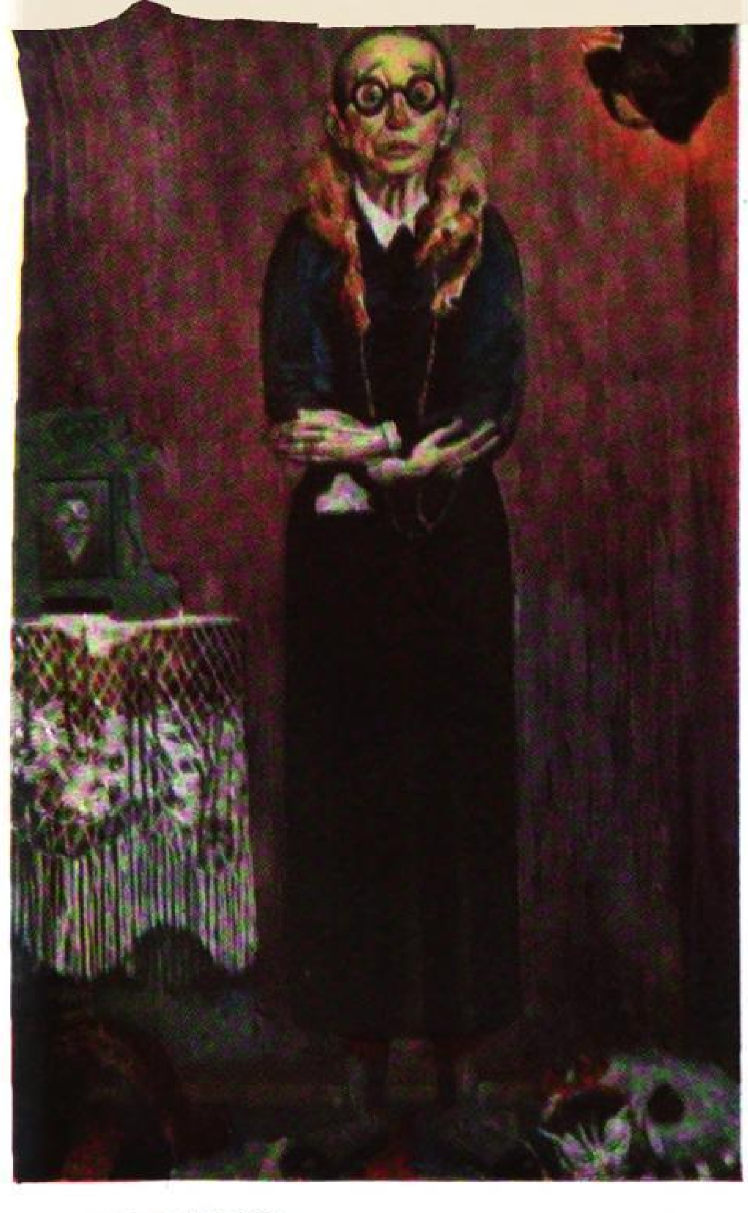
1919 год. Гражданская война. Молодая республика зажата в железное кольцо белогвардейщины и интервентов. А на углу Тверской и Советской площадей, перед витриной кондитерской Абрикосова, люди весело и заразительно смеются: здесь висит первое «Окно сатиры РОСТА». Автор рисунков — Михаил Михайлович Черемных.

Невозможно переоценить живительную силу смеха, то просто веселого, то действительно по-настоящему грозного, который вызывали рисунки Черемныха. Мы смеялись, перелистывая страницы журнала «Крокодил» (Черемных был одним из его основателей), смеялись, стоя перед «Окнами ТАСС».

Карикатуры художника безжалостно срывали маски с врагов нашей страны. Рисунки Черемныха с мягким юмором рассказывали нам о нас самих.

Михаил Михайлович Черемных жил жизнью своей страны. Он воевал во время войны, строил в годы мирных строек, хотя в его распоряжении было только одно оружие — смех. Смех, который придавал нам новые силы, смех, которого боялись наши враги, как штыка и пули.

А. Ляхова

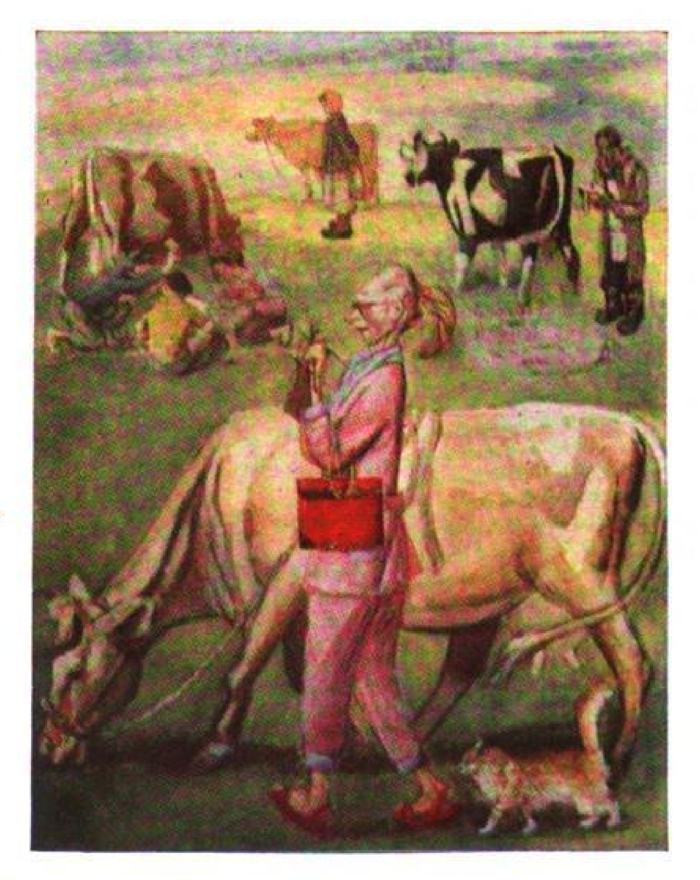

СТОЛП ЦЕРКВИ.

ЛЕКАРСТВО ГОРЬКОЕ, НО ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ НЕОБХОДИМОЕ.

М. ЧЕРЕМНЫХ.

ЧАСТНЫЙ СЕКТОР.

БЮРОКРАТ.

НЕ РАССТАНЕМСЯ С ТОБОЙ НИ ЗА ЧТО НА СВЕТЕ.

П. Смукрович. МОЛОДОСТЬ.

Я. Ромас.
АБРАМЦЕВО.
СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ.
Этюд.

Н. Ромадин.
СЛЕДЫ ВОЛКА.

М. Черемных.
ПЛЫВЕМ ДАЛЬШЕ.
МЫ ЗДЕСЬ УЖЕ
ОТДЫХАЛИ.

«ПОМЕЩИЦА».

кими грибами. Затем разговор зашел про знаменитое в этих местах Камское болото, отборная, отменно сахаристая клюква с которого, бывало, отправлялась не только в Москву и Петербург, но и ежегодно экспортировалась, умножая славу русского леса, в Париж, Стокгольм, Лондон. А некий на отличку оборотистый торгаш-предприниматель, говорится в биржевых бумагах, отваживался отправить несколько партий этой русской ягоды даже в Америку.

Ягодницы и грибники не дремлют и теперь в этом благодатном заволжском районе, занимающем одно из первых мест по области. В прошлом году за успешное перевыполнение планов по заготовке дикорастущих здешние сельпо были премированы грузовиком и несколькими комплектами автопокрышек. В действии и нынче ценники на лекарственное и техническое сырье, ценники на бересклет, черемуху, корье, красители, шиповник, ликоподий, на рябину и ромашку, сушеницу, на терпкую и кремнистую «чагу» — буроватые березовые наросты, лекарственная вытяжка из которых применяется против рака в некоторых виднейших лечебницах страны. Скромные этикетки заготовительной конторы на Ветлуге известны также за пределами Советского Союза. В прошлом году здешние лесные труженики заготовили и отправили во Францию значительную партию специально обработанных муравьиных яиц, высокий спрос на которые наблюдается уже не первый год среди парижских фармацевтов, медиков.

Прошлогодние темпы не снижались и в нынешний заготовительный сезон. И повсечасно занятый текущими заботами Алексей Федорович везет меня в Осиновку, где мы осматриваем на водянистом берегу речушки стационарный грибоварочный пункт.

Осиновка — обычная северорусская деревушка в окрестностях знаменитого озера Светлояра, овеянного древними легендами о граде Китеже. По краю зеленой лощины курится морокуша, а на крытом колхозном току молотьба. В полях уборка льна, гречихи, поспевшего картофеля. Хлопочущий возле разогретого котла грибовар Викентий Иванович Репин с раннего утра и до самого позднего вечера занят, как он выразился, в своем грибном цехе. Как и в прошлые годы, так и в нынешний, чрезмерно обильный дождями сезон усердно помогает сыну восьмидесятитрехлетняя мать Анна Яковлевна, неутомимая старательница по грибам и ягодам. Впрочем, истовый грибник не боится старости. «В горячую грибную пору,— говорит старушка-лесовуха,— он стряхивает со своих плеч тягости возраста». И понятно, почему дотошливых и зорких знатоков грибного сбора испокон славят и чтят здешние обитатели. «Незнающий проходит в лесу зря!» — роняет на ходу Анна Яковлевна, появляясь у стола с приготовленной для пробы и заправленной закуской свежего посола. «Для хорошего сборщика,— продолжает она,— и в незнакомом бору всякая трухлявая кочаруха — приметина надежная, охотно выручающая; дорогу ему сам же гриб и указывает». Поэтому веселые ватаги сборщиков обычно возглавляет умудренный коновод, изучивший географию грибов до тонкости.

Мастера грибной корзины не знают пустых вылазок. Они отыскивают нужные грибы, присматриваясь к лесной островзубчатой тени, к игривым переливам бликов солнечных, к сплошным завесам лиственным, зеленохвойным. «Отлично знаком им и капризный грибной календарь!» — в лад с матерью замечает Викентий Иванович, промывая золотистые, как облитые густым маслом, валуи. Опытный грибник, он, конечно, уверен, что вслед за валуями обязательно пойдут дуплянки, грузди, поздний белый гриб, разных цветов, разных сортов сыроежки. С приходом первых утренников стройная грибная череда непременно завершится массовыми осенними грибами: опятами, лисичками, чернушками, моховиками, синим, красным, белым рыжиком. Завершится обильным осенним последышем — грибом зеленушкой, которая и будет расти частыми кулигами по светлым сосновым гривам в продолжение всего предзимья, до устойчивого снегопокрова и больших морозов.

Черпание из моря ложками

Есть люди, посвятившие всю свою жизнь какому-нибудь одному, еще в молодости облюбованному и раз навсегда избранному делу и потом уже безотказно отдающие ему всю свою напористость, сноровку, жаркую, непреходящую привязанность, несмотря на всяческие треволнения, горести, зримо нарастающую хлопотливость своего повседневного занятия, своего ответственного служебного пути. К числу таких людей, пожизненно и одержимо преданных своему призванию, своему долгу, и принадлежит Константин Никандрович Плеханов, старейший и неугомонный кооперативный организатор, кооперативный коновод на лесной смиреннице Ветлуге. Многолетний председатель райпотребсоюза, а до этого его неизменный работник, Константин Никандрович вложил немало силы в развитие заготовительного дела. Да и в нынешний сезон Алексей Федорович Лунин за поддержкой и советом неизменно обращается к нему с большим и малым.

Как уже отмечено, дела у грибников и ягодниц, а следовательно, и у самих приемщиков идут совсем-таки превосходно. В прошлом году нужно было заготовить по грибной засолке две тысячи четыреста бочко-центнеров. А отправили на областную базу пять тысяч сорок! В шесть с половиной раз больше плана сдали клюквы и брусники! С этими блестящими сводочными цифрами другие бы, пожалуй, успокоились, а щеголяющие показухой возгордились бы с шумной и хвастливой спесью. У Плеханова и Лунина другие мерки: «Мы живем у моря, а черпаем из него ложками! Планы заготовок можно бы утроить, удесятерить. Но те, от кого это зависит, глухи даже к самым наболевшим нуждам здешних заготовителей. Мол, всего из лесу не выберешь!..»

Поднимаясь по высокой деревянной лесенке в смолистый теремок — привычный кабинет директора, грибовары и приемщики начинают и кончают свой разговор мольбой тревожной, горькой: «Дайте же наконец, дайте тару!» Тару под волнушки, грузди, рыжики, маслята, подберезовики. Под грибы, оплаченные, принятые, обработанные, приготовленные к затариванию. Тару под рубиновую отборную бруснику, под клюкву красносекую. «Почему вы так неаккуратно ее распределяете!» — сыплются упреки в кабинете Алексея Федоровича. Ну, что тут человеку сказать? Чтобы распределять, нужно иметь, а поставщики простецкой и обычнейшей стандартной тары в самую коренную пору грибосбора срывают и срывают свои обязательства. Как будто живой гриб задались взять измором.

По договору, Докукинский леспромкомбинат должен поставить тысячу бочек. Еще до начала грибосбора, разумеется. Массовые грибные «вспышки» следуют одна за другой по Юронге, Усте, по Люде, Хмелевой, по Керженцу и Дорогуче начиная с цветоносного предлетья. «Дожди гриб гонят!» — то и дело телефонят с пунктов. Но даже и к концу августа из Докукина не поступило ни одной бочки. Не отличается особой аккуратностью и другой поставщик — Больше-Отарский завод в Заветлужье. Предприятие, к тому же специализированное по переработке ягод и грибов. Предприятие, под самым боком у которого расположены лесные деревушки с лучшими на весь район грибниками, ягодницами, корьевщиками.

Положение тревожное, повторяющееся уже не первый год, и Алексей Федорович с сумрачной задумчивостью потирает лоб. Можно бы заказы сделать местным бондарям, которые, кстати, напрашиваются и которые, клятвенно божась, сулят досрочную поставку тары по стоимости, не превышающей принятую договорную, и лучше, чем делают нерадивые поставщики. Можно бы договориться, наконец, с имеющими промцехи местными колхозами. Но... И тут ласковый и обходительный Алексей Федорович начинает явно нервничать, перелистывая одну за другой отписки, запретительные назидания из местпрома, облпотребсоюза, из других инстанций. Формальная благовидность в них безупречнейшая. А на деле, кипятится Алексей Федорович,— скоростное наплевательство, отписочное и самое бездумное пренебрежение к нуждам тех, кто в городе ждет не дождется грибов.

Вы спрашиваете директора почти сконфуженно: «Почему же затянулся такой холодок с заготовками? Ведь они необходимое подспорье в нашей борьбе за изобилие продуктов питания». Алексей Федорович и сам головой покачивает, смущаясь: тут и без догадок ясно. По-видимому, кое-кто до сих пор рассматривает деятельность низовых заготовителей как дело маловажное и необязательное, хотя есть решение, предусматривающее резкое увеличение и заготовок и переработки дикорастущих плодов, грибов, ягод. Предусматривается повсеместный массовый сбор их силами колхозов и сельского населения. А ее и нет, организованности и налаженности четкой, в колхозах лесовитого Закерженья и Поветлужья. Местные грибники и ягодницы работают в лесу по-партизански.

И даже казусы

Прилежный и мастеровитый сборщик в лес уходит, озираючись: за ним в деревне слежка. Увидит колхозный бригадир человека с переполненной корзиной,— берегись, брат-сборщик! В деревнях расклеиваются бумажки не с приглашениями о посильном сборе ягодок-грибочков, а с угрозами, с запретительным предупреждением. И в действие такие угрозы приводятся сплошь и рядом. В Палихе, знакомой деревушке, вернулись с Ерофеева болота ягодницы с полными ношами клюквы, а дома — горькие попреки, слезы: бригадир оштрафовал каждую сборщицу на пять трудодней! И среди оштрафованных не лодыри и тунеядцы, а лучшие сдатчики в сельпо дикорастущих. Нелепость? Считайте, как хотите, а безголовый штрафователь формально все-таки неуязвим: «Забочусь о трудовой дисциплине в бригаде!» И таких дежурных отговорок вы можете услышать от него сколько угодно.

Сборщики работают, как жизнь показывает, без малого ущерба для колхозных полей,— и в этом легко убедиться, присматриваясь к практическим порядкам, к похвальным и продуманным бытовым обычаям в сельхозартели имени 19-го партсъезда. Брызнул, скажем, водянисто закурившись в поле, дождичек — и работающие на прополке женщины, подростки, ни минуты не теряя в праздных пересудах, ожиданиях, спешат с корзинами и кузовками в гулкие березовые рощицы да листвяги по тихоструйной Ижме. Аукают, перекликаются до вечера, собирая самых отменных кондиций грузди, рыжики, знаменитый ижменский валуй. Щедрые грибные урочища, щедрые малинники и клюквенники у здешней деревни Большой Кутец буквально на задворках, и сборщики успевают сходить в лес по пять-шесть раз за день. Тропинки хоженые, через Ижму тесаные кладки.

И гомон в лесу, как на базарике веселом. А тем временем предколхоза Василий Иванович Павлов, сам грибник азартный, тоже не сидит без дела. Используя разумно по хозяйству каждого трудоспособного, он всемерно привлекает к массовому сбору всех желающих. Нужна под собранные ягоды, грибы подвода — и колхозного коня беспрекословно запрягают в дроги, отправляют ездового в лес за сборщиками. У хозяина рачительного сметливая сноровка и в большом и в малом. Для Василия Ивановича и береста с лубом для изготовления грибных пестерух, и красные корзиночные прутья, и новенькие ушаты, дежки для грибной замочки, вместительные кади и бочата для засолки — предметы далеко не маловажные, о которых не зазорно, скажем, и заблаговременно потолковать на правлении колхоза. «Хлебушко-то на столе с ягодками и грибками дружит, так ведь не к лицу и нам пренебрегать даровой лесной продукцией!» В этом золотом правиле председателя колхоза Василия Ивановича Павлова сказывалась состоятельность и тороватость яркой народной мудрости, тороватость и сила добрых и светлых традиций северорусских.

Наш до

Сергей ВОРОНИН

Рассказ

Рисунок В. ВЫСОЦКОГО.

До свидания,— сказала Анна Николаевна, и на глазах у нее блеснули недоплаканные, еще не последние слезы.

— Счастливого пути,— живо ответил ей новый хозяин ее дома.

Энергично пожал руку, наверно, и не почувствовал, что сделал больно, и тут же занялся своим делом. Каким? Не имеет значения. У этого человека всегда хватало своих дел.

— До свидания,— тихо сказала Анна Николаевна его жене.

— До свидания,— улыбнулась ей новая хозяйка.

Но в ее улыбке не было ни добра, ни сожаления, ни зла. Ничего не было. Она зря своих чувств не растрачивала.

Анна Николаевна окинула печальным взглядом комнату с окном на реку, маленькую, теплую кухню, в которой зимними вечерами сидела с мужем, и, прерывисто вздохнув, вышла из своего, теперь уже не принадлежащего ей дома. Можно бы и совсем уйти — калитка рядом, но что-то еще удерживало... Да, надо проститься с сиренью!

На большом, открытом солнцу участке неподвижно, как застывшие в почетном карауле часовые, стояли молодые липы, ясени, клены, березы, дубы. Это он их посадил, ее муж, полковник в отставке. Он часто говорил, что в долгу перед землей, и вот на пустыре растут деревья... Анна Николаевна пошла к реке. Там куст сирени. С реки набежал ветер, и листва зашелестела, замахала зелеными платочками, ветви стали кланяться, словно прощались. Анна Николаевна ласково провела рукой по листве, обошла весь куст, и остановилась на берегу, и вспомнила, как она с мужем впервые стояла тогда на этом месте.

...Перед ними текла неширокая, ласково освещенная уходящим солнцем река. У нее были заводинки, поросшие желтыми кувшинками, плотно прилипшими к воде круглыми зелеными листьями. У берега, на песчаной отмели, стайка мальков грела темные спинки. Покоем и светлой грустью веяло от тиховодья реки.

— Ну как? — спросил муж.

— Мне нравится,— негромко ответила она.

— Ты здесь окрепнешь. Болезнь в тебе до сих пор сидит.

— Ну что ты... Я себя хорошо чувствую.

— По лицу не вижу.

— Но ведь и годы...

— Что там годы! Подумаешь, пятьдесят лет. Я видал старух, у которых не щеки, а яблоки.

— Красные? — улыбнулась жена.

— Конечно, не антоновка! — При этом муж тоже улыбнулся. (Анна Николаевна вздохнула, вспомнив это. Когда-то ее муж любил весело пошутить, много смеялся, но это было давно. Очень давно...)

— Весь участок заполним деревьями: липами, кленами, дубами,— мечтал он.— Сирень посадим. Вот на этом самом месте, где сейчас стоим.— Он окинул взглядом тенистые берега и тихое, засмотревшееся в воду небо.— Чтоб здесь был большой куст. И под покрытием всей этой зелени поставим дом. Ну как? — И скупая улыбка чуть дернула его короткие жесткие усы. Вид земли радовал его, волновал, и поэтому он был словоохотлив.— Вообще здесь можно создать живописный уголок. Дом срубим из сосны... У нас в деревне дом был тоже из сосны. Сколько же лет я там не был? Пожалуй, лет сорок. Да, лет сорок. Как ушел в армию, так и не вернулся. Хороший был дом, пятистенка. Отец не хотел делиться, так и жили в одном доме, двое старших братанов женатых и я, холостой... Теперь никого нет... Кто сам ушел, кого война унесла.

— Да, война,— тихо ответила Анна Николаевна и опустила голову.

Они помолчали, переживая каждый в себе смерть двух сыновей, погибших на войне. У них было молча условлено не говорить о ребятах: иначе бы трудно было жить.

— А я, знаешь, сейчас смотрю на землю и чувствую, что крестьянское начало во мне никогда и не умирало. Просто был большой интервал, и вот я снова на земле...— Он задумался и с горечью сказал: — Сколько было разрушено! У меня в глазах до сих пор стоят сожженные деревни, покалеченные сады. Как много было в войну изничтожено красоты... И я не последний участник в этом деле.

— Но ведь ты должен был так делать.

— Конечно. Когда выполняешь долг солдата, ничего нельзя жалеть. Но все же у меня такое ощущение, что я перед землей должник.

Солнце гасло за изгибом реки. И как только скрылось, сразу же из лесу потянулись синие сумерки. Чем гуще они становились, тем ярче разгоралось небо. Оно было и оранжево-желтым, и бирюзовым с золотистой каймой, и багрово-красным, и все это отражалось в воде. Река качала эти яркие ленты, играла с ними, несла к берегу.

Жизнь природы, так долго от него скрываемая городами, армейской службой, теперь широко и доверчиво раскрывалась перед Родионовым. Он смотрел и задумчиво улыбался. Его губы, потеряв обычную твердость, помягчели, и от этого на лице полковника появилось такое выражение, словно он увидел молодого птенца, который еще и летать-то не умеет, кувыркается в воздухе. И глаза Родионова помягчели. И только один шрам на лбу, в ямку которого мог бы легко войти пятак, оставался суров.

Стало смеркаться.

— Ну что ж, пойдем,— сказал Родионов. Но прежде чем уйти, еще постоял несколько минут, глядя на гаснущее небо, и удивленно заметил: — Смотри, река рядом, а комаров нет.

— Мне нравится,— все так же негромко сказала Анна Николаевна.

— Ну, а коли нравится, то будем форсировать.

С этого дня жители районного городка видели Родионова то едущим в грузовой машине, то шагающим за подводой, то быстро идущим с каким-нибудь мастеровым. Он сам вместе с помощником лесничего ходил в лес клеймить двадцатиметровые сосны, помогал рубщикам трелевать бревна к дороге, жег сучья, толкал машину, если она буксовала, и каждый раз возвращался домой за полночь усталый, но удовлетворенный. Нужны были кирпич, цемент, песок. И он шел, и договаривался с грузчиками, и помогал им, совестясь сидеть сложа руки, в то время как люди работают на него. Надо было пилить бревна на доски, договариваться насчет шифера, ехать в город за стеклом, искать толевые гвозди, натуральную олифу — на все эти хлопоты уходила уйма времени,— порой приходилось нервничать, кому-то что-то доказывать, и он был счастлив, когда от всей этой строительной возни выкраивался свободный часок и он сам мог взять в руки лопату.

Она легко, на «штык» входила в обильно смоченную осенними дождями землю. Корни трав с сухим электрическим треском лопались, когда лопата отжимала отрезанный пласт от земли. Теперь этот пласт надо было ловко подбросить, так, чтобы он перевернулся и упал травою вниз. И он падал, как этого хотел Родионов. И так шаг за шагом. И вот уже вскопана земля. На это дело ушел весь сентябрь и половина октября. Вместо чертополоха и лебеды на земле должны расти деревья. И вот уже стоит деревцо, потряхивает тоненькими косичками, радуется солнцу, жизни. И это дерево посадил он, Родионов, полковник в отставке. Оно будет расти годами, десятилетиями, даже и тогда будет расти, когда не будет на земле Родионова.

Работы было так много, что день проходил мгновенно.

— Я и сотой доли не успел сделать того, что замышлялось с вечера, а солнце уже демобилизовалось,— удовлетворенно говорил он, ополаскивая натруженные, горячие руки в холодной, уже по-осеннему прозрачной речной воде. Все тело у него было полно той сытой усталостью, когда хочется только спать.

Но спал он плохо, часто просыпался среди ночи.

— Ты очень много работаешь,— говорила жена.

— Глупости. Все хорошо. Главное — успеть с посадками. Весной знаешь, как все зазеленеет? Ты горожанка, а я парень крестьянский. Я за три года вижу вперед, что сделается с землей. У меня такое чувство, будто я должник...

— Ты уже говорил об этом...

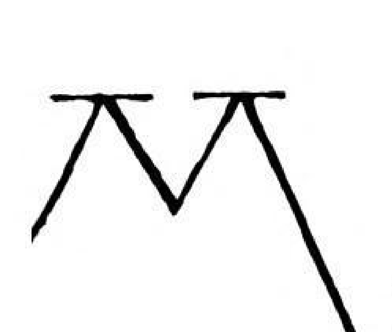
— Да, и до тех пор буду говорить, пока не рассчитаюсь со своим долгом.

— Только береги себя. Молоко будешь пить?

— А как же!

Он пил молоко и был уверен, что сил у него много и здоровья хватит до старости. Но однажды случилось так, что сердце вдруг сорвалось, на мгновение замерло и тут же начало быстро и тревожно стучать, словно просилось домой. Это произошло рано утром, когда он колол дрова. Резко махнул топором, что ли? Он чуть не упал, на какое-то мгновение все заволоклось туманом, но рассеялось быстро, и тут же он услышал, как часто стучит напуганное сердце. Потом прошло, и он опять перестал его чувствовать. К тому же после слякотной осени наступила морозная зима. Все побелело, стало спокойнее.

К этому времени дом был уже совсем готов. Небольшой, шесть на шесть — две комнаты и кухня,— он уютно тянул к небу синеватый дым. В окна светило морозное солнце. Было тихо, как обычно бывает тихо зимой за городом. Казалось бы, теперь можно и отдохнуть, но не сиделось сложа руки. Родионов и не предполагал, что в его возрасте можно увлечься чем-то всерьез. Казалось, все лучшее позади,

все, что могло звать, что заставляло мечтать, ради чего стоило стремиться к лучшему, ушло в прошлое, и вдруг появились веселые заботы, тревоги и радости за каждый куст, за каждое дерево: не обгрызли бы зайцы, не подточили бы мыши, не померзли бы тоненько чернеющие среди снега молоденькие саженцы.

Родионов вставал рано, когда еще ярко светлели на темном небе низкие звезды. Он затапливал печь и шел на реку. За ночь прорубь схватывало, приходилось скалывать лед топором. Он набирал в ведра настывшую, с мелкими льдинками воду и неторопливо возвращался, прислушиваясь к зимней тишине. Было еще темно, а из райцентра уже доносился бодрый голос, призывавший к утренней зарядке. Неслышно падал мягкий редкий снег. В зимнем покое чернели с накинутыми на плечи белыми полушалками молодые сосенки. Полковник в отставке останавливался и смотрел на зачарованную родную спящую землю. Чувство тихой радости, полное любви и верности к ней, заставляло замирать сердце. И отчего-то вдруг становилось тревожно, и сами собой роились в голове мысли. Думалось о прошедшей войне, о сынах. Они лежат один возле Волоколамского шоссе, другой неподалеку от Берлина. Лежат порознь, а в сердце у него вместе.

— Сегодня буду делать скворечни,— говорил за чаем Родионов жене.— Штук шесть надо сделать.

— Скворушки — хорошо,— отвечала жена и задумывалась.

По ее глазам, по голосу он понимал, что она вспоминает ребят, и старался отвлечь ее:

— Смешное дело, мальчишкой любил зорить гнезда. Мне ничего не стоило залезть на самое высокое дерево. Помню, как обороняли гнездо дрозды. Всего облили пометом...

Жена слабо улыбнулась.

— А теперь и подумать не могу, что-то перевернулось в сердце. Нежность какая-то ко всему появилась.— Он замечал улыбку жены и опускал седую голову, испытывая чувство неловкости. Она всегда знала его суровым. Он даже не плакал, когда пришла вторая похоронная. «Пали смертью храбрых!» Он знал, его ребята стояли насмерть! Не дрогнули!.. А вот теперь стал мягок, из-за каких-то скворечен может допустить на глаза слезу. И поэтому он сидит, опустив седую голову, чтобы жена не заметила в нем этой непривычной слабости.

— Еще выпьешь чаю?

— Да, покрепче... Сегодня проснулся от выстрела.

— От выстрела?

— Долго лежал, не понимая, приснилось или на самом деле стреляли. Меня ведь, знаешь, ничем не разбудишь (а она знала, что он от каждого шороха просыпается), но выстрел услышу на другом краю света. Долго лежал с открытыми глазами. И еще раз у самого уха рвануло.— Родионов скупо улыбнулся.— Мороз углы дома рвет.

— Ах, вот что,— облегченно вздохнула жена,— а я уж на самом деле подумала, может, кто стреляет... на зайцев охотится...

— Скорей бы весна,— выходя из-за стола, мечтательно говорил Родионов.

— Да, скорей бы весна...

— Весной хорошо. Ручьи бегут... Надо побольше цветов развести. Люди увидят — понравится, у себя захотят посадить. Это уж твое дело — цветы.

— Тюльпаны посажены. Есть семена хризантем. Левкой бы достать. Очень я люблю этот цветок.

— Достанем,— уверенно сказал Родионов.

Весны он не дождался. Умер. Еще утром ходил, радуясь солнышку, звонкой капели, готовил побелку для деревьев. Потом пришел домой, прилег отдохнуть. Она думала, он спит, и ушла в магазин. А он в это время умирал. Смотрел в окно, но видел не белые сплошные снега, что расстилались на сотни километров, виделись ему дымные, стелющиеся по земле и небу плотные тучи, из которых вырывались черные хлопья и красные огни. Пепел и огонь глушили все живое на земле. Вместо деревень — зола. Вместо садов — седой пепел и красные угли. И солдаты, идущие по пеплу, с черными лицами, усталые и злые. И он с ними, как всегда, с ними.

Когда Анна Николаевна вернулась, в доме было тихо и сумеречно.

— Ваня,— позвала она мужа.

Он не отозвался. Тогда она включила свет, подошла к нему, тронула за плечо. Но он и тут не отозвался...

...Из-за куста донесся голос нового хозяина:

— Строить зачем? Надо брать готовое. Это самое выгодное.

— Но, знаешь, мне не нравятся простые деревья. Надо весь участок засадить земляникой. Я люблю ее со сливками,— послышался голос его жены.

— Ну что ж, срубим. Наймем людей, и они сделают все...

Новые хозяева о чем-то еще говорили, но Анна Николаевна уже не слышала. Она была потрясена словами: «Надо брать готовое». Она, конечно, понимала: если что продается, то это кем-то сделано, оно готово к тому, чтобы им пользовались, но ведь тут совсем другое: Иван не жалел себя, нигде не жалел. Ни в войну, ни в мирное время. Был искалечен, подорвал сердце, и вот этот дом, эта земля — последнее, куда он отдал свои силы. И теперь они будут жить на готовом. Что же это такое? Они берут наш дом и делают своим! Честные уходят, и их дом занимают чужие люди...

Она вышла из-за куста. Новые хозяева поняли, что Анна Николаевна слышала их разговор, и, несколько смутившись, стали ждать, что будет дальше. А она, словно впервые видя этих людей, недоуменно глядела на маленького, в выпуклых очках человека и его жену, тонконогую полную женщину.

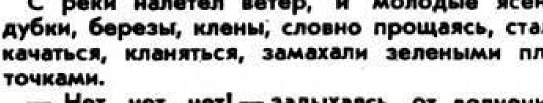
— Вы еще здесь? — растягивая слова, спросил новый хозяин и чуть наклонил голову, пряча за толстыми стеклами очков настороженный взгляд. Он не любил споры, шум, скандалы. А тут что-то назревало подобное, поэтому он и спросил, а вообще-то ему с ней разговаривать было не о чем.

— Я не продам вам дом,— бледнея, сказала Анна Николаевна.

— Он уже продан,— ответил новый хозяин и не удержался — торжествующе улыбнулся. И жена его тоже торжествующе улыбнулась.

С реки налетел ветер, и молодые ясени, дубки, березы, клены, словно прощаясь, стали качаться, кланяться, замахали зелеными платочками.

— Нет, нет, нет! — задыхаясь от волнения, сказала Анна Николаевна.— Купчая еще не состоялась. Это наш дом!

Ашот ГАРНАКЕРЬЯН

Дождь

Почернели леса,
В листопадном чаду отпылали,
И глядят погорельцами
В темные, смутные дали.
В полевом бездорожье
Над голой и мокрою пашней
Ворон кружит бесцельно...
Не день ли он ищет
вчерашний?
И быстрей, чем состав,
Расстояния рвущий на части,
Дождь идет, дождь идет,
Все окутав туманом ненастья.
Дождь идет. Дождь идет.
Ты чего, мое сердце, боишься?
Этих далей пустых,
Этой мертвой недвижности
листьев,
Этих красок, лишенных сиянья
И яркого света?
Ты чего, мое сердце, молчишь?
Я не слышу, не слышу ответа.
Дождь идет, дождь идет,
Ну и пусть себе хлещет без
меры!
Он пройдет, будет радуга,
Я живу колдовством этой веры.

В поисках эдельвейса

Спущусь по диким кручам вниз,
В долину с поднебесия.
Швейцарией зовут Архыз,
Хоть здесь земля Черкесии.
Вновь подымусь под облака,
Увижу в небе омуты.
Архыз, Архыз, твои снега
Еще никем не тронуты.
Они встают передо мной,
Волнуют далью близкой.
Загадочной голубизной
Слепит ледник Софийский.
Нехоженый сосновый лес
Тревожат только птицы.
Растет на склоне эдельвейс,
Но как к нему пробиться?
Как этот мне сорвать цветок—
Редчайший дар Кавказа?
Здесь нужен яростный бросок,
Прыжок и ловкость барса.
Тропа опасна и крута,
Над бездной лезть придется...
В искусстве тоже высота,
В искусстве тоже красота,
В искусстве тоже чистота
Не так легко дается.

Гроза в горах

Гром в горах рычит, как
леопард,
В бешенстве не знающий
пощады.
Дождь уже вошел в такой
азарт,
Что темным-темны хребтов
громады.
Будто не пройдет он никогда,
Будто с неба обручи слетели,
Бочки все рассохлись, и вода
Хлынула в зияющие щели.
На́сквозь весь промокший, до
костей,
Я стою под высверками молний.
Не скрываю радости своей,
Не спасаюсь от стихии вольной.
Стало яростней кипенье рек,
В чистых струях выкупались
листья...
Это ты меня, двадцатый век,
Приучил к такой бурлящей
жизни.
Град простреливает каждый
куст,
Горный лес похож на поле боя.
Пусть гроза бушует, буря пусть,
Я боюсь, как Лермонтов, покоя.

* * *

Пронзив зигзагами огня
Густую синеву,
То вверх взлетают светляки,
То падают в траву,
То озарят зеленый куст,
То лепестки цветов.
И так становится легко
От этих светляков!
Рассвет. Как будто край небес
Внезапно подожгли.
Прохладой веет от большой
И ласковой земли.
Здесь снег вершин, тумана синь,
Здесь водопадов рокот.
Хребты молчание хранят,
Зато гремят потоки.
Молчит Эльбрус, молчит
Казбек,
Машук с Бештау тоже,
Лишь беспокойная река
Молчать никак не может.
Неугомонная, шумит,
Куда-то вдаль несется,
Разбрызгивает жемчуга,
Пронизанные солнцем.
Я нетерпению учусь
У горного потока,
А сдержанности — у хребтов,
Молчащих одиноко.

Тем, кто сомневается

Подвергнуть можно все
сомнениям,
И в сердце станет горько,
пусто.
Я верю первым впечатлениям,
Где над рассудком властно
чувство.
К чему рентгеновские снимки,
Чужих сердец кардиограммы?
Нужна мне розовая дымка
Над будничными облаками.
Пусть в нудной трезвости
другие
Жизнь оперируют с усмешкой.
Нет, мне нужна не хирургия,—
Реальность с чудом
вперемежку.
Завидна точность математика:
Он все переосмыслит числами.
Но и ему нужна романтика,
Чтобы в простор летать
немыслимый.
А приземленность что?
Бессилие
В родстве с душевной нищетою.
Я за стремительные крылья,
Что подымают над землею.

НА СЕВЕРЕ ДАЛЬНЕМ

У каждого писателя есть своя тема. Была она и у Андрея Калинченко. «...Север стал моей родной стихией...—признавался он.— Мне пришлось совершить много путешествий на Камчатку и Курильские острова, несколько лет жить и работать там. Особенно запомнилась мне поездка к оленеводам. Она решила мою писательскую судьбу...»

Мечта написать роман о людях советского Крайнего Севера возникла, как мы узнаем из первых страниц книги, еще в пору, когда автор, будучи студентом, слушал в Москве речь Ленина. Владимир Ильич рассказывал о своей беседе с американцем Вандерлипом. Тот уговаривал продать Камчатку. «Ведь Камчатка — это так далеко!.. Там невероятные морозы, пурга света божьего не видно! Ведь там живут дикари! Какой же там социализм?!» Ленин, пишет автор романа, иронически улыбался: «Значит, вы полагаете, что построение социализма зависит от климатических условий и его можно строить только в теплом климате?»

Уже тогда, возвращаясь с собрания, автор, думая о разговоре Ленина с Вандерлипом, ощутил необходимость написать книгу о том, как социализм завоевывал и наш далекий север, как его «теплое течение» достигло Камчатки, обогрело и преобразило ее.

Первая часть романа, «Полярная звезда», появилась в 1956 году. Повествование велось от имени бывшего партизана камчадала Ичалова. Двенадцать зарубок-меток, сделанных на его палочке-пасхале,— это двенадцать правдивых рассказов о гражданской войне в тундре. Вторая часть, «Железный олень», была окончена писателем около двух лет назад, в последние дни его жизни. Герои партизанского отряда «Полярная звезда» создали первый оленеводческий колхоз «Полярная звезда». В тундру пришел трактор — «железный олень». Это о нем радостно пела девушка: «Ты, Железный олень, спас нам табун. Олени сыты и здоровы, важенки телятся, и телки здоровы!.. Слава тебе, первый телок! Слава тебе, Железный олень!..» Бывший пастух и партизан Вагал становится секретарем райкома партии, а многострадальная и отважная Оклана — председателем колхоза.

Книгу предваряет содержательное предисловие Д. Романенко. В нем верно сказано о «Железном олене»: «Произведение, написанное взволнованно и достоверно, расширяет наши познания о стране, о народах, живущих на ее просторах, о преобразованиях, которые происходят и будут происходить в будущем».

В этом-то и ценность романа Андрея Калинченко, изданного сейчас «Советским писателем».

С. ТРЕГУБ

Андрей Калинченко. Железный олень. Роман. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1962. 403 стр.

В т... не

Ну вот мы и дома! — то ли самому себе, то ли нам, соседям, радостно сообщает сидящий в кресле напротив англичанин, когда самолет приземляется в Гонконге. На лице его выражение умиротворенности: наконец-то утомительное путешествие завершено.

На перроне аэропорта англичанина встречают пунцовые от волнения, но очень сдержанные дамы, приличные голенастые мальчики с тщательными проборами. Над зданием аэропорта развевается перекрещенный полосами британский флаг. Юго-восточное побережье Китая. Гонконг. Британский город за тысячи и тысячи миль от берегов Британии. Кусок китайской земли, захваченной более ста лет назад. Наш англичанин «дома».

В зале пограничного контроля его паспорт оформляют за несколько секунд, словно он просто задержался у светофора, переходя в Лондоне с одной улицы на другую. Уже с порога он делает прощальный жест рукой: «Я надеюсь, что вы приятно проведете дни в нашем городе!» И, уходя, оставляет нам на память улыбку, как визитную карточку доброжелательного человека. Дамы и мальчики вслед за ним, как по команде, тоже ради нас на мгновение вежливо растягивают губы.

Рука молчаливого человека с лицом, застрахованным от эмоций, опускает на странички наших паспортов тяжелый медный штамп, и тяжелые, как медь, слова продавливают бумагу: «Сорок восемь часов». Это значит, что ровно через двое суток начиная с этой секунды мы должны выбыть из города куда угодно.

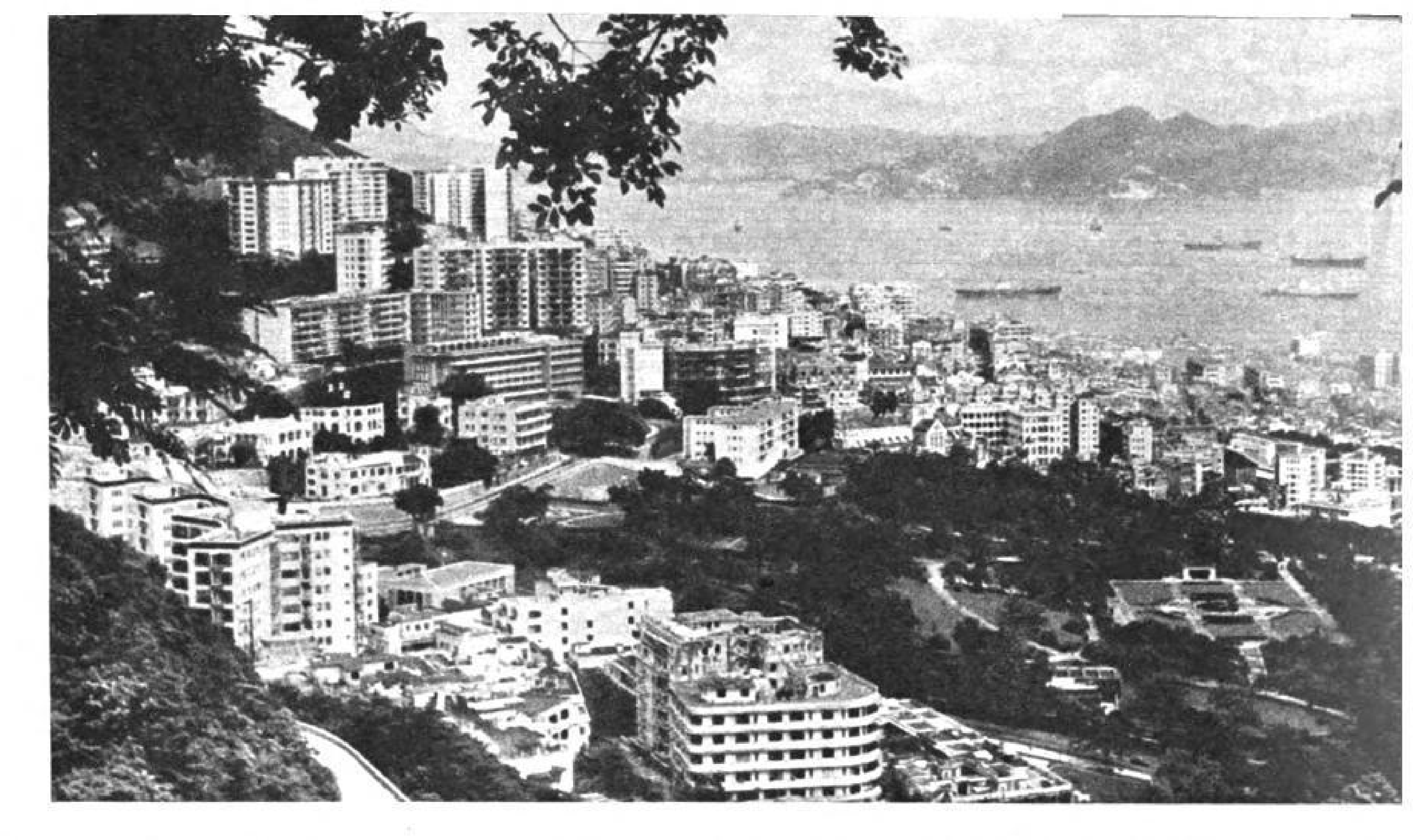
Нам больше и не нужно. Новый, незнакомый город. Безоблачный день. Рядом ласкающее прохладное море, и в его волнах солнце сияет миллионом улыбок.

— В какой гостинице вы желаете остановиться? — спрашивают нас при выходе.

Шарим глазами по пестрой от

Л. ПОЧИВАЛОВ

ени

Гонконг.

Фото автора.

боскребов

реклам стене и, вероятно, по приятному сходству произносим название отеля: «Миру Мар». И вот какой-то чистенький, ласковый господин, тут же признавшись нам в любви от имени «Миру Мар», гордо ведет нас к машине сквозь строй агентов-неудачников из других отелей, которым не удалось заполучить постояльцев.

Шофер — китаец. По собственному побуждению (а может быть, так требуют хозяева отеля) он всю дорогу объясняет:

— ...Сейчас мы с вами едем по кварталам Коулуна. Коулун — это материковая часть Гонконга... Гонконг — один из красивейших и богатейших городов Азии. Гонконг известен тем, что здесь очень низкие цены...

Голос его звучит монотонно, как рокот моторов нашего автомобиля, который, не торопясь, катит по широким улицам.

— Извините меня за примитивный английский язык, джентльмены! — говорит шофер, когда мы останавливаемся на перекрестке.— Я учу! Каждый вечер сижу с учебниками.

После некоторой паузы продолжает доверительно:

— Ведь от знания языка тоже зависит, сколько приплатят тебе пассажиры дополнительно за объяснения. Не так ли?

— О, да! — соглашаемся мы.

Когда подъезжаем к отелю, шофер торопливо выскакивает из машины и с улыбкой открывает перед нами дверь.

— Понравился ли вам Гонконг, сэр? А вам, сэр? Конечно, он не так красив, как Лондон, но...

Мне кажется, его взгляд вслед за моей рукой змейкой вползает в карман, где лежат деньги.

— Благодарю вас, сэр! — Теперь его глаза скромно опущены долу, словно он услышал комплимент.

Из Коулуна мы переправляемся через пролив на остров на быстроходном пароме. Там, на острове, и находится, собственно, настоящий Гонконг. Мы проходим мимо торговых кораблей, ожидающих разгрузки, мимо стоящего поодаль английского крейсера, тяжелой стальной громадины, напоминающей утюг, забытый в серых складках волн. На той стороне большой город. Говорят, со стороны пролива он похож на Нью-Йорк. Дома-небоскребы расставлены вдоль берега, как нарядные коробки на прилавке магазина. Кажется, город построили не для жилья, а выставили напоказ: смотрите, мол, какой он красивый, богатый, благополучный. Озаренный сверху тропическим солнцем, подсвеченный снизу зеркалом воды, с тылу оттененный зеленым бархатом лесистого горного склона, он и вправду кажется издали обетованной землей, гриновским Зурбаганом, городом улыбок.

Мы вступаем на его набережную как первооткрыватели, готовые удивляться. Мы неторопливо шагаем по сверкающему чистотой, словно больничный кафель, асфальту улиц, вдоль подножий небоскребов с величественными, как триумфальные арки, подъездами, с водопадом стекла вместо стен, за которыми густеет синевой кондиционированный полумрак. Мимо нас, шурша шинами, как барышни юбками, неторопливо катятся последних моделей автомашины. Зеленые лоскутики скверов с цветниками и пальмами вносят в этот строгий мир стекла и камня веселую пестроту. Красив Гонконг! А когда поднимаешься на фуникулере на вершину горы,— глаз не оторвешь. Внизу город, берега не видно, и чудится, будто все эти башни-небоскребы поднялись со дна, такие чистые, умытые, и в каждом окошке — по синей капельке моря.

Мы находим удобную площадку и хватаемся за фотоаппараты.

— Сэр! — слышу я за спиной.

Стоит рядом со мной седой человек и неуверенно протягивает картонную коробочку.

— Сэр! Купите диапозитивы. Прекрасные виды Гонконга. Только три доллара.

— Спасибо. Мне не нужно.

Я прицеливаюсь из фотоаппарата на город, но длинная тень человека ложится передо мной на асфальт, забрызганный солнечными бликами. Тень протягивает руку.

— Сэр... купите... Прошу вас! Рука не товар предлагает — просит. В тонких пальцах китайца зажата коробочка.

Я купил. Когда вернулся домой и пригласил друзей, они ахали перед экраном. Какая красота! А я вспоминал смуглую руку, которая просила за эту красоту всего три гонконгских доллара. Ведь Гонконг — дешевый город...

Среди диапозитивов есть один. В заливе у подножия города тысячи и тысячи крохотных лодок-джонок. Лучшая кодаковская цветная фотопленка насытила снимок южным колоритом красок, а фотограф ловко преподнес зрителю джонки, как кучу экзотических сувениров на голубом блюдечке залива.

Я видел эти джонки вблизи. У подошв города небоскребов они напоминают толпу нищих возле богатого дома. Робко подражая городскому порядку, джонки выстроились длинными рядами, образуя на воде улицы и переулки. Пять метров в длину, два в ширину, тростниковый навес от солнца и дождя, кривоногие, не привыкшие к ходьбе дети, виснувшие на бортах, коптящие печурки на корме, на реях, как полинявшие флаги, сохнущее белье... Это и есть джонки. Здесь первый крик новорожденного, здесь прощальный вздох уходящего в плавание, в последнее плавание по Реке Вечности, где вместо джонок обещаны золотые челны с серебряными колокольчиками. Тяжелый трущобный чад вытеснил из залива запах моря. Плавающие кварталы Гонконга, где нет мраморных подъездов! Этим кварталам не нашлось места в городе. Город их выплеснул в море, как мусор со своих чистых, будто больничные коридоры, магистралей. Небоскребы на берегу так высоки, что они и не замечают у своих ног придавленную к воде жизнь, которая не хочет тонуть.

Мы возвращаемся в Коулун на пароме после захода солнца. Город на острове зажег огни. Он засиял так ослепительно ярко, будто мохнатое южное солнце спряталось не за скалами, а улеглось спать где-то в чреве самого города, осветив его изнутри.

В городе мы заходим в ресторанчик, который привлекает нас своей рекламой. Реклама сообщает, что здесь подают русские блюда. Но ресторан почему-то называется «Кайзер». «Русский» рассольник обжигал рот жгучим перцем, а «пельмени» были похожи на большие размокшие пироги.

Заказ у нас принимал сам метрдотель, почтенный, похожий на китайского мудреца старик с лысой лобастой головой и жидкой бородкой. Слушая нас, он почтительно склонял голову набок и после каждого названного нами блюда говорил: «Благодарю»!

Когда старик собрался уходить с заказом, он добавил в заключение свое неизменное:

— Благодарю вас, сэр.

— Благодарю вас, сэр! — ответил и я.

Старик поднял на меня удивленные глаза и поклонился.

Белобрысый парень, сидевший с девушкой за соседним столом, часто поглядывал на нас, прислушиваясь к нашей речи.

— Вы русские? — спросил вдруг с улыбкой.— Из России?

— Да.

— А у меня мать тоже русская. Только из Австралии.

И принялся объяснять, как его дед оказался в Австралии.

Когда мы уходили, он самодовольно заметил:

— Я сразу понял, что вы недавно из России. Видите ли, у нас не принято так разговаривать с прислугой!

...На площади в своих колясках дремлют рикши. Они быстро поднимают головы, услышав наши шаги...

На перекрестках в дрожащем свете реклам, словно призраки, одинокие женщины ловят взгляды проходящих мужчин.

— Гуд ивнинг, сэр!

И так от площади к площади, от перекрестка к перекрестку, как усталый вздох, как жалоба ночного города:

— Гуд ивнинг, сэр! Гуд ивнинг...

Оживленна в солнечные дни Карл-Маркс-аллея.

Бранденбургские ворота. За ними проходит граница, отделяющая столицу Германской Демократической Республики от Западного Берлина.

ПО БЕРЛИНУ С ФОТОКАМЕРОЙ

А. ГОЛИКОВ, Ю. КРИВОНОСОВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Пусть они не узнают войны.

На полную мощность работают промышленные предприятия. Эти девушки трудятся на заводе телевизионной электроники, в цехе, где экранируются кинескопы. Продукция завода пользуется большим спросом за границей.

Идут занятия в лаборатории физической химии университета имени Гумбольдта. Здесь учатся

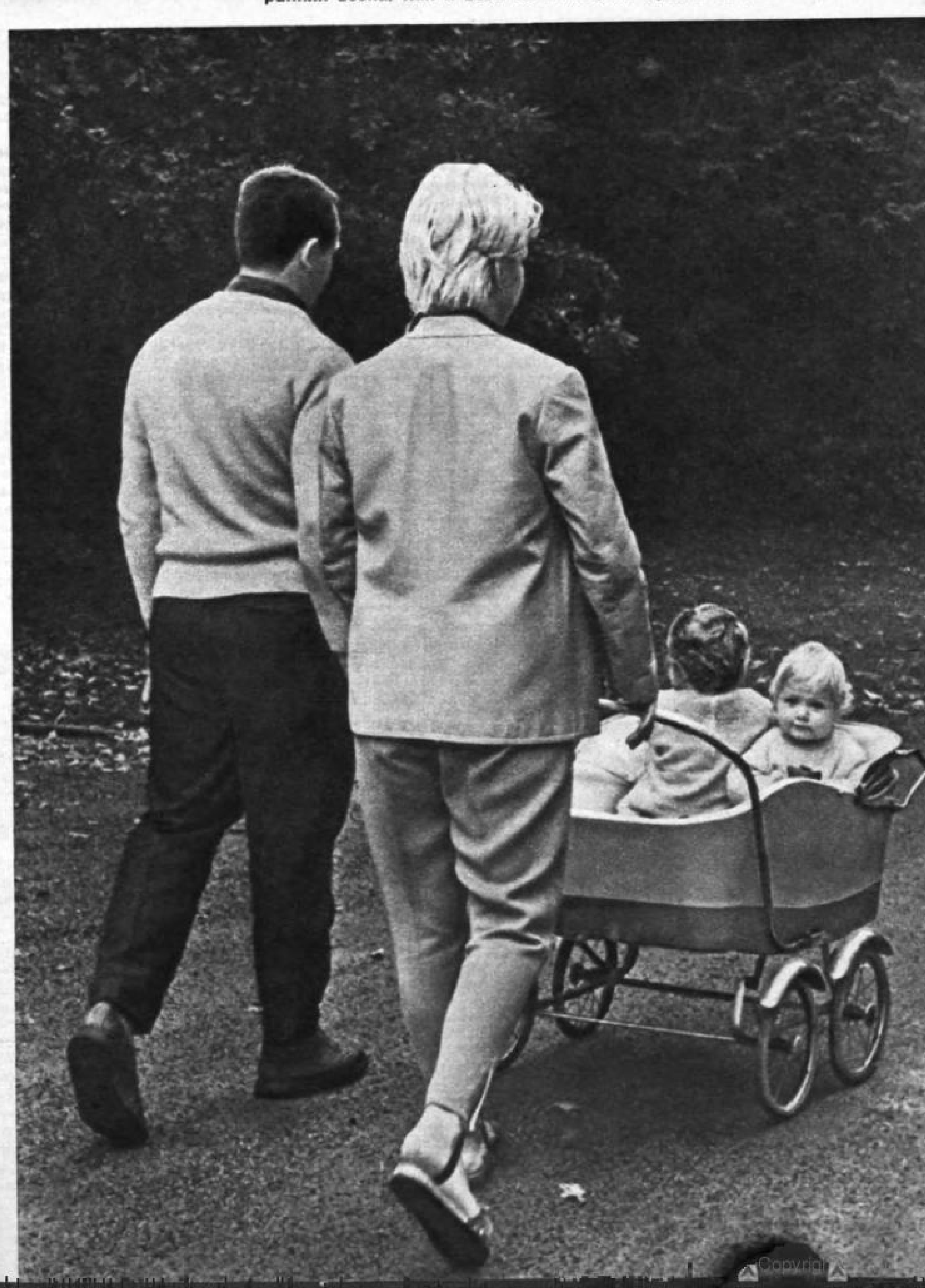

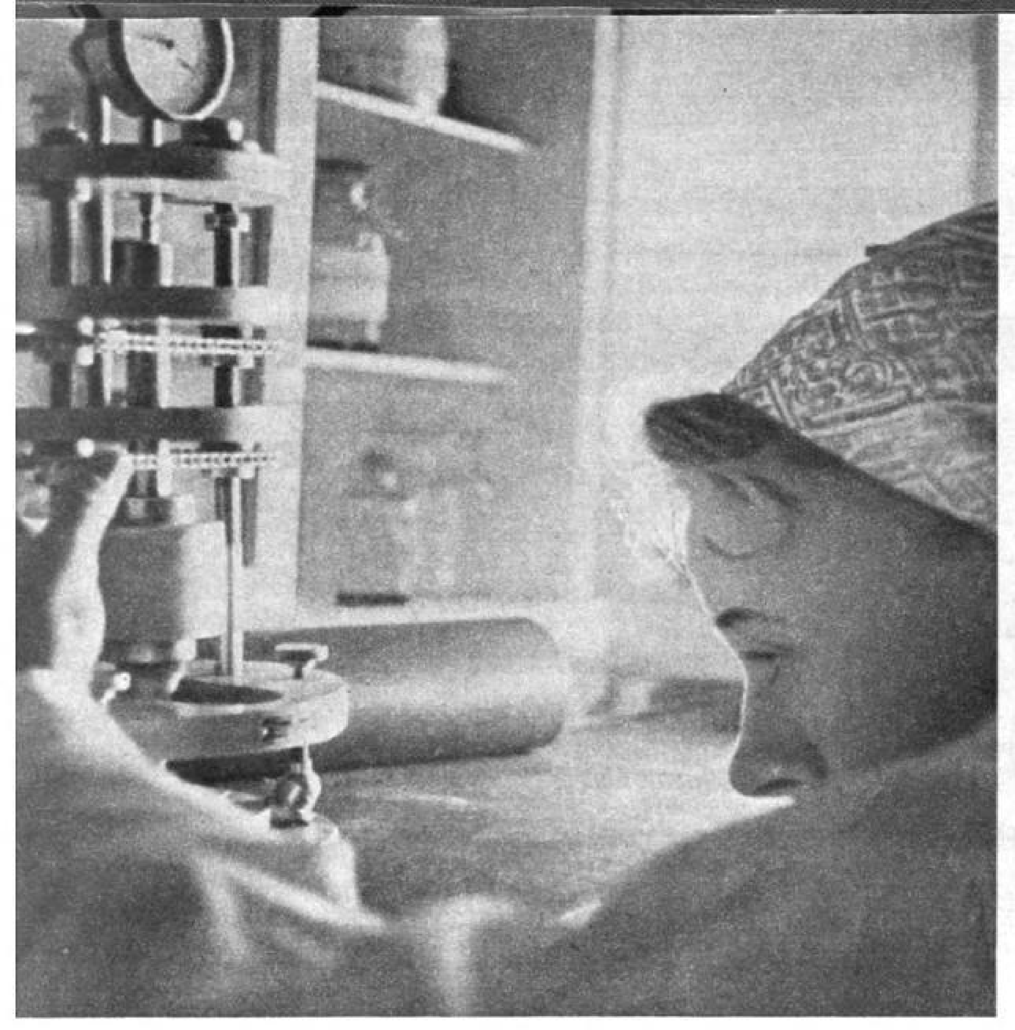
одиннадцать тысяч студентов. Среди них представители тридцати зарубежных стран.

Эта скульптура — изображение скорбящей матери. Она стоит в Трептов-парке, где похоронены пять тысяч советских воинов, отдавших жизнь в борьбе с фашизмом.

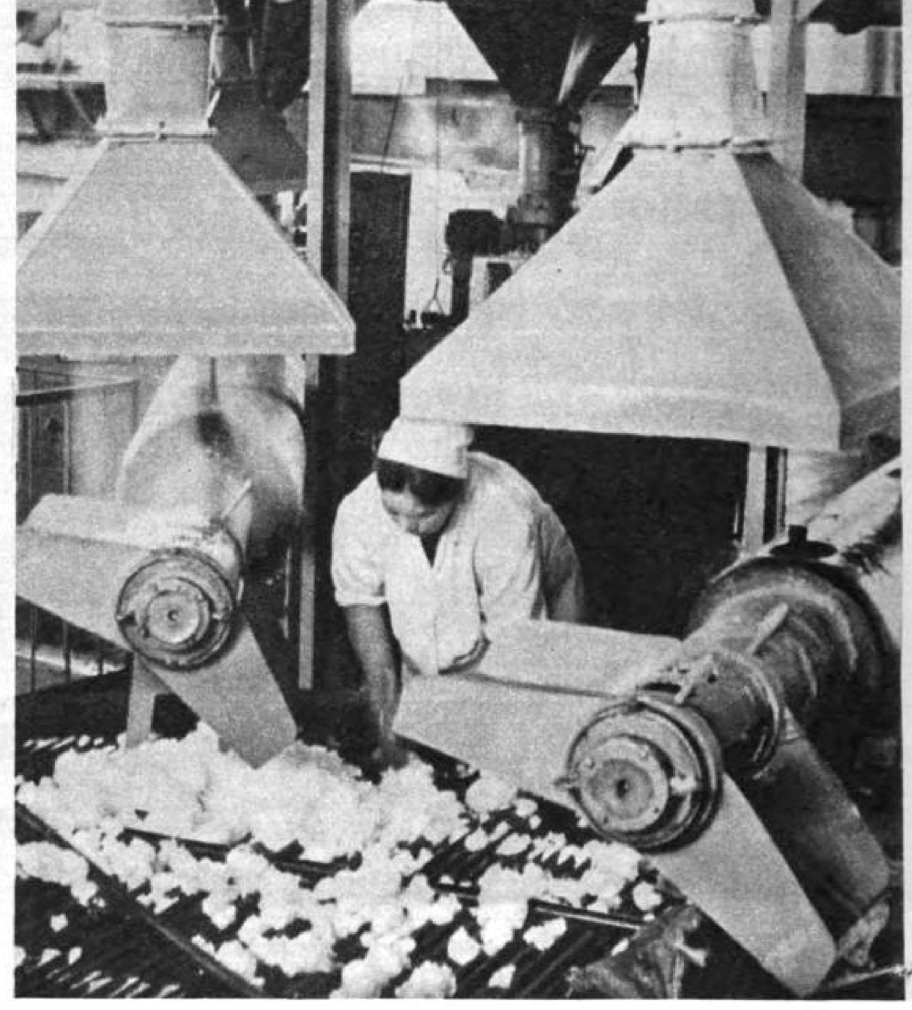

Глубокая осень, но в жизни этой юной берлинской семьи ранняя весна. Как и всем на земле, им нужны мир и счастье.

Инженер-технолог Н. В. Гайдарова работает у прибора, который определяет твердость и упругость линолеума.

В цехе по изготовлению теплозвукоизоляционного материала.

ВТОР

Как только не называют наш век!

И век машин, и атомный век, и космический... Реже — век химии. А ведь титул этот наше время может носить с полным правом. Если вести разговор о химии, то, пожалуй, прежде всего о пластмассах.

Мы уже не можем себе представить гребень, сделанный из дерева, мыльницу из стекла, авторучку из... Да, а из чего же делали авторучки? Вероятно, они появились на свет одновременно с пластмассами.

Многое можно заменить пластмассой.

Дерево — можно; металл — можно; стекло — тоже; ткань — сколько угодно!

И вот в нашем воображении предстает целый пластмассовый мир: дома, и куклы, машины и погремушки, дороги, корабли, авторучки.

Александр Сергеевич Быков, главный инженер Мытищинского комбината строительных пластмасс, показывает толстенную белую плиту, перегородившую весь кабинет.

И вдруг легко поднимает махину, крутит над головой и снова прислоняет ее к стене. Это тоже пластмасса.

Но лучше все по порядку.

...Шел 1929 год. И не было никакого комбината — был небольшой кирпичный заводик. Давал он свои полмиллиона кирпичей строящейся Москве, и все были довольны.

Прошло 30 лет. С конвейера сошел последний силикатный кирпич. Это был праздник. Коллектив праздновал рождение нового, первого в стране комбината строительных пластмасс.

Лет пять назад кирпич, этот незаменимый, испытанный веками друг строителей, встретил неожиданных конкурентов — железобетонные панели и блоки. Они были выгоднее. Они оказались сильнее кирпича. И дни его были сочтены. А ученые уже искали все новые и новые, более экономичные материалы. Тогда на заводе и создалась инициативная группа.

Во главе энтузиастов стал опытнейший строитель, директор завода Г. И. Зохин, один из пионеров советской строительной керамики.

В каком же направлении искать? С 1949 года на заводе в положении пасынка существовал линолеумный цех, маленький, с полукустарными методами производства, еле-еле дававший в год полмиллиона метров рулонного линолеума.

Может быть, именно он и натолкнул на мысль: синтетика! Правильность этого курса подтвердил майский Пленум ЦК КПСС, наметивший программу развития химии и поставивший задачу использования синтетических материалов в народном хозяйстве.

Новое, как всегда, рождалось в борьбе. Трудно было и в мелочах и в главном. Начинать приходилось на пустом месте. Не было оборудования — его придумывали, приспосабливали старое, не было сырья — его выискивали, нужны были знания — учились! Нашлись помощники. При комбинате организовали свои филиалы научно-исследовательские институты железобетона, стекловолокна, новых строительных материалов.

Кому не приходилось слышать такие разговоры:

— Ну что это за стены в новых домах? Чихнуть нельзя — за два этажа слышно! Вот раньше жили... Стены толстые — пушкой не прошибешь, тепло и тихо.

А нельзя ли совместить тонкие дешевые стены и теплозвуконепроницаемость? Оказалось, можно. Так появился полистирольный пенопласт. Один сантиметр его обеспечивает такую же теплозвукоизоляцию, как слой из двух тяжелых, дорогих кирпичей. А кубический метр пенопласта весит всего лишь 20 килограммов.

Подумали и о материале для пола. От паркета и керамической плитки решили отказаться — дорого и хлопотно.

Архитекторы сказали: дайте линолеум. Разных расцветок, рулонный и плиточный. Красиво. Выгодно. Из одной тонны поливинилхлоридных смол комбинат делает 750 квадратных метров линолеума любой, по желанию заказчика, расцветки. А ведь это значит, что можно заменить 100 кубических метров древесины ценных пород, из которой при распиловке 50 процентов выбрасывается на ветер. Судите сами.

Обыкновенные дверные ручки... Они так и просятся в руки — яркие и веселые. К тому же вот такая новая ручка в 4 раза дешевле металлической.

На выпуске только этой «мелочи» комбинат уже сэкономил более двух с половиной миллионов рублей государственных денег.

Скажут спасибо комбинату и овощеводы Севера и курортники Черноморья. И тем и другим очень кстати придется стеклошифер. Кровля из этого удивительного материала в отличие от стекла свободно пропускает ультрафиолетовые лучи. Покройте парники им — быстрее созреют овощи, сделайте стенки санаторных террас из стеклошифера — вы можете загорать даже в прохладную погоду.

Дома из пластмасс — это замечательно.

А что можно сделать для тех, кто постоянно в пути? Для чабанов, геологов, оленеводов, полярников...

Выступая весной 1961 года на совещании передовиков сельского хозяйства в Алма-Ате, Н. С. Хрущев призвал химиков создать удобные жилища для чабанов из синтетических материалов. Комбинат совместно с научно-исследовательскими институтами взялся за разработку проекта.

И новая, пластмассовая юрта была сделана.

Легкая, приятного цвета, она не ломается под сильным ветром, надежно защищает зимой от холода, осенью от дождя, летом от жары. В юрте уютно: переплет каркаса из стеклопластиковых труб, ковровые стены, выдвижные окна из органического стекла. Над головой — купол с откидывающимся клапаном, под ногами — устланный полиэтиленовым пластиком пол. Даже печка, и та есть в новой юрте. Словом, настоящее детище современной химии!

— Вот смотрите,— показывают нам в плановом отделе распухшую папку,— впору открывать отдел писем. Пишут узбеки и киргизы, ненцы и калмыки, казахские и монгольские чабаны: «Дайте юрту!» И не только как «жилплощадь» нужна юрта. Министерство культуры РСФСР считает, что юрты должны служить передвижными клубами.

Выполняя правительственное задание, комбинат начал массовое производство юрт. Уже празднуют новоселье в казахстанских степях, получили опытные образцы полярники. Будут юрты!

Над столом директора комбината гигантская, во всю стену карта. Карта настоящего и будущего.

Серый цвет — это то, что есть. Красный — то, что будет. Серых кубиков (действующие цеха) меньше, чем красных, заполнивших всю карту. Но будущее уже началось. Перекрывая гул цехов, надсадно ревут мощные самосвалы, все глубже вгрызаются в землю вспотевшие от осеннего дождя челюсти экскаваторов.

Котлованы, перекрытия, строительные леса...

Вдесятеро увеличив производственные мощности, комбинат к концу семилетки станет крупнейшим в Европе предприятием по выпуску строительной синтетики.

М. ЛАВРИК,
студент факультета журналистики МГУ

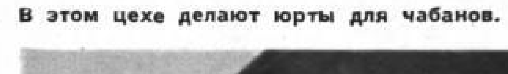
Легко поднимает Тамара Карнаухова трехметровую плиту из стиропора.

Фото А. ГОСТЕВА.

ОЕ РОЖДЕНИЕ

Обработка полистирола для ручек.

В этом цехе делают юрты для чабанов.

Сборщица ручек Тамара Цебровская.

Литературное обозрение: **октябрь—ноябрь**

ДЕНЬ НЫНЕШНИЙ, ДЕНЬ ВЧЕРАШНИЙ

А. МАКАРОВ

Октябрь... Ноябрь... Страдная пора завершения годовых планов сказывается и на облике литературных журналов. Худеют на глазах отделы критики. Их вытесняет проза, как обычно, к концу года зримо и весомо утверждающая свою ведущую роль.

В «Знамени» закончен роман Д. Гранина «Иду на грозу». В «Октябре» — роман В. Очеретина «Сирена». В «Юности» — приключенческая повесть Н. Панова «Голубое и черное». «Звезда» спешит опубликовать новый роман Эльмара Грина «В стране Ивана». «Нева» и «Москва» в десятых книжках, правда, обошлись без романов, но в каждой напечатали по две повести: «Нева» — «Когда человек любит» В. Инфантьева и «Чужие близнецы» Н. Дементьева, «Москва» — «Радость» Б. Зубавина и «Новый сосед» Норы Адамян.

«Новый мир» в десятой книжке опубликовал очерк Е. Дороша, окончание интереснейших «Записей давних лет» И. Соколова-Микитова и повесть В. Каверина «Косой дождь». В одиннадцатой — повесть А. Солженицына, начало очерка В. Некрасова «По обе стороны океана», большой рассказ Александры Бруштейн «Простая операция».

Но ведь и журналы с романами не обходятся без такого распространенного ныне жанра, как повесть. В десятой книжке «Знамени» — «День летящий» В. Кожевникова. В десятом «Октябре» — целых две: «Жив человек» В. Максимова и «Чистые дубравы» Г. Метельского, а в одиннадцатом — начало повести А. Чаковского «Свет далекой звезды». В «Юности» — повесть В. Краковского «Письма Саши Бунина», начало повести Агнии Кузнецовой «Много на земле дорог».

А тут еще рассказы, публицистика. И стихи, стихи! И опять, как нарочно, заманчивые: не песнопения, а серьезные раздумья над днем нынешним и днем вчерашним. Философские размышления Аркадия Кулешова о смысле существования поэта и человека. Гимны Человеку и утру нового дня так полюбившегося читателю Эдуардаса Межелайтиса. Это в «Новом мире». Тринадцать лирических стихотворений Степана Щипачева и оригинальная книжка «Однажды завтра» Семена Кирсанова, написанная с характерным для поэта неостывающим поисковым жаром. Это в «Знамени». Полемический разговор Е. Долматовского о своем поколении с теми, кто несправедливо судит о нем,— в «Октябре». Из новой книги «Стихи с дороги» Александра Прокофьева — в «Звезде». Подборки стихов молодых в «Октябре» и в «Юности». Страницы журналов стали как бы ареной соревнования писателей старшего и молодого поколений в освещении насущных проблем народной жизни.

Перебираешь в памяти сотни прочитанных страниц (а их наберется более двух тысяч) и видишь, что они довольно плотны. Среди десятков произведений почти нет таких, о которых с легким сердцем мог бы сказать: знаете, друг-читатель, я их прочел, «чтоб вам сказать, что их не надобно читать». И совсем мало таких, о которых не хотелось бы молвить доброго слова. В них острее чувствуешь, если так можно выразиться, нерв сегодняшнего дня, дня, что один из авторов назвал в заглавии своей повести **днем летящим.**

* * *

Неповторимые черты этого дня, полного контрастов, наступательной борьбы, дерзкой творческой мысли, многосторонне отображены в романе Даниила Гранина «Иду на грозу». Роман этот, написанный с гражданской страстью,— одна из самых значительных книг года. Художественно роман неровен, но давно известно, что интерес беллетристического произведения не исчерпывается художественной стороной. Выбор явлений, позиция автора, его отношение к явлениям играют далеко не последнюю роль.

Интерес к роману Гранина пробуждается прежде всего тем, что автор изображает среду, которая в последние десятилетия привлекает все большее внимание. Герои романа — ученые-физики. Людей этих Гранин и хорошо знает, и любит, и вообще своим новым романом он подтвердил, что среда технической и научной интеллигенции подвластна его перу более, чем какая-либо другая.

Не каждый читатель, может быть, разберется в тех специальных проблемах, которые волнуют героев, занимающихся исследованием природы гроз, но, думается, каждый почувствует романтику и напряжение научного поиска и труда ученого.

Однако наш интерес к роману исчерпался бы простым любопытством, если бы автор поразил нас только изображением малознакомой среды. В характерах героев, в их взаимоотношениях отразились типы времени; в романе подняты те морально-этические проблемы, которые стоят на повестке дня в связи с окончательной ликвидацией последствий культа личности. Автор занимает непримиримую позицию в отношении ко лжи, обману, показной шумихе, невежеству и шкурничеству, душевной трусости и отступничеству, карьеризму и подлости — всему тому, что могло процветать в тех условиях, что нами осуждено, но с чем еще не покончено в жизни. История травли талантливого ученого Данкевича наглым очковтирателем Денисовым с ее трагическим концом свидетельствует об этом.

Гранин стремится одновременно и к обобщению явлений и к тому, чтобы вобрать, запечатлеть все своеобразие, все признаки сегодняшнего дня. И этим объясняется неровность формы: страницы, впечатляющие своей живописностью, сменяются открыто публицистическими, впрочем, не менее впечатляющими, чему способствует нервный, эмоциональный слог автора, умеющего быть и гневным, и остроумным, и ироничным, а также и страницами просто вялыми, как только речь заходит о частной жизни героев и их любовных связях.

Иной мир — мир сельской жизни—изображен Ефимом Дорошем в его «Райгороде в феврале» («Новый мир» № 10). Вещь эта является новой главой уже известного читателю «Деревенского дневника». Она невелика по объему, но богата содержанием. По форме это как бы заметки, картинки, рассказы о встречах, но за каждой такой картинкой и встречей — продуманная, выношенная, я бы сказал, выстраданная мысль, касающаяся людских судеб и современного положения сельского хозяйства.

В Райгороде нетрудно узнать один из старинных русских городов — сегодняшний центр сельского района средней полосы России. Около десятилетия писатель постоянно и внимательно следит за теми изменениями, которые вызваны в экономической жизни этого района и в крестьянском быту начиная с 1953 года, за теми благодетельными процессами, что происходят в нашей общественной жизни.

Дорош пишет правдиво, с глубоким знанием предмета, а вопросы, поднимаемые им, заслуживают внимания и обдумывания. По некоторым признакам можно догадаться, что глава «Райгород в феврале» предшествует опубликованному автором ранее «Сухому лету», и самые записи относятся не к последним годам. Как и в романе Гранина, в очерке Дороша живо ощущаешь атмосферу времени великих перемен. Это время настоятельно требует расстаться со старыми методами руководства людьми и хозяйством, теми методами, когда, к примеру, одному из героев очерка, секретарю райкома, сменяющему председателей помимо и вопреки желанию колхозников, «и в голову не приходит, что в нем самом мало что изменилось, разве что исчезло ожидание жестокой расправы за вольную или невольную ошибку». Читая вещь Дороша, как бы и сам испытываешь чувство мучительной тоски «по некоей определенности, основательности», по которой истосковались его ужбольские мужики и бабы, у которых то и дело меняли председателей. Из многих вопросов, поднятых писателем, хочется особо выделить вопрос о внимании к рядовому колхознику, на плечи которого ложится основная тяжесть самого неброского и самого тяжелого труда в поле, на разных обслуживающих работах.

Такова Соня из Ужбола, женщина нелегкой личной судьбы, чей портрет обрисован писателем с такой пластичностью и так любовно. Вообще мастерством портрета Дорош владеет в совершенстве. Он умеет передать и повадку человека и его речь, по-крестьянски меткую, образную. «Райгород в феврале» доставляет в чтении эстетическое наслаждение. На языке писателя благотворно и ощутимо сказалось речевое влияние той среды, которую он изображает. Читая «Райгород», невольно думаешь: до чего же ты хороша, русская литературная, вырастающая из народной почвы речь, какой неизмеримой емкостью и впечатляющей силой обладаешь ты! Манере Дороша свойственна спокойная, рассудительная интонация, он как бы доверительно делится с читателем своими наблюдениями, предположениями и раздумьями.

Совершенно в ином ключе написана повесть В. Кожевникова «День летящий» (об этой повести журнал «Огонек» писал в № 44).

В. Нечитайло. УТРО.

Если повесть «День летящий» в своей лирической и повествовательной ткани содержит контрастное противопоставление дня вчерашнего и дня нынешнего, то повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» («Новый мир» № 11) воспроизводит средствами реалистического повествования ту сторону вчерашнего дня, которой было омрачено развитие нашего общества в годы культа личности. На эту небольшую повесть автора, доселе в литературе неизвестного, единодушно откликнулась печать, в том числе и «Огонек» (см. № 49), не случайно выделив ее из общего потока новых произведений.

В прошлом были и тяжелейшие уроки, связанные с периодом культа личности, то, что не может и не должно повториться. Прошлое богато и великим опытом борьбы народа за будущее, когда в суровых испытаниях формировались и проявлялись черты советского человека.

Эта мысль пронизывает стихи цикла «Наши годы» Евг. Долматовского. Об опыте своего поколения поэт справедливо говорит:

Таких трагедий свет не ведал.
От них не спрячешься в тиши.
Но все хождение по бедам
Не зачеркнуло путь к победам
И чистой не сожгло души.

В условиях блокированного врагом Ленинграда происходит основное действие повести Николая Дементьева «Чужие близнецы». Яркому изображению трагедии блокадного быта здесь сопутствует тонкий психологический рисунок ее действующих лиц. Себялюбие и эгоизм неспособны выдержать страшные испытания. Только забота о другом, забота о более слабом, а не о себе, способна дать человеку силы, укрепить его волю, помочь выдержать крайние материальные лишения, перенести самые дорогие утраты. Дементьев нашел свое выражение этой мысли, заострив ее именно противопоставлением тщательно разработанных характеров. В то же время это одна из тех моральных истин, что добыта народным сердцем на вечные времена. У Николая Дементьева есть какая-то особая искренность и свежесть чувства, вызывающая душевное расположение к его рассказу о том, как в условиях, когда слабым духом казалось, что все человеческое навсегда уходит из жизни, израненное женское сердце раскрылось для любви и тепла к чужому парнишке, обездоленному войной. И очень жаль, что в конце повести автор вдруг перешел к прямому морализированию, давая устами юных персонажей оценку по поведению старшему поколению, которую читатель дал бы и сам сердцем, не облекая в форму назидательного поучения.

* * *

Наш обзор назван «День нынешний, день вчерашний», и, как видит читатель, автор обзора остановился лишь на тех произведениях, где, на его взгляд, наиболее ощутимо выразился революционный дух нынешнего дня, дня смелых преобразований, дня, непримиримо вскрывающего и отвергающего то, что стояло или еще стоит на пути к избранным вершинам, и бережно хранящего память о героическом сердечном опыте народа.

Стоит отметить и другие произведения, несомненно заслуживающие внимания читателя. В том числе примечательную повесть Владимира Максимова «Жив человек» («Октябрь» № 10), повесть о человеке особой судьбы, оказавшемся по обстоятельствам своей жизни вне общества, в преступном кругу. Эта маленькая повесть волнует авторской верой в человека, в душе которого добро способно победить «привитое зло». Молодой писатель нашел острую, емкую форму для выражения своего замысла. Сцены, рисующие жизненный путь Сергея Царева и его прежнее окружение, перемежаются сценами, изображающими его чувства и переживания среди хороших людей. Один из них жертвует собой ради спасения незнакомого ему человека. Повесть впечатляет и драматизмом в изображении нравственного перелома в душе Сергея Царева и полными света характерами советских людей. Глубокая человечность повести Максимова непосредственно связана с той подлинной заботой о людских судьбах, какой отмечен нынешний день.

А вот еще произведения, освещающие отдельные стороны сегодняшней жизни советского общества. Большой роман В. Очеретина «Сирена», а также несколько повестей о молодом поколении, в лицо которого нынче так пристально всматриваются писатели всех возрастов. Из них хотелось бы отметить «Радость» Бориса Зубавина—о хорошем пареньке, не способном ни к какому компромиссу с собственническим бытом.

И поскольку зашел разговор о художественных особенностях, я не могу пройти мимо еще одного произведения, хотя здесь и вторгаюсь на территорию последующего обозревателя. Это роман Эльмара Грина «В стране Ивана», начатый в десятой книжке «Звезды». Его герой, финн Аксель Турханен, когда-то воевавший против нашей страны, по воле случая попадает к нам. Турханен — человек нетороплипого ума, недоверчивый, но обладающий практическим здравым смыслом. В романе, пожалуй, нет такой страницы, которая читалась бы без улыбки и одновременно не побуждала с неожиданной точки зрения оценить благо советского строя или покраснеть при виде недостатков, которые в обыденной жизни вроде бы и примелькались.

Хорошо, когда литература стремится к разнообразию, сторонится иллюстративности и скуки. Еще лучше, когда она становится смелой и страстной. А именно эти черты большой смелости и страстности начинаешь различать в новых произведениях, появляющихся на страницах журналов, и в этом сказывается дух нынешнего дня, когда, говоря словами поэта:

Перемен бесповоротных
Неукротим победный ход.
В нем власть и воля душ
несчетных,
В нем страсть,
Что вдаль меня
зовет.

Закончился большой конно-спортивный сезон. Много раз брали старт и на отечественных и на зарубежных ипподромах наши жокеи и наездники. Журналист Ю. Арутюнян обратился к маршалу Советского Союза С. М. Буденному с просьбой рассказать читателям «Огонька» о наиболее интересных событиях сезона, о путях дальнейшего развития коневодства в нашей стране.

С. М. БУДЕННЫЙ,
маршал Советского Союза

ЖОКЕИ

портсменов-конников, к сожалению, не очень-то жалуют вниманием. А жаль! Они не имеют еще своего Валерия Брумеля, но из их среды выдвинулся и олимпийский чемпион Сергей Филатов, и талантливый жокей Николай Насибов, и такие гроссмейстеры ипподромной езды, как Иван Снетков, Павел Лыткин, Александр Рощин. Не могу не сказать и о способных спортсменах В. Федине из ДСО «Урожай», И. Авдееве, тренере 158-го конного завода Ростовской области, В. Прахове и Р. Макарове. Все они были победителями одного из самых трудных конноспортивных соревнований — Большого пардубицкого стипль-чеза в Чехословакии.

Мы можем быть вполне довольны победами наших наездников на ипподромах Швеции, Финляндии, Венгрии, ГДР, Голландии и в матче с командами Франции и Швеции в Москве. Из 26 встреч советские конники выиграли 18! Порадовали и жокеи. Участвуя в соревнованиях со спортсменами ГДР, Швеции, Норвегии и Чехословакии, они в 15 случаях из 29 выходили уверенными победителями.

За последние годы советское коннозаводство добилось заметных успехов. Я имею в виду работу наших лучших селекционеров, вырастивших таких великолепных скакунов, как Габой, Забег, Гарнир, Эпиграф, Заряд, Фланг, Задорный, Грифель, Эксперт и Иртыш.

Успехи наши в международных соревнованиях велики. Особенно большого успеха добился Николай Насибов, который на Забеге выиграл приз в скачке на «Вашингтонский интернациональный приз», на ипподроме в Лоурели (штат Мэриленд).

Успех Забега подтверждает, что в племенном деле в разумной мере надо использовать свежую кровь выдающихся зарубежных скакунов. Правильно поступили наши специалисты, купив в Англии 12 полуторагодовалых жеребцов. Такие из них, как Ливан, Дельфин, Гей-Вереног, Елец и другие, уже показали себя хорошими скакунами и, надо полагать, станут выдающимися производителями.

Но, разумеется, кроме этого нужна еще отличная кормовая база. Это хорошо поняли работники конных заводов РСФСР, разводящие лошадей чистокровных пород. И не случайно, конечно, их продукция много лучше, чем, скажем, продукция заводов того же направления в УССР.

И еще одно замечание. Мне, например, и, видимо, не только мне, до сих пор не понятно, зачем товарищам из управления конных заводов РСФСР нужно было покупать в Бельгии и Швеции лошадей-тяжеловозов. Неужто наш торийский Лухор, русский Раскат и советский Миномет, свободно везущие повозку с 10-тонным грузом, хуже зарубежных? К тому же, насколько мне известно, на лошадей таких пород спрос у нас с каждым годом сокращается.

Из чисто спортивных достижений конников хочется отметить успехи наших лучших жокеев, и в первую очередь достижения сильнейшего — Николая Насибова. Имя это теперь хорошо известно за рубежом, и в частности в США, где скачки особенно популярны. А выдержку и самообладание, проявленные Насибовым в скачке на «Вашингтонский интернациональный приз» в 1959 году, когда он лишь благодаря отчаянной смелости и находчивости избежал аварии, впору назвать спортивным подвигом. Громадным усилием воли Насибов не только удержался в седле, но и удержал своего Гарнира от падения. Спортсмен разбил себе щеку и нос. Но и обливаясь кровью, он продолжал скачку. И как! Его скакун, сделав огромный по силе и резвости бросок, закончил дистанцию пятым, сумев обойти пятерых конкурентов!

Насибов великолепно «распоряжается» лошадью на любом участке дистанции, потому что в совершенстве чувствует движение лошади — умеет вовремя, с точностью до десятых долей секунды, начать заключительный спурт—бросок к финишному столбу.

Могут возразить, что на лошадях завода «Восток» Краснодарского края, нашего лучшего завода чистокровных скакунов, на которых обычно выступает Насибов, побеждать — дело нехитрое. Те, кто так думает, глубоко заблуждаются. Известно немало случаев, когда другие жокеи выступали на скакунах не менее классных, чем под Насибовым, и все же ему проигрывали. Значит, дело не только в хороших скакунах. Ведь сумел тот же Насибов выиграть в прошлом году призы имени городов Пекина и Улан-

Батора на жеребце Дроне, выращенном в 63-м конном заводе.

И все-таки любители скачек хотели бы видеть среди победителей не только Насибова. Того же, честно говоря, хочу и я. И не потому, что желаю поражений талантливому коннику, а потому, что хочу, чтобы его мастерство стало еще более высоким. Ведь мастерство куется в борьбе, причем в борьбе равных.

К слову сказать, минувший скаковой сезон выдвинул несколько весьма способных молодых жокеев. Один из них, А. Зекашев, сможет, если, конечно, будет вдумчиво и упорно тренироваться, стать достойным соперником нашего жокея № 1. Однако, повторяю, таких конкурентов у Насибова должно быть больше. А для этого нужно смелее доверять молодым спортсменам. Давать им возможность чаще встречаться с опытными мастерами. И пусть не смущают молодых возможные, и, я бы сказал, необходимые, поражения. Ведь без поражений не может быть и настоящих, больших побед. Работникам Научно-исследовательского института коневодства давно бы пора разработать предложения об открытии специальной школы жокеев.

Соревнование на «Кубок Осло». Пройдены первые 400 метров. Впереди норвежский жокей, за ним Алексей Гармаш (СССР). Четвертым скачет Николай Насибов.

И наездники

Теперь о нашем рысистом спорте. И в разведении и в тренировке лошадей русской и орловской пород наше отечественное коннозаводство достигло немалого. Экстерьер рысаков, их легкая и четкая рысь привлекают внимание крупнейших зарубежных знатоков. Намного повысилась и резвость рысаков. Не случайно дореволюционный рекорд феноменального орловца Крепыша (2 минуты 8,6 секунды на 1 600 метров) уже превышен несколько раз.

Такие рысаки, как никем не превзойденный Жест (1 минута 59,6 секунды), Первенец, Гибрид и Приятель, могли бы конкурировать с лучшими европейскими и американскими рысаками. Но дело в том, что рысак, пусть самых что ни на есть знаменитых кровей,— это еще глина, из которой усилиями тренера-наездника, конюхов, ветеринарных врачей, зоотехников может быть вылеплен рекордист.

Мне приходится повторять эти азбучные истины, так как их забвение приводит к тому, что рысак с отличными задатками часто к 4—5 годам, а иногда и того раньше выходит из строя. Да и может ли быть иначе, если молодняк, за редким исключением, поступает на ипподром недоразвитым и почти не выезженным. Поэтому-то наезднику вместо того, чтобы «спросить» с рысака возможную для его возраста резвость, приходится исправлять пороки заводского воспитания.

Интересно, что, по отзывам известных французских наездников, снискавших мировую славу, в частности, таких, как Чарлз Милс, наш рысак еще прячет от наездника свои истинные секунды. С таким утверждением нельзя не согласиться. В чем же дело? Быть может, наши мастера тренируют лошадей по старинке и потому отстали от своих французских коллег? Вряд ли это так, хотя, по-видимому, кое-что полезное из зарубежного опыта можно и следует использовать. Мне кажется, причина наших отдельных неудач в крупных соревнованиях кроется в другом — в подчас неразумной эксплуатации спортивной лошади.

Хочу, чтобы эти замечания были правильно восприняты всеми, кто работает с лошадью и любит свое дело. Да, русский и орловский рысаки стали более породистыми и резвыми. Приятно и то, что на наших лошадей большой спрос за границей, особенно в Швеции, Финляндии и Австрии. (В Скандинавии до недавнего времени считали, что у них могут хорошо бежать лишь свои, «холоднокровные» лошади.)

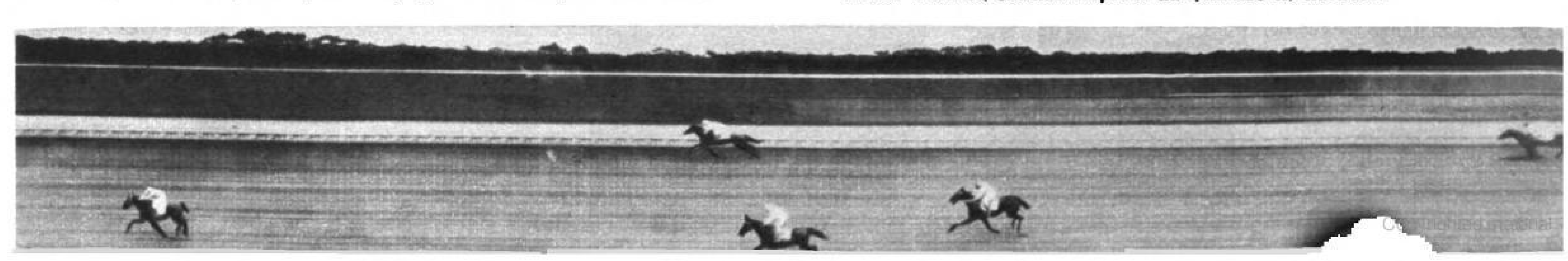
Мне рассказывали, что во время поездки нашей команды в эти страны нынешним летом именно проданные нами рысаки и составили основную конкуренцию советским конникам. Следовательно, помимо всех прочих факторов, успех дела в конечном счете решают люди. Разумеется, каждый мастер придерживается своей системы подготовки лошади. Заслуги наших известных мастеров перед отечественным конным спортом неоспоримы. И уникальный Улов, созданный Н. Семичевым, и Жест, установивший всесоюзный рекорд под управлением А. Сорокина, и Первенец и Гибрид ныне покойных А. Зотова и А. Бондаревского — все эти замечательные рысаки и их великолепные тренеры-наездники вписали славную страницу в историю рысистого спорта. Но позвольте спросить вас, дорогие товарищи (я имею в виду ныне здравствующих мастеров), кому, в чьи руки вы передадите вожжи, а сделать это, видимо, уже время? Где новые Семичевы, Лыткины, Снетковы и Сорокины? Увы, их нет. А они должны быть. И помочь воспитать таких мастеров вы и должны. Не хочу сказать, что у нас нет молодых способных наездников. Они есть. К таким с полным правом можно отнести москвичей Павла Андреева, Анатолия Крейдина, Александра Хиргу, Сергея Тарасова и Петра Гречкина. И все же смена заслуженным мастерам должна насчитывать большее число имен.

Немало их среди спортсменов-жокеев. То, что это так, нашло свое подтверждение на V Всесоюзных соревнованиях конников совхозов, колхозов и конных заводов, состоявшихся в сентябре этого года на пятигорском ипподроме. Это был по-настоящему красочный праздник лихих джигитов всех наших братских республик. Зрители, а их собиралось на соревнования до 50 тысяч, были свидетелями огневых скачек, упорных поединков представителей классических видов конного спорта — конкуристов, троеборцев, лучших представителей верховой езды.

Таковы пока неполные итоги заканчивающегося конноспортивного года. Он принес немало радостных минут любителям этого увлекательного спорта. Нынешней осенью коллекция призовых медалей советских конников пополнилась наградами наших троеборцев, завоевавших в Англии титулы чемпионов Европы. Впереди у наших спортсменов самый серьезный экзамен — выступления на Олимпийских играх в Токио.

Уверен, что отряд спортсменов-конников прославит нашу Родину новыми отличными победами. В добрый путь, дорогие друзья!

А вот и конец скачки. Первым на финише Н. Насибов.

А. ЖУКОВА, Д. УХТОМСКИЙ

Сорок лет существует Союз равных и счастливых республик. Каждая республика создала театры, как построила домны и заводы, музеи, школы, институты... Эти две сцены — сцены Кремлевского театра и Кремлевского Дворца съездов — принадлежат всем пятнадцати республикам сразу и всем лучшим коллективам страны.

Сюда едут актеры из больших городов и маленьких далеких поселков. И мы давно уже не удивляемся этому. Мы привыкли. А ведь это прекрасно.

Семье братской, единой — 40 лет

ПРИНАДЛЕ

Кончился спектакль. Зрители горячо обсуждают пьесу Б. Кербабаева «Решающий шаг», которую показал им сегодня Туркменский государственный театр драмы.

Не прошло еще волнение у актеров. Пора снимать грим. Пора ехать в гостиницу. Гастроли кончились. Но никогда не забудется Кремлевский театр, яркие огни рампы, горячие аплодисменты.

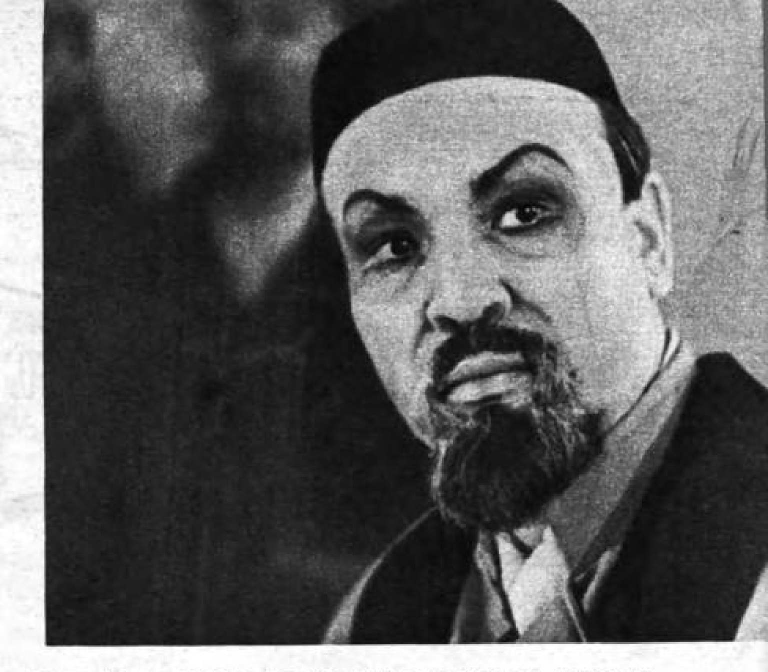

«Свежий ветер» — так называется новый спектакль по пьесе А. Суичмезова, поставленный в Ростове-на-Дону Государственным драматическим театром имени Горького. Спектакль был горячо принят и москвичами. Свежий ветер... Да, именно этот ветер веет сегодня в деревне. Ему радуются смелые и честные люди. Его боятся трусы и подлецы. Вот они — авантюристка Фитюнина (арт. Е. Филиппова), вор Юрчихин (засл. арт. РСФСР Б. Шатуновский), трус и подлец Буров (арт. Г. Гуровский), безжалостно разоблачаемые автором и артистами. Свежий ветер, веющий над страной, уносит их из нашей жизни, как мусор.

Последняя репетиция перед выступлением в Кремлевском Дворце съездов. За пультом — литовский дирижер Айдис Жюрайтис.

Имя большого поэта Абая Кунанбаева дорого сердцу каждого казаха, каждого русского, каждого хорошего человека. Сегодня Абая оживил для нас своей талантливой игрой заслуженный артист Казахской ССР И. Ногайбаев в спектакле Казахского Академического театра драмы имени М. Ауэзова «Абай».

...жит 15 республикам

Кинель-Черкасский народный театр Куйбышевской области. Здесь по вечерам становятся артистами трактористы, слесари, пионервожатые, преподаватели, пенсионеры... Идет спектакль А. Островского «Женитьба Белугина». Библиотекарь Н. Шипова сегодня — Елена. Сегодня она артистка. Артистка, приехавшая на гастроли в Москву.

Сцена в цыганском таборе. Балет «Лилея». Киевский Академический театр оперы и балета имени Т. Г. Шевченко радует москвичей блистательным мастерством, многогранным, объемным решением характеров. Но главное даже не это. Большинство балетов и опер Киевского театра пленяет неповторимым национальным колоритом, прелестью украинской мягкой лирики, ощущением бескрайнего приволья, словно в зал Кремлевского Дворца съездов долетает могучий ветер с Днепра.

«Тарас Бульба»... «Мазепа»... «Лесная песня»... «Лилея»... Во всех этих спектаклях главное для нас — красавица Украина.

Рисунки В. ГАЛЬБЫ.

НАГЛЯДН

Микола БИЛКУН

Никто не скажет вам, не буду говорить и я, что председатель Задолинского райсовета Карпо Сергеевич Грец жалел деньги на ремонт дорог в своем районе.

Фонды? Фонды отпускались, как им и следовало.

И никто не скажет, да и я не буду говорить, что начальник районного автошосдора Михайло Прокопович Бринь не использовал эти фонды или, если уж придерживаться точного слога бухгалтерских отчетов, не «осваивал их».

Он их осваивал. И обычно ему даже просто не хватало их, этих фондов.

И опять-таки никто не скажет, а я тоже, что в Задолинском районе уж настолько хороши дороги. Какое! Шоферы совсем особенными словами отзывались о Брине и обо всем его аппарате, я не могу даже передать вам эти слова, да и кто же вам осмелится вслух передать их! Особенно если поблизости женщины. Или ученики младших классов.

Остается домыслить такую версию: а может быть, Михайло Прокопович Бринь все эти фонды, а точнее, государственные деньги, которые щедрой рукой отпускает ему Карпо Сергеевич Грец, может, он их разбазаривает или, горше того, присваивает?

Ведь можно очень просто подумать, что за эти деньги Бринь себе дом воздвиг либо автомашину купил...

Но и этого не скажу я вам, и никто вам этого не скажет. Больше того, каждый скажет, что все деньги, все до последней копеечки, Бринь вкладывает в пути-дороги.

А шоферы последними словами характеризуют Бриня, и машины ломаются на дорогах Задолинского района, и нет этому ни конца, ни краю, как нет ни конца, ни краю степным дорогам.

Райцентр... Лежит райцентр в стороне от асфальтового шоссе километров так за двадцать. От шоссе и до райцентра — грейдер. Или, по выражению шоферов, «горе-рейдер».

Но Михайло Прокопович не очень прислушивается к изысканным выражениям шоферов. У него свои заботы.

И стоит, например, на границе района, на том самом месте, откуда «горе-рейдер» сходит с асфальтового шоссе, стоит на этом месте воздвигнутая стараниями Михайла Прокоповича арка. Отчасти каменная, отчасти сооруженная из шлакоблоков. И всякими украшениями облицована она со всех сторон, и изукрашена она, и написано на ней (да как написано, как расписано!), в какой именно район въезжают шоферы. Арка! Боже ты мой, какая арка! Лишь чуть пониже Триумфальной, совсем немного поуже Бранденбургских ворот! Ни в одном районе нет такой арки, а шоферы все бурчат, все бурчат: лучше, мол, грейдер отремонтировать!

Им, как бабке моей, ничего никогда не ладно. Дорога от райцентра прямо-таки сказочная. Взглянешь налево — стенды, направо поглядишь — плакаты, а сколько дорожных указателей! «Через 50 метров — выбоина. Будь внимателен!» Или по-другому: «Мост ремонтируется. Объезд 8 км». Ведь какие капитальные указатели, как красочно оформлены! А шоферы, чудаки такие, не ценят ничего этого.

А стенды какие! А плакаты! Вот этот, например, тот самый, которым Михайло Прокопович больше всего гордится: «Алкоголизм — друг аварии!». Художественно изображенная синяя бутылка разбивается о зеленый грузовик. А слева — великолепно исполненное панно (из Киева специально художника вызывали. Ох, и торговался тот художник, прямо будто великий мастер!).

А шоферы ничего этого не ценят.

Это панно для Бриня самое дорогое. Сколько денег, отпущенных на ремонт дороги, слизало оно, один бог знает! Ведь тогда чуть-чуть выговор не схватил за перерасходы, но чего только не сделаешь, чтобы дороги в твоем районе были наилучшие!

Метров через двести, на втором художественном панно, рассказывается история района. Это — похуже. Картинок меньше, и буквы поменьше, но идеологически выдержано.

Еще дальше, как только пройдешь глубокую выбоину, прямо-таки скульптурный дорожный ука-

ДУМЫ

Ахмед ЕРИКЕЕВ

К 60-летию со дня рождения

* * *

Незакатная звезда
Не небе моей мечты,
Где бы ни был я, всегда
Озаряешь сердце ты.
В час иной на небесах
Гасит туча звездный луч,
А тебя в моих глазах
Не затмят и сотни туч.
К сердцу моему ладонь
Приложив, ты все поймешь;
Обожжет тебя огонь:
На костер я стал похож.
Словно в дом, ты входишь в стих,
И, когда покину свет,
На ступеньках строк моих
Люди твой отыщут след.
Вижу в мае на заре
Я тюльпаны на лугу,
А придешь ты в январе —
Их увижу на снегу.

Светлый с четырех сторон,
До чего же мир хорош!
Быть иным не может он:
В этом мире ты живешь.

* * *

Пусть метель взвывает, как волчица,
Пусть дороги разглядеть нельзя,
Ничего с тобою не случится,
Если рядом верные друзья.

С ними ты разумнее, дружище,
И на той земле, где с ними рос,
В жизни все пленительней и чище —
От улыбки до горючих слез.

Помыслы,
работа и тревоги —
Сложена из них земная жизнь.
Где бы ты ни был — в доме иль в дороге, —
Без друзей тебе не обойтись.

С ними дело спорится любое,
С ними даже горе не беда,
Вынесут,
коль ранен,
с поля боя,
Заболеешь — выходят всегда.

Если радость, словно дождик поле,
Обошла тебя,
не сетуй, друг,
Знай: тому не изменяет доля,
У кого друзей полно вокруг.

Перевел с татарского Яков КОЗЛОВСКИЙ.

ТЕЩА И Я

Лео КЕРГЕ

Нет сомнений: пенсия основательно и бесповоротно перепортила всех тещ. Мне, во всяком случае, пришлось потратить немало усилий, пока я убедил свою тещу в том, как безутешна и печальна жизнь одинокого человека в отдельной квартире и какая беззаботная старость ждет ее в нашей семье.

КАК ГОША КИСТОЧКИН

АЯ АГИТАЦИЯ

затель: «Ближайшая автомастерская — 2 км».

Справа от этого указателя на огромном стенде (доски дубовые, вечные) — соцобязательства, взятые районом. Стенду уже пять лет, а выглядит он как новенький.

А еще чуть подальше — специальный знак, которого вы не найдете ни в одних правилах уличного движения. Автор замысла этого значка сам Михайло Прокопович. Поставлен этот знак у огромной лужи. На желтом фоне нарисованы здесь черный вол и палец, указывающий налево, а ниже цифра — «4 км»... Загрузнешь, мол, в луже; отбуксовался, ну, не бегай туда-сюда, не выглядывай встречных машин, а иди точно туда, куда знак указывает. Через четыре километра будет ферма, дадут тебе волов — и вытаскивай на здоровье машину.

Где и кто же еще пекся так о шоферах, как Михайло Прокопович Бринь? Не ценили они его забот.

Нехорошие слова произносил (хотя и тихонько, чтобы начальство не услышало) и Петя, шофер Карпа Сергеевича Греца, когда вез их обоих (и Греца и Бриня) из области домой.

Вез, вез, да и влетел в эту глубочайшую лужу, около которой красочный дорожный знак стоял.

Петя вперед, Петя назад, Петя на полной скорости... Грязь выше знака летит, грязь уже и очки все Карпу Сергеевичу залепила, а машину снизу будто кто зубами за передний мост ухватил.

Плюнул Петя и пошел за четыре километра в ту сторону, куда палец на желтом фоне указывал.

А Карпо Сергеевич и Михайло Прокопович тоже из машины вылезли, чтобы немного ноги поразмять. Михайло Прокопович не терял при этом здорового чувства юмора, потому что был это именно тот случай, когда можно вблизи показать свою наглядную агитацию. Раньше все как-то так выходило, что начальство на полном газу мимо нее проскакивало и не могло отдать должное трудам Бриня. А теперь такой прекрасный случай произошел.

Что касается Карпа Сергеевича, то он лишь посапывал и был хмурый, как туча, что облегла небо с горизонта.

— Что это? — спросил он, теряя в черном иле галошу.

— Это? Это... Как бы вам сказать? Наш район в далеком прошлом и в близком будущем.

— Гм...

Карпо Сергеевич прочитал все, что было написано на стенде, и отправился дальше. Михайло Прокопович шел за ним, и по-детски радостная улыбка играла на его устах: наконец он имел случай показать товар лицом.

— А это что?

— Это призыв шоферам, чтоб уничтожали хомяков.

— Что же они, колесами давить их будут или как?

— Зачем колесами! Бывает, машина остановится в поле, испортится, шофер может взять ведерко и идти в поле.

— Ведерко, значит! Так-так...

Ознакомившись с инструкцией, как уничтожать хомяков, Грец пошел дальше, а Бринь зашагал рядом как экскурсовод и давал пояснения:

— Это агитплакат «Алкоголизм — друг аварии». А здесь призыв к шоферам сдавать пустую стеклянную тару. Это дорожный указатель «Ближайшая автомастерская — 2 км». Это художественные плакаты «Выращивайте цитрусовые, они дадут вам витамины»... Замечаете рифму: они — витамины?

Так шли они, шли и вышли на пригорок, с которого был уже виден райцентр. Карпо Сергеевич теперь и не заметил, когда потерял вторую галошу.

— Эх, Карпо Сергеевич! — проникновенно сказал Бринь.— Кабы мне средства, разве такую бы наглядную агитацию я развернул!

Карпо Сергеевич молчал, и это уже не нравилось почему-то Бриню.

Они начали спускаться с пригорка.

— Ну вот что,— хриплым голосом вымолвил Грец.— Давно мне говорили, давно агитировали меня, что пора тебя с работы снимать к чертовой матери, я все не верил, все колебался. Теперь наглядно вижу. Сам сагитировал меня. Подавай завтра заявление, что по собственному желанию, и чтобы я тебя больше не видел!

Михайло Прокопович обиженно шмыгал носом.

— Ну да,— сказал он,— кабы фонды были, да кабы краска не расплылась, да не поскупились бы из Киева бригаду художников выписать, так, небось, у Бриня все в порядке было бы, а так... А так ясно: невестка виновата. Конечно, на Бриня теперь всю вину... Стараешься, стараешься, а потом «по собственному желанию». А кто говорил: фонды выделить...

Грец его не слушал. Он размышлял, как разъяснить жене факт утраты совершенно новых галош.

Перевел с украинского
Павел КРАВЧЕНКО.

Уже в первый день дети окружили бабушку самой нежной любовью и не отходили от нее ни на шаг. Мы с женой днем работали, вечерами ходили в кино и в театр, а по субботам выезжали за город.

Счастливо и беззаботно протекали и тещины дни. Кроме присмотра за детьми, у нее никаких других обязанностей не было, если не говорить о таких мелочах, как готовка обедов и уборка комнат.

Для бабушки все было бесплатно, и она в знак благодарности стала отдавать нам свою пенсию. В свою очередь, мы уже на второй месяц ее пребывания подарили ей швейную машину. Радостно было видеть, как теща жужжала на ней ночи напролет и детвора получала одну обнову за другой.

На пенсию, полученную за последние полгода, мы купили бабушке мотороллер. По субботам я с женой катили на нем за город, а на время отпуска перебрались на лоно природы всей семьей.

Мы ведь с женой страстные рыболовы. Целые дни мы просиживали на берегу озера. Где-то в середине утра приходила бабушка с бутербродами и детьми, некоторое время смотрела на нас с сожалением, качала головой и затем уходила с ребятами.

В одно прекрасное, а вернее, в несчастное утро я съел принесенные тещей бутерброды и пошел на родник пить. Удилище дал подержать теще. И вдруг слышу, теща визжит, а жена кричит: «Тяни!»

Конечно, это был самый большой окунь, какой когда-либо тещи вытягивали из пресных вод. Только я протянул руку за удочкой, как теща сказала:

— Постой. Подожди-ка, я еще разок попробую.

Убежден, что это сам водяной навешал ей в тот вечер на крючок тридцать шесть больших и малых рыбин. Вечером тещу как будто подменили — щеки у нее пылали, и в глазах появился странный блеск.

Утром я обнаружил, что постель тещи пуста. Исчезли и оба моих удилища, резиновые сапоги и приготовленная с вечера жестянка с наживкой. После нескольких часов поисков мы вдруг обнаружили знакомый чепчик — он торчал из камыша. Теща сидела в лодке и удила, глухая и слепая ко всему бренному миру.

С этого все и началось. Теща поехала в город за пенсией, купила на все деньги удочек, крючков и пять экземпляров «Руководства для рыболовов». Теперь каждое утро жена с тещей отправлялись на озеро, а я оставался дома с четырьмя детьми.

На вторую неделю я почувствовал, что вся эта история выше моих сил. Я послал в инспекцию по охране вод анонимное письмо, в котором намекнул, что теща занимается хищническим ловом и вообще в некотором роде вредительница.

Можете представить себе мое ощущение легкости, когда наконец я перевез семью в город, и жизнь снова покатилась по обычной колее. Только с тещей что-то все же стряслось: она часами простаивала у окна, начала увлекаться утренней зарядкой и по вечерам, как лунатик, блуждала у реки. Потом она приобрела какую-то таинственную книжку и стала исчезать.

Однажды в субботу теща сняла с гвоздя ключ и вывела из сарая мотороллер. Я схватил с полки пузырек с валерьянкой и вылетел во двор.

— Куда вы? — спросил я по возможности равнодушно.

— Попробую-ка эту трещотку,— ответила теща.

— Побойтесь бога и автоинспектора! — дрожащим голосом промолвил я.

— А что мне они,— возразила теща,— у меня курсы закончены и права в кармане.

Если увидите в городе или на шоссе пожилую женщину, несущуюся на мотороллере со спиннингом на ремне через плечо, знайте — это и есть моя теща. А если в парке или аллее встретите молодого человека с четырьмя детьми,— знайте, это я.

Перевела с эстонского
Н. ХРАБРОВА.

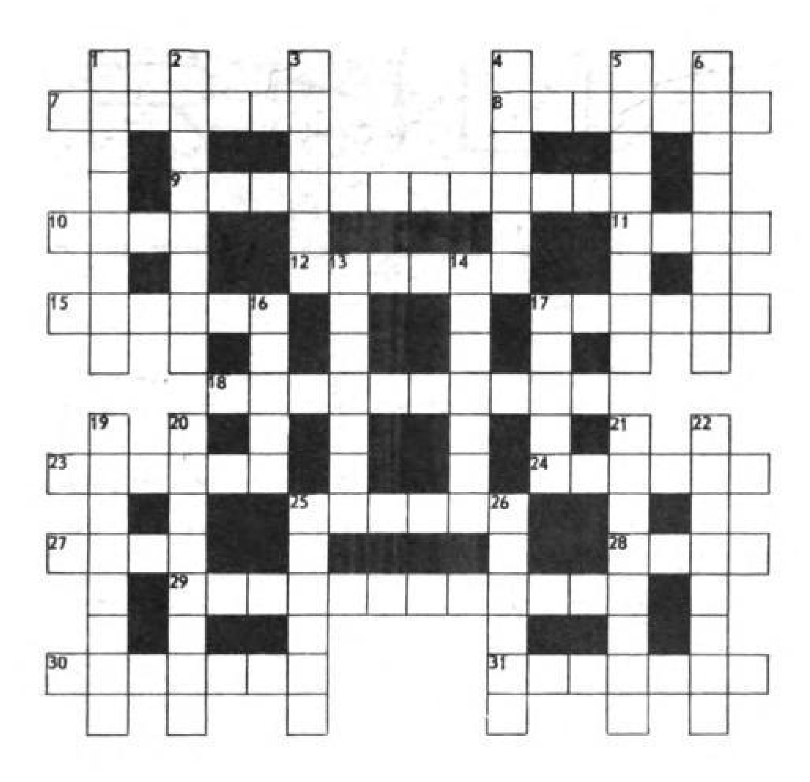
С ГОЛОВОЙ УШЕЛ В АБСТРАКЦИОНИЗМ

Рисунок Ю. Черепанова

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Азбука. 8. Духовой инструмент. 9. Спортсмен. 10. Советский художник-график. 11. Птица. 12. Часть текста. 15. Украинский поэт. 17. Рассказ А. П. Чехова. 18. Путешествие. 23. Космическое тело. 24. Минерал. 25. Богато отделанный вход в здание. 27. Поклажа, перевозимая на спине животного. 28. Сорт картофеля. 29. Необходимость выбора между двумя исключающими друг друга возможностями. 30. Подъем воды в реке. 31. Творец нового, прогрессивного.

По вертикали:

1. Морское животное. 2. Шерстяная ткань. 3. Австрийский композитор. 4. Машинная деталь. 5. Подражание. 6. Молодежный журнал. 13. Футбольная команда. 14. Крытая повозка. 16. Часть часового механизма. 17. Печатное произведение. 19. Ярус в зрительном зале. 20. Народный артист СССР. 21. Овощ. 22. Преобразователь звуковых колебаний в электрические. 25. Сахаристый продукт. 26. Сплав меди с цинком.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

По горизонтали:

3. Лемешев. 6. Сурик. 8. Ролик. 10. Асама. 11. Птаха. 12. Канск. 14. Острота. 17. Каркас. 19. Ковыль. 20. Репродуктор. 23. Гитара. 24. Нарзан. 25. «Варвары». 26. Тобол. 28. Кутум. 29. Селен. 31. Кукша. 32. Орион. 33. Писарев.

По вертикали:

1. «Белка». 2. Цедра. 4. Арка. 5. Глюк. 6. Сказка. 7. Гаприндашвили. 9. Канава. 11. Планерист. 13. Килограмм. 15. Сторона. 16. Трактор. 18. Среда. 19. Клоун. 21. Казбек. 22. Протон. 27. Лука. 28. Крит. 29. Сатин. 30. Номер.

На первой и последней страницах обложки: Зима-чудесница.

Фото Н. Козловского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00591 Подписано к печати 19/XII 1962 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 2005. Заказ 3412.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

В 1963 году с первого номера «Огонька» начинаем печатать роман Николая АСАНОВА и Юрия СТУРИТИСА «ЯНТАРНОЕ МОРЕ», написанный по следам действительных событий.

...Вернулся он не скоро. А когда, открыв дверь своим ключом, вошел, подумал: «Попал в засаду!» Все трое стояли в передней. Лаува и Эгле выставили вперед пистолеты. Только Вилкс держался внешне спокойно, но и у него руки были засунуты в карманы, и видно было, как оба кармана оттопырились — два пистолета!

Приеде хмуро улыбнулся и прошел к себе в комнату, ни с кем не заговорив...

В романе рассказывается о героической работе советских контрразведчиков, борющихся с вражеской агентурой.

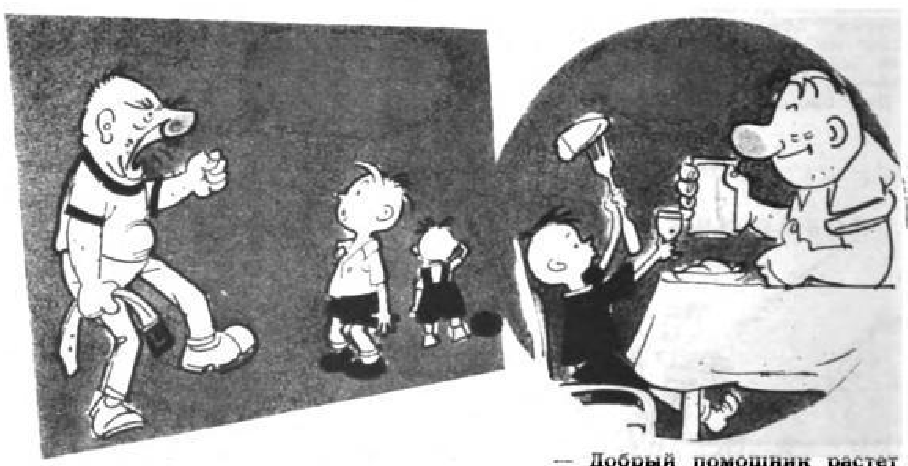
У НАС В ГОСТЯХ «Перець» (Киев) «Вожык» (Минск)

Как он представляет себе путь в коммунизм.

Рисунок В. Зелинского.

Киев.

— Ах ты, мерзавец! Кто тебя выучил так ругаться?

— Добрый помощник растет у меня!

Рисунки Н. Гурло.

Минск

Без слов.
Рисунок В. Каневского.

Из охотничьих рассказов...
Как я охотился на волков.

Рисунок Е. Ведерникова.

— И ты уже встретила?!
Рисунок М. Вайсборда.

— А помнишь, ты ездила на сером волке?
Рисунок Е. Горохова.

— Смелее, смелее въезжайте!

Взяточник:— Мне бы такую лапу!
Рисунок Бе-ша. Киев.

— Осторожно, картошку топчешь!
Рисунок С. Романова. Минск.

— Наконец-то побреемся.

Рисунок В. Зелинского.

Шутки полиграфии

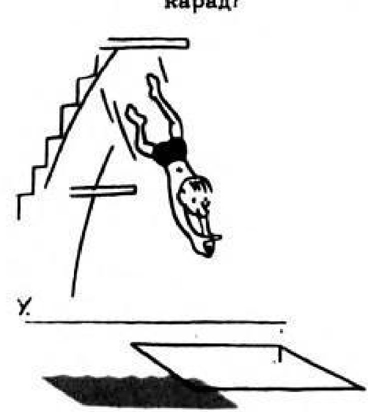
Рисунки М. УШАЦА.

— Честное слово, это твои губы. Их только неправильно напечатали.

— Вот так напечатали!.. Как же я теперь пойду на маскарад?

— Ой, где же они напечатали воду?!

— Растяпы, напечатали вино на пиджаке!

— Официант, что с моей яичницей?!

Цена номера 30 коп.